U 355/216

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

24.
355
216

А. БАРАНОВЪ.

ВЪ ЗАЩИТУ
НЕСЧАСТНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Отъ автора. 2) Исторія возникновенія „Общества защиты несчастныхъ женщинъ". 3) Несчастныя. 4) На локтѣ. 5) Маскарадъ. 6) Пробужденіе. 7) Краткій проектъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ". 8) Заключеніе. 9) Уставъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани". Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности „Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани" за 1900 г.

40 коп.

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., с. д.
1902.

ИЗДАНІЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

ТОКВИЛЬ. *Старый порядокъ и революція.* Перев. А. Гуковскаго, подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова.* 350 стр. 1898 г. 2-е изданіе. Цѣна **50** коп. Реком. какъ „пособіе необходимое" прогр. Комисс. для орг. дом. чт.

ВЮИЛЬМЕНЪ. *Біологія растеній.* Перев. И. А. Петровскаго, подъ редакц. проф. *К. А. Тимирязева.* 290 стр., 71 рис. 1897 г. Цѣна **50** коп. Реком. прогр. Комисс. для организ. дом. чтенія.

ГРИНЪ. *Краткая исторія англійскаго народа.* Перев. *Н. Н. Шамонина* Вып. 1-й, 340 стр. 1897 г. Цѣна **50** к. Вып. 2-й, 392 стр. 1898 г. Цѣна **70** к. Вып. 3-й, (послѣдній) 408 стр. 1900 г. Цѣна **80** к. Реком. какъ „пособіе необходимое" прогр. Комисс. для организ. дом. чтенія.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

Моховая, магазинъ „[illegible]".

Выписывающіе изъ главнаго склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.

Б-24.
И 355/216

А. БАРАНОВЪ.

ВЪ ЗАЩИТУ
НЕСЧАСТНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Отъ автора. 2) Исторія возникновенія „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“. 3) Несчастныя. 4) На ловлѣ. 5) Маскарадъ. 6) Пробужденіе. 7) Краткій проектъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“. 8) Заключеніе. 9) Уставъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани“. Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности „Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани“ за 1900 г.

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., с. д.
1902.

Дозволено цензурою. Казань, 7 марта 1901 г.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ описка и порядковый 1950 г.
11							2421.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская въ свѣтъ свои очерки: „Въ защиту несчастныхъ женщинъ“, третьимъ изданіемъ, я руковожусь единственнымъ желаніемъ способствовать этимъ, во-первыхъ, болѣе широкому распространенію идеи „Общества защиты“ въ массѣ публики; во-вторыхъ, способствовать устройству „обществъ“, подобныхъ казанскому, въ другихъ городахъ.

Въ послѣднемъ случаѣ особенно важно для дѣла будетъ сочувствіе и содѣйствіе провинціальной прессы, какъ стоящей близко къ мѣстной жизни и имѣющей поэтому возможность непосредственно вліять на послѣднюю.

Осуществить „Общество защиты“ въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ городѣ въ настоящее время уже не представляется особенно затруднительнымъ: для этого достаточно лишь собраться небольшому кружку лицъ, сочувствующихъ дѣлу защиты несча-

стныхъ женщинъ, выработать уставъ или еще проще —взять казанскій уставъ и послать его на утвержденіе, при чемъ можно просить „Россійское общество защиты“ о содѣйствіи къ ускоренію утвержденія. Мѣстныя же газеты, помимо сочувственныхъ дѣлу статей, могутъ открыть пріемъ пожертвованій и запись членовъ.

Исторія возникновенія „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“.

Четыре года тому назадъ я выступилъ въ Казани со своимъ проектомъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“ („К. В. Край“ № 345 отъ 19 февраля 1897 г.) *).

Признаюсь, что я долго колебался сдѣлать это: тогда я былъ совершенно одинъ, съ пустыми руками, наконецъ, самое слово „проститутка“ считается до того непристойнымъ, что его нельзя даже произносить въ обществѣ. Подъ этимъ словомъ многимъ до сихъ поръ представляется какое-то грязное, выродившееся существо, которое съ удовольствіемъ занимается гдѣ-то тамъ, во мракѣ, своимъ гнуснымъ ремесломъ... При этомъ брезгливое презрѣніе сопровождаетъ всюду не покупателей несчастной, не тѣхъ, кто создалъ ее для своихъ „потребностей“, а ее самое, и безъ того жалкую и поруганную. Если что и слѣдуетъ еще сдѣлать, по мнѣнію большинства,

*) Проектъ прилагается въ концѣ.

такъ это — еще усиленнѣе регламентировать „промыселъ“, еще больше усилить строгость врачебно-полицейскаго надзора,—тогда сифилисъ, этотъ страшный бичъ человѣка, исчезнетъ и развратъ будетъ вести себя „тихо-смирно“ въ отведенныхъ ему улицахъ, подъ бдительной опекой...

Понятно, что бороться съ такимъ упрощеннымъ взглядомъ на вещи было довольно рискованно: „и погромче насъ были витіи“... И начатое дѣло могло лишь потонуть въ морѣ пошлости, которая встрѣтила бы его вмѣсто симпатій.

Но увѣренный въ жизненности идеи — организованной защиты несчастныхъ женщинъ,—я рѣшился всетаки, выступить въ „Кам.-Волж. Краѣ“ съ рядомъ своихъ очерковъ изъ жизни „погибшихъ“ женщинъ, которые и вошли въ эту книжку. Попытки дискредитировать начатое дѣло, загрязнить и опошлить его, дѣйствительно, не замедлили явиться и, къ сожалѣнію, даже на страницахъ нѣкоторыхъ казанскихъ газетъ; но эти попытки были тотчасъ же заглушены общимъ взрывомъ сочувствія. Потребность сколько-нибудь разобраться въ такомъ огромномъ и важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о „проституціи“, затрогивающемъ, такъ или иначе, самую интимную сторону многихъ и многихъ людей,—очевидно, такъ назрѣла въ обществѣ, что достаточно было появленія даже такихъ незначительныхъ очерковъ, какъ мои, чтобы та потребность проявилась во всей своей силѣ. Такимъ образомъ, мои скромные очерки сыграли

въ этомъ случаѣ роль перваго комочка снѣга, который, покатившись съ горы, все наростаетъ, наростаетъ, пока не превратится въ большой шаръ...

И дѣйствительно, симпатіи къ начатому дѣлу все росли и росли. На организацію проектируемаго „Общества“ стали поступать пожертвованія, явились члены. Движеніе въ пользу практической борьбы съ торговлей несчастными женщинами, начавшись въ Казани, быстро перекинулось далеко за ея предѣлы. Пожертвованія стали приходить съ разныхъ концовъ Россіи, часто изъ самыхъ глухихъ ея уголковъ. Во многихъ уѣздныхъ городахъ (въ Малмыжкѣ, Слободскомъ, Глазовѣ, Чистополѣ и мног. друг.) стали устраиваться въ пользу „О-ва“ концерты, спектакли, подписки. Достаточно взглянуть на списокъ пожертвованій, чтобы поразиться—отъ какихъ разнообразныхъ людей поступали они,—и это лучше всего доказываетъ жизненность самаго дѣла. Болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованій, исключая одного въ 100 руб., не было совсѣмъ. Жертвовали не извѣстные богатые благотворители, сначала опасливо сторонившіеся отъ новаго дѣла въ виду его особой исключительности, а — швеи, студенты, курсистки, ученицы школы кройки, священники, учительницы, фельдшерицы, фармацевты, акцизные чиновники, офицеры, солдаты, наборщики, профессора, нѣкоторые адвокаты... Самое активное участіе въ дѣлѣ приняла редакція „Кам.-Волж. Края“, — въ лицѣ редактора Н. П. Загоскина и, въ особенности, въ

лицѣ секретаря В. А. Кулинченко,—открывшая пріемъ пожертвованій и запись членовъ. Кромѣ того, въ сборѣ пожертвованій приняли дѣятельное участіе студентъ, а нынѣ врачъ П. А. Фоминыхъ, ветеринарный врачъ В. Л. Якимовъ, г-жа З—хъ и др. Очень сочувственно отнеслись къ Казанскому почину: покойный казанскій архіепископъ, высокопреосвященный Владиміръ, сдѣлавшій пожертвованіе и пославшій благословеніе первому общему собранію членовъ, а также—бывшій о. ректоръ духовной академіи, преосвященный Антоній, бывшій Городской голова С. В. Дьяченко и др. По примѣру казанской учащейся молодежи, горячо отозвавшейся на призывъ, при чемъ студенты духовной академіи, университета и вет. института несли свою посильную лепту,—студенческая молодежъ другихъ городовъ то же не замедлила выразить сочувствіе дѣлу, при этомъ поступили пожертвованія отъ студентовъ С. П. Б. лѣсного института, Петербургскаго университета Ново-александрійскаго института, отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ и т. д., и даже изъ австрійскаго политехникума. По иниціативѣ же студентовъ, въ Петербургѣ организовался вечеръ въ пользу „О-ва защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани“ подъ распорядительствомъ княгини В. Ю. Трубецкой и съ участіемъ многихъ извѣстныхъ писателей; но этотъ вечеръ не былъ разрѣшенъ г. градоначальникомъ, который, по совѣщаніи съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ,

что „Филантропическія общества должны изыскивать средства для усиленія своего фонда въ томъ районѣ, гдѣ эти общества существуютъ (Нов. Вр. 1897 г.). Въ высшей степени сочувственно отнеслась къ казанскому почину и вся печать. Нѣкоторыя газеты открыли пріемъ пожертвованій въ пользу „о-ва защиты“ и послѣднія поступали въ редакціи „Вятскаго Края“, „Нижегор. Листка“, „Волгаря“. и др.

Въ провинціальныхъ, а затѣмъ и въ столичныхъ изданіяхъ былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ поднятому вопросу *).

Изъ разныхъ городовъ стали приходить письма съ просьбой выслать проектъ устава, который былъ написанъ мной и отосланъ въ Казань для обсужденія и детальной разработки на общемъ собраніи членовъ-учредителей, вмѣстѣ съ подробной программой будущей дѣятельности „о-ва“, какъ она мнѣ представлялась.

Такіе запросы были получены изъ Петербурга, Москвы, Одессы, Нижняго, Ростова на Дону, Саратова. Во всѣхъ ихъ, исключая, кажется, Ростова на Дону и Саратова, „Общества защиты“ теперь уже открыты.

Въ числѣ другихъ, я получалъ иногда трогательныя письма и отъ самихъ „несчастныхъ“. „Будущее убѣдитъ,—писала одна изъ нихъ,—какъ дорога и нужна была намъ помощь. Долили мои, а можетъ быть, и

*) См. „Заключеніе“.

навѣрно, и другихъ молитвы ко Всевышнему Богу... Дай Богъ, чтобы и счастливыя женщины проникли въ Вашу полезную обществу заботу о помощи намъ, о чемъ только втихомолку люди плакали, даже тѣ, которыхъ глазъ людской считаетъ счастливыми“...

Такимъ образомъ, судя по началу, можно было заключить, что дѣлу защиты несчастныхъ женщинъ предстоитъ особенно прочно привиться и развернуться именно въ Казани, гдѣ оно и началось при общемъ сочувствіи, но... тутъ случилась удивительная исторія, возможная только у насъ, исторія, затормозившая открытіе „Общества“, на 3 года.

Хотя мнѣ очень непріятно вспоминать объ этой печальной исторіи, но я считаю всетаки нужнымъ остановиться на ней, такъ какъ она, можетъ быть, послужитъ полезнымъ урокомъ для тѣхъ, кто пожелаетъ устроить „Общество Защиты“ въ другомъ мѣстѣ.

Еще до перваго общаго собранія членовъ учредителей, мнѣ сообщили въ Малмыжъ, гдѣ я въ то время жилъ, что въ Казани образовалась какая то партія, которая хочетъ предложить какой то свой „расширенный“ уставъ „Общества помощи всѣмъ нуждающимся женщинамъ“ или что-то въ этомъ родѣ.

Обезпокоенный такой вѣстью, я послалъ въ Казань, наканунѣ собранія, телеграмму, въ которой заявлялъ, что мы устраиваемъ „О—во“ съ опредѣленными задачами и что уставъ его, въ предѣлахъ

этихъ задачъ, достаточно широко охватываетъ вопросъ о защитѣ несчастныхъ женщинъ, а потому всякое дальнѣйшее расширеніе устава лишь обезличитъ послѣдній и, слѣдовательно, нежелательно. Чтобы исключить возможность всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній, редакція „Кам. Волж. Края“ сдѣлала съ своей стороны заявленіе, что другихъ проектовъ, аналогичныхъ моему, инціаторамъ не было представлено и въ предстоящее собраніе внесено быть не можетъ *).

Не смотря на все это, на собраніе членовъ 6-го мая, на которомъ присутствовало до 100 членовъ, явилась группа лицъ, до тѣхъ поръ не проявившая себя рѣшительно ничѣмъ и не принимавшая до того времени никакого участія въ организаціи „Общества“, и внесла вдругъ свой собственный уставъ „Казанскаго женскаго союза“, въ которомъ „Общество защиты несчастныхъ женщинъ“ являлось лишь однимъ изъ отдѣловъ!

Однако, благодаря благоразумію большинства членовъ, съ предсѣдателемъ собранія С. В. Дьяченко во главѣ, былъ принятъ и цѣликомъ утвержденъ нашъ уставъ. Послѣ этого упомянутая группа лицъ всетаки не успокоилась. Ее „шокировали“ рѣзко подчеркнутыя задачи „Общества защиты“, „шокировали „даже слова—„падшая“, „несчастная“ и т. п. И вотъ, эти господа, явившись къ намъ, захотѣли, во что бы то ни стало, эксплоатировать вызванное обще-

*) „К. В. Край“ 97 г. 6 мая.

ственное движеніе въ свою пользу и повели аттаку. На собраніе 9-го мая, цѣлію котораго было детальное обсужденіе нашего устава, они явились, уже усиленные своими знакомыми, и, составивъ такимъ образомъ случайное „большинство“, отмѣнили состоявшееся 6-го мая постановленіе Собранія. При этомъ въ баллотировкѣ принимали экспромтомъ участіе даже многія лица изъ публики, знавшія кое что объ „обществѣ“ и его задачахъ лишь по слухамъ. *).

Отстранивъ насъ такимъ путемъ, „большинство“ это рѣшило учредить „Общество защиты и помощи нуждающимся женщинамъ“, при чемъ былъ взятъ нашъ же уставъ, но только изъ него было тщательно выброшено все „шокирующее“ —всѣ слова „падшая“, „несчастная“; былъ выброшенъ § 2, въ которомъ точно поясняются задачи нашего „Общества“. Такимъ образомъ отъ того, что было въ нашемъ уставѣ самымъ существеннымъ, остался почти только одинъ пріютъ св. Магдалины, но и онъ стоялъ рядомъ съ дѣтскими садами, яслями, дешевыми квартирами и даже съ выдачей бѣднымъ дѣвушкамъ приданаго съ цѣлію поощрить бракъ.., *) Та же цѣль проектируемаго „О—ва“, которую мы нарочно рѣзко и рѣшительно подчеркивали и выдвигали впередъ, что бы обратить на нее общественное вниманіе,— опять была затушевана, и отодвинута въ тѣнь...

---

*) „Письма“ Е. Аврехъ, студента В. Якимова и др. „К. В. Край“.

Понятно, что не иниціаторы, не люди, искренно сочувствующіе начатому дѣлу, не могли примириться съ этими исключеніями. Напрасно доказывалось „расширителямъ“, что нельзя „обнять необъятнаго“, особенно съ тѣми скромными средствами, которыя были пока собраны; что общественное сочувствіе все время имѣло въ виду именно „Общество защиты несчастныхъ женщинъ“ съ его опредѣленными задачами; что на это именно дѣло шли и пожертвованія; что если уставъ потомъ вызоветъ на практикѣ какія-либо неудобства, то его можно будетъ тогда очень легко измѣнить, и изъ за этого не стоитъ заводить ссоръ, которыя дурно отзовутся на дѣлѣ; что, наконецъ, если тѣ господа стыдятся не только дѣла, но даже и словъ, и краснѣютъ за ту истину, которую назвали прямо, не накидывая на нее никакого покрова, то, очевидно, что они сѣли не въ свои сани, и не лучше ли будетъ, если они запишутся членами хотя бы въ дамскій благотворительный комитетъ или устроятъ свое собственное общество, хотя-бы „О—во всесторонней помощи всей женской половинѣ человѣческаго рода“, или пожалуй даже—„Общество помощи всему человѣчеству“ *); но только пусть отойдутъ и не мѣшаютъ намъ организовать свое скромное, практически осуществимое дѣло.

---

*) См. многочисленныя письма въ „К. В. Краѣ“ 97 г. Такимъ образомъ, дѣло касалось самыхъ основныхъ задачъ „О—ва“ и мы отстаивали не только слово „несчастныя“ въ заглавіи, какъ думаютъ нѣкоторые: спорить о словахъ мы, конечно, не стали-бы.

Всѣ эти убѣжденія и увѣщанія нисколько не дѣйствовали на „расширителей“, которые выступили въ печати съ цѣлымъ рядомъ нападокъ на иниціаторовъ. „Всѣ перепитіи, которыми ознаменовывается зарожденіе „Общества Защиты“, слишкомъ хорошо извѣстны публикѣ,—писалъ въ „К. В. Краѣ“, извѣстный въ Поволожьѣ, почтенный публицистъ Н. Миролюбовъ, — выразившись въ печатной полемикѣ и нападкахъ почти съ пѣной у рта, пройдя сквозь строй низкопробныхъ печатныхъ инсинуацій и навѣтовъ, подъ часъ переступающихъ всякіе предѣлы чистоплотности и приличія“. Напрасно убѣждалъ и онъ расходившихся „расширителей“, что иниціаторы не навязываютъ имъ силой своего проекта, что поэтому не—благовидно и для нихъ, не мытьемъ такъ катаньемъ, заставлять насъ примкнуть къ нимъ; „что если они не согласны примкнуть къ проектируемому „обществу защиты несчастныхъ женщинъ“, то они могутъ образовать свое, подъ какимъ угодно заглавіемъ и съ какими угодно цѣлями и уставомъ. Кажется, ясно, просто, и остается только въ недоумѣніи остановиться передъ тѣмъ чернильнымъ походомъ противъ иниціаторовъ „О – ва защиты несчастныхъ женщинъ“, который ведется при сочувственномъ и благосклонномъ участіи въ этомъ двухъ остальныхъ газетъ... Изъ за чего же было возжигать весь сыръ боръ, изъ зачего же было порождать всю эту прискорбную полемику, обратившую на себя вниманіе за предѣлами нашего города?..“ Тоже самое

высказывали и другія газеты, (наприм., г. Левинъ въ „Сынѣ Отеч.“, „Нижегор. Листокъ“ и друг.).

Послѣдствіемъ этой „полемики“ было то, что сочувствіе общества къ дѣлу стало замѣтно охладѣвать,—запись новыхъ членовъ почти прекратилась совсѣмъ, а вскорѣ прекратились и пожертвованія. Мало того, очень многія жертвователи, узнавъ объ искаженіи устава и цѣли „О—ва“, стали требовать обратно свои взносы, не желая жертвовать ни на какое другое общество, кромѣ „О—ва защиты несчастныхъ женщинъ.“ *)

Дѣло погибало...

Однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, редакціи „Волж. Края“ удалось всетаки собрать подъ уставомъ массу подписей и отослать его къ г. казанскому губернатору. Наши противники, передѣлавъ нашъ же уставъ, послали его туда же. Очевидно, въ виду сходства обоихъ уставовъ, г. губернаторъ возвратилъ ихъ вновь редакціи „К. В. Края“ для соглашенія ихъ. Такимъ образомъ, дѣло опять остановилось.

Для окончательнаго соглашенія было назначено общее собраніе на 28 декабря 1897 г. Благодаря неудачно выбранному праздничному времени, на это собраніе явилось очень мало членовъ, почему оно и не могло состояться. Наши противники дошли, наконецъ, до того, что встрѣтили извѣстіе объ этомъ

---

*) См. письма „К. В. Края“.

открытымъ ликованіемъ. Но второе собраніе (2 января 1898 г.), привлекло много сторонниковъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“ и, какъ и слѣдовало ожидать, уставъ прошелъ цѣликомъ; „случайная сила“, такъ много навредившая дѣлу, была окончательно „разбита“. Пока съ устава снимались копіи, пока онъ валялся у одного изъ членовъ, которому его послали зачѣмъ то для подписи,—прошло еще не мало времени. Послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ, уставъ былъ окончательно отправленъ на утвержденіе не ранѣе половины 1898 года. Заботясь о его скорѣйшемъ утвержденіи, я писалъ многимъ вліятельнымъ людямъ въ Петербургѣ, прося ихъ помочь нашему дѣлу, и, между прочимъ,—въ комитетъ Ея Высочества Принцессы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской, организованный по поводу Лондонскаго конгресса *). При этомъ я вспоминаю съ чувствомъ глубокаго уваженія и признательности княгиню В. Ю. Трубецкую, которая, записавшись членомъ нашего „О—ва“, принимала въ немъ дѣятельное участіе: между прочимъ она дважды выписывала моихъ брошюръ, заключавшихъ уставъ „О—ва“, для распространенія ихъ въ Петербургѣ, и справлялась, черезъ одно высокопоставленное лицо, о судьбѣ нашего устава въ министерствѣ.

---

*) Этотъ международный конгрессъ имѣлъ цѣлію разработку вопросовъ, касающихся борьбы съ торговлей „бѣлыми рабынями“. Онъ состоялся въ іюнѣ мѣсяцѣ 1899 г. и иниціаторамъ казанскаго „О—ва“ предлагалось тоже принять въ немъ участіе.

Съ своей стороны, я прилагалъ всѣ усилія и употреблялъ всѣ средства, чтобы не дать заглохнуть нашему дѣлу, чтобы двинуть его дальше. Это мнѣ было тѣмъ труднѣе, что я живу въ далекомъ глухомъ захолустьѣ.

Наконецъ, уставъ былъ утвержденъ 31 іюля 1899 года *).

За трехлѣтній срокъ, который истекъ съ начала дѣла, въ Казани не осталось уже ни одного изъ близкихъ къ дѣлу лицъ; газета „К. В. Край“ тоже перестала уже существовать; изъ избранной коммиссіи, на обязанности которой лежало слѣдить за судьбой дѣла, остался лишь одинъ г. Смирновъ, отъ котораго я и получилъ увѣдомленіе, что собраніе членовъ-учредителей предполагается созвать для выбора правленія въ ближайшее воскресеніе (письмо отъ 16 октября 1899 г.). Письмами отъ 21 октября, я просилъ г. Смирнова и еще 3—4 членовъ, которыхъ я зналъ, о томъ, чтобы они всѣми мѣрами постарались содѣйствовать успѣшному созыву собранія, такъ какъ теперь предстоитъ самое важное—организовать хорошее правленіе „О—ва“. При

*) Съ нѣкоторыми сокращенія, такъ: О—во не можетъ открывать филіальныхъ отдѣленій; исключены просвѣтительныя средства и т. п.

этомъ я совѣтовалъ имъ обратиться съ тою-же цѣлію еще къ нѣкоторымъ личностямъ, прежде сочувствовавшимъ „Обществу Защиты“.

Трехлѣтняя проволочка, однако, такъ охладила этихъ лицъ, что на собраніе 31-го октября явились всего лишь 4 человѣка! Сообщая мнѣ объ этомъ, въ отвѣтъ на мое письмо, г. П. П. Ш. (одинъ изъ первыхъ, откликнувшихся на нашъ призывъ въ самомъ началѣ дѣла) заявилъ, что онъ, г. П. П. Ш., и г. Н. Ѳ. Ю. изъявили желаніе взять на себя трудъ созвать слѣдующее собраніе и, вообще, какъ нибудь подвинуть дѣло. „Не мѣшало бы и вамъ что нибудь написать въ газетахъ, т. е. чѣмъ нибудь возбудить задремавшую публику“, добавлялъ онъ. *)

Пораженный такимъ результатомъ своихъ трудовъ, я снова принялся за работу; предварительно-же я досталъ отъ г. Кулинченко списокъ членовъ, записавшихся еще въ 97 г., отослалъ его г. Ш. и сообщилъ послѣднему о нѣкоторыхъ, сочувствовавшихъ дѣлу, вліятельныхъ лицахъ г. Казани. Прежде всѣхъ, я указывалъ на преосвященнаго епископа Антонія, относившагося съ самаго начала къ проектируемому „Обществу защиты“ въ высшей степени тепло и сочувственно. Кромѣ того, я посовѣтовалъ г. Ш. напечатать уставъ и разослать его членамъ, а самъ опять засѣлъ за писаніе многочисленныхъ писемъ къ тѣмъ людямъ, которые, по

*) Письмо отъ 1-го ноября 1899 г.

моему мнѣнію, могли бы оказать пользу „Обществу“ своимъ участіемъ и поддержкой. Въ виду критическаго момента, который переживало дѣло, я писалъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ бывшихъ противниковъ, просилъ ихъ забыть старыя дрязги и объединиться съ нами, чтобы двинуть дѣло. Но они не издали ни звука... Не обращая вниманія на враждебное отношеніе ко мнѣ двухъ мѣстныхъ газетъ, я, въ интересахъ дѣла, помѣстилъ въ нихъ— большія статьи объ „Обществѣ защиты несчастныхъ женщинъ“ („Казан. Телег.“ №№ 2135 и 2141 и „Волж. Вѣст.“ декабрь). Изложивъ краткую исторію „Общества“, я опять обращался къ общественному сочувствію. „Читатель“! — взывалъ я въ „Казан. Тел.“. — „Три года тому назадъ я обращался къ твоему сердцу и уму; тогда ты тепло откликнулся на это обращеніе. Сохранилось-ли твое сочувствіе до сихъ поръ? Или оно уже охладѣло отъ неудачъ, которыя встрѣтило дѣло, отъ той грязи, которой закидывали меня?.. И неужели теперь опять нужно начинать въ Казани дѣло сначала, снова искать людей, собирать крохи сочувствія?.. Но я несомнѣваюсь, что и въ Казани, помимо минутныхъ энтузіастовъ, найдутся люди, твердо убѣжденные въ пользѣ начатаго дѣла, готовые взять его въ свои руки и поработать на этомъ поприщѣ по мѣрѣ своихъ силъ. И имена этихъ людей всегда будутъ поминаться съ уваженіемъ, какъ имена первыхъ пio-

неровъ такого прекраснаго, глубоко-гуманнаго дѣла, какъ дѣло „защиты несчастныхъ“.

...„Я не знаю, нужно-ли еще напоминать читателю объ ужасной жизни тѣхъ „несчастныхъ“, имя которымъ легіонъ?“ заканчивалъ я свою статью въ „Волж. Вѣстникѣ“: „Какъ-то случайно, навѣщая больную родственницу, мнѣ пришлось видѣть въ казанской больницѣ трупъ отравившейся молоденькой проститутки „съ Песковъ“... Ей было всего 16 лѣтъ; отравилась она самымъ доступнымъ ей ядомъ—фосфорными спичками *). Изъ-подъ накинутаго полотна выставлялись худенькія, еще полудѣтскія плечи, тонкая шея. Русые густые волосы обрамляли круглое, тоже еще юное лицо съ приподнятыми бровями. Вѣки были опущены, ротъ слегка полуоткрытъ... На первый взглядъ казалось, что дѣвушка не умерла, а лишь забылась спокойнымъ, тихимъ сномъ, послѣ какой-то болѣзни, наложившей на это лицо страдальческую тѣнь... И только всмотрѣвшись внимательнѣе, становилось очевиднымъ, что это успокоеніе было вѣчнымъ. Она, эта дѣвушка, этотъ еще полуребенокъ, нашла жизнь такой ужасной, такой

---

*) Случаи такихъ самоубійствъ очень нерѣдки во всѣхъ городахъ. Въ Казани, какъ вѣроятно извѣстно многимъ, такія самоубійства несчастныхъ дѣвушекъ случаются каждый годъ. „Отпустите меня изъ этого ада, нѣтъ силъ больше страдать“, молила одна такая отравившаяся въ Харьковѣ, упорно отказываясь отъ лекарствъ; спасти ее такъ и не удалось. „Жизнь“ Октябрь 1899 г. „Врач.-Полицейскій надзоръ“.

невыносимой, что вотъ этими самыми дѣтскими руками рѣшилась ее оборвать... Кто она? Гдѣ она росла? Кто была ея мать?.. Быть можетъ, она готовилась совсѣмъ къ другому; быть можетъ, все сулило ей хорошую, честную жизнь, семью, дѣтей... И вотъ, вмѣсто всего этого—она здѣсь... Что пережила она? Какую муку выстрадала она? Кто тотъ злодѣй, кто первый осквернилъ ее, еще полуребенка?.. Сколько людей, считающихъ, вѣроятно, себя вполнѣ „порядочными“, губило ее дальше, все глубже толкая ее въ омутъ, помогая пасть все ниже, ниже?.. Какія мысли жгли ея голову, какія чувства надрывали эту грудь, когда зрѣло страшное рѣшеніе, когда эта дѣвушка готовила себѣ, подъ циничный гомонъ распутнаго дома, отраву?.. Проклинала ли кого? Звала ли кого на помощь?.. Или рыдала гдѣ нибудь въ глухомъ углу, закусивъ губу, съ ужаснымъ сознаніемъ, что ей никто не отзовется, никто во всемъ мірѣ?.. Этого никто никогда не узнаетъ. Этого не выдастъ подлый домъ, если бы даже и зналъ. Да никто этимъ и не интересуется: вскроютъ ее, зароютъ ее, всѣмъ чужую, всѣми презираемую, въ безвѣстную могилу. А на ея мѣсто уже есть другія. И здѣсь будетъ еще лежать много такихъ же жутко безмолвныхъ труповъ, такихъ же никому невѣдомыхъ, безъимянныхъ жертвъ...

А кругомъ ея жизнь шла своимъ порядкомъ. Ходили, говорили и занимались доктора, студенты, фельдшерицы, почти не замѣчая трупа, видя въ

немъ лишь объектъ, благодаря которому они пополнятъ свои знанія. Вѣдь всякая профессія суживаетъ человѣческій духъ, пріучаетъ по-немногу смотрѣть на все со своей точки зрѣнія...

Но молодость, — чуткая, еще незагрубѣвшая, — все-таки сказалась:

— Бѣдняга! Такая еще молодая... задумчиво произнесъ кто-то возлѣ меня.

И всѣ, кто былъ кругомъ, на минуту остановились, примолкли: всѣ вдругъ почувствовали, что этотъ трупъ дѣвочки важенъ не только, какъ интересный „препаратъ“ для вскрытія, но что онъ говоритъ о какой-то вопіющей несправедливости, о какой-то возмутительной жестокости, которая совершается буквально рядомъ съ нами, въ которой большинство изъ насъ, мужчинъ, само принимаетъ непосредственное участіе... Всѣ вдругъ почувствовали, что если они и не участвовали прямо въ гибели этой дѣвушки, то участвовали косвенно—своимъ равнодушіемъ, а иногда и презрѣніемъ къ этимъ „несчастнымъ“, имя которымъ „легіонъ“...

„Я растревожилъ свои воспоминанія, разсказавъ этотъ случай, и они теперь поднимаются во мнѣ безпокойнымъ, тягостнымъ роемъ... Кругомъ меня покой и тишина; свѣтло горитъ лампа; а передъ моими глазами встаютъ былыя угрюмыя картины, проходятъ толпой угрюмыя, а иногда и страшныя фигуры людей, съ которыми я когда-то жилъ бокъ-о-бокъ... Мнѣ опять рисуются глухія далекія улицы,

грязные дома, тѣсныя конуры—комнатки, замызганные „углы“... Сколько нужды, сколько бѣдняковъ копошится тамъ! Тутъ можно наблюдать и весь трагизмъ самаго глубокаго человѣческаго паденія, безповоротной гибели, и видѣть людей, которые еще цѣпляются за соломенку, надрываются надъ случайной грошевой работишкой, цѣломудренно стыдясь своей нищеты... Тутъ иногда бѣдная мать трогательно старается, вопреки всему, какъ нибудь защитить свою дочь отъ соблазна, сохранить ее отъ гибели... Но нужда безпощадно смѣется надъ всѣмъ этимъ, отрываетъ этихъ дочерей отъ семьи, гонитъ на „мѣста“, въ прислуги, въ мастерскія, и бросаетъ въ пасть плотоядныхъ звѣрей, которые ихъ тамъ подстерегаютъ... И вотъ, вырванныя отсюда чистыми и невинными, иногда почти еще дѣтьми,— эти дѣвушки скоро выбрасываются опять сюда-же, въ ту же „злую яму“, уже развращенными, жалкими, передъ которыми остается одинъ путь—путь позора... О, не одинъ разъ слыхалъ я, по сосѣдству съ собой, страшныя рыданія такихъ загубленныхъ дѣвушекъ, не одинъ разъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ самыхъ интимныхъ тяжелыхъ сценъ, отдѣленный отъ своихъ сосѣдей иногда лишь тонкой досчатой перегородкой... Тогда я не могъ ничѣмъ помочь тѣмъ „несчастнымъ“, ибо я былъ такъ-же безпомощенъ, какъ они, ибо былъ угнетаемъ той-же нуждой, которая „не убиваетъ мгновенно“,

А душитъ, душитъ постепенно,
Покуда жертва захрипитъ...

Но уже тогда, сидя длинными вечерами въ своей каморкѣ, я строилъ много разныхъ плановъ помощи тѣмъ бѣднымъ жалкимъ людямъ... Потомъ мнѣ удалось выбиться оттуда,—я не погибъ въ грязныхъ волнахъ, которыя захлестываютъ навсегда множество людей. Теперь я имѣю возможность говорить печатно, говорить сразу нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ.— Неужели я и теперь ничего не могу сдѣлать тѣмъ „несчастнымъ“? Неужели и теперь моя попытка помочь имъ окончится неудачей, по крайней мѣрѣ въ Казани“?.. „Вотъ, онѣ, эти картины былого, теперь опять проходятъ мимо меня, какъ будто я вновь переживаю ту суровую полосу своей жизни... Вотъ, онѣ, эти страшныя тѣни опять выдвигаются изъ угловъ моей свѣтлой, спокойной комнаты, жалкой толпой окружаютъ меня и проходятъ, проходятъ мимо меня... Вотъ идутъ безконечной вереницей несчастныя женщины... дѣвушки... дѣти... Понимаете-ли, читатель, — дѣти!.. Дѣтство!.. Даже закоренѣлые убійцы умиляются при этомъ звукѣ, при воспоминаніи объ этой чистой, нѣжной порѣ жизни... „Горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ“,— сказалъ Христосъ. А здѣсь дѣти гнусно и подло оскверняются, прежде чѣмъ они выростутъ; дѣтская душа развращается, прежде чѣмъ она сознаетъ себя.

И вмѣстѣ съ собой эти „несчастныя“ несутъ бѣд-

ность, глухія, никѣмъ невидимыя, страданія, униженіе и поруганіе души и тѣла, несутъ роковую болѣзнь, преждевременную смерть...

И мнѣ хотѣлось-бы нарисовать все это передъ читателемъ, показать тѣ ужасы, которые творятся тамъ, внизу, и о которыхъ мы часто совсѣмъ не подозрѣваемъ; хотѣлось бы передать читателю всю ту жалость, которую я вынесъ со дна того мрачнаго омута... Но неужели необходимо каждый разъ снова „подогрѣвать“ тебя, читатель, чтобы побудить тебя на доброе дѣло? Неужели необходимо каждый разъ бить тебя по нервамъ, рисуя потрясающія сцены, чтобы зарядить тебя состраданіемъ? Неужели необходимо каждый разъ копаться и бередить язву, чтобы смрадъ ея заставилъ тебя безпокойно пошевелиться?“...

Между тѣмъ, отъ г. Ш. я получилъ увѣдомленіе, что преосвященный епископъ Антоній, попрежнему сочувствующій дѣлу, принялъ въ немъ активное участіе и пригласилъ къ себѣ, для бесѣды по поводу организаціи правленія „Общества“, нѣкоторыхъ почтенныхъ лицъ г. Казани. „Первое собраніе рѣшено созвать на 2-е января, а второе на 9-е“, писалъ мнѣ г. Ш.—„удастся ли намъ что сдѣлать—впередъ сказать утвердительно трудно... Дай Богъ, чтобы Ваша работа не пропала даромъ; можетъ быть, наше казанское общество и проснется...“

Казань, дѣйствительно, проснулась и зашевелилась опять: на собраніе 16 января 1900 г. яви-

лось уже не 4, а 40 человѣкъ, а 17-го числа мною была получена телеграмма, что правленіе организовано.

И вотъ, первое въ Россіи „Общество защиты несчастныхъ женщинъ“, наконецъ, осуществилось.

Такимъ образомъ, у насъ насадилось и пріобрѣло права гражданства новое филантропическое дѣло, въ которомъ давно уже чувствовалась настоятельная необходимость. Въ высшей степени жизненное, оно, безъ сомнѣнія, пойдетъ впередъ быстрыми шагами, при активномъ участіи общества и при содѣйствіи уже учрежденнаго нынѣ, подъ покровительствомъ Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской, „Россійскаго общества защиты женщинъ“ (первое общее собраніе комитета этого „общества“ происходило въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1900 года).

О томъ, что испыталъ я и сколько тяжелыхъ минутъ пережилъ опасаясь за судьбу дорогого дѣла, пока оно не облеклось въ плоть и кровь,—я писать не стану, такъ какъ это касается только лично меня: пусть это будетъ для меня одной изъ самыхъ завѣтныхъ страничекъ моей жизни...

Не стóитъ останавливаться и на тѣхъ нападкахъ, которымъ я иногда подвергался, какъ будто своимъ проектомъ я сдѣлалъ какое-то очень дурное дѣло: всѣ эти некрасивыя вещи, къ сожалѣнію, неизбѣжны

въ каждомъ общественномъ дѣлѣ и пусть вина за нихъ падетъ на совѣсть ихъ авторовъ.

Прекрасное-же дѣло, — не смотря ни на что, не смотря на неизбѣжные въ началѣ промахи въ дѣятельности „обществъ защиты“, — будетъ все расти и расти, и теперь трудно даже представить, какъ много свѣта и тепла человѣчности внесетъ оно въ жизнь, невозможно подсчитать, сколько будетъ спасено несчастныхъ, до этого времени совершенно беззащитныхъ и безпомощныхъ, людей.

И я радъ, что въ этомъ дѣлѣ есть и моя капля меду.

Несчастныя*).

„Милости, милости
прошу, а не жертвы“...

Не далѣе, какъ на этихъ дняхъ**), проходя вечеромъ по Рыбнорядской улицѣ, я услыхалъ около лавки Тимофея Сергѣева, противъ „Русскаго Трактира“, чье-то неудержимое горькое рыданіе...

Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что на углу, на кулякъ и ящикахъ, чернѣлась какая-то человѣческая фигура. Надъ нею стоялъ въ тулупѣ полицейскій. Было темно. Вѣтеръ такъ и рвалъ, такъ и мелъ снѣгомъ...

— Что это?—спросилъ я полицейскаго.

— Женщина пьяная...—неохотно отвѣтилъ онъ—и темную улицу огласилъ рѣзкій свистокъ.

Я наклонился и увидѣлъ, дѣйствительно, какую-то женщину, которая, сидя на одномъ изъ кулей, всѣмъ туловищемъ совершенно безсильно упала ничкомъ

---

*) „Камско-Волжскій Край“ № 333, 1897 г.

**) 31-го января въ 8 ч. вечера 1897 г.

на сосѣдній куль. Шаль наполовину сползла съ ея головы и въ волоса набилось немало снѣгу. Изъ-подъ короткой кофточки съ широкими рукавами было видно свѣтлое платье. Не смотря на мятель, она, очевидно, ничего не чувствовала... Среди рыданій она что-то бормотала... Время отъ времени она приподнимала руку, ударяла ею плашмя и мотала головой, причемъ можно было разсмотрѣть, что эта женщина еще молода...

— Эй, ты! Какъ тебя зовутъ? Гдѣ твоя квартира?—спрашивалъ полицейскій, тряся ее за плечо.

— Уд—ди!... Н-не трогайте меня... Оставь...— едва ворочая языкомъ и отмахиваясь движеніемъ локтя, вскрикивала женщина.

— Гдѣ ты живешь-то? Живешь, спрашиваю, гдѣ?...

— Ахъ!... уйдите... отъ меня... всѣ!... Оставь... те меня... Ради Бога!... За что... вы меня... мучите?... За что?...—снова разражаясь рыданіями, бормотала женщина.

— О чемъ же ты плачешь?—спросилъ я.

— Спьяну это она, баринъ. Ишь, какъ нахлесталась!... Энто у нихъ, у бабъ, первое дѣло, ежели выпьетъ,—сичасъ и ревѣть...—пояснилъ возлѣ меня какой-то юркій мастеровой.—Къ Ольгѣ Ивановнѣ ее, шкуру, надо отправить, вотъ что!—рѣшилъ онъ и шмыгнулъ во тьму...

Между тѣмъ, женщина, переставъ рыдать, только всхлипывала и что-то тихо и жалобно причитала...

Читатель! случалось ли вамъ когда-нибудь,—вотъ такой же ночной порой, въ угрюмую погоду,— стоять надъ такой пьяной, валяющейся женщиной?... Конечно, я спрашиваю не того благонравнаго читателя, который въ такомъ случаѣ бормочетъ съ негодованіемъ о „безобразіи“ и спѣшитъ дальше, который, вѣроятно, пожметъ плечами, читая и эти строки: „fi donc! что за сюжетъ!...“ Нѣтъ, я спрашиваю другого читателя,—читателя съ живой душой, не разучившагося еще чувствовать почеловѣчески.

Случалось-ли?... Случалось-ли вамъ когда-нибудь слыхать такой пьяный, горькій плачъ?... Случалось-ли вамъ слушать такой пьяный бредъ, стараясь вникнуть въ его смыслъ?... Случалось-ли задумываться надъ тѣмъ, какъ дошло до такого состоянія это жалкое, пьяное существо?...

Вотъ она, эта женщина, вѣрнѣе—ея тѣло, валяется у моихъ ногъ... Это поруганное, измученное, больное, продажное тѣло... Оно теперь безчувственно. Но въ то время, какъ оно похоже на полутрупъ, его душа, въ пьяномъ бредѣ, живетъ гдѣ-то далеко отсюда, переживаетъ снова прошлое, все то, что привело это существо сюда, на улицу... И въ этомъ пьяномъ, безсвязномъ бормотаньи, въ пьяныхъ выкрикахъ, въ тяжелыхъ рыданіяхъ, потрясающихъ это безчувственное тѣло, какъ электрическій токъ потрясаетъ трупъ,—чуется глухая, страшная драма... Какую цѣпь униженій, страданій должна была пройти эта женщина, чтобы, наконецъ, валяться здѣсь, въ

такомъ жалкомъ видѣ?... Вѣдь, и она была когда-то молодой, чистой и невинной дѣвушкой. Вѣдь, если-бы ей тогда показать, вотъ, такую женщину и сказать, что она будетъ такой-же, то ей бы показалось нелѣпымъ, невозможнымъ даже одно такое предположеніе!...

А, вѣдь, быть можетъ, подойди къ ней во-время кто-нибудь съ участіемъ, поддержи ее,—и она не валялась бы здѣсь. Быть можетъ, даже и теперь, если-бы ее отвезти въ такое мѣсто, гдѣ бы ее окружили человѣческимъ уходомъ, сожалѣніемъ, согрѣли-бы человѣческой лаской, то... но, впрочемъ, что же говорить объ этомъ, когда такого мѣста у насъ нѣтъ!...

А услужливая память подсказываетъ другія такія же картины...

По странной случайности, около этого же самаго трактира года три тому назадъ я былъ свидѣтелемъ другой сцены.

Стояла сентябрьская, холодная и пасмурная ночь. Въ мутной темнотѣ моросило какой-то водяной пылью, которая пронизывала все сыростью и дѣлала скользкой мостовую... Было два часа. Трактиръ былъ уже запертъ. На скамейкѣ, у воротъ этого трактира (скамейка эта цѣла до сихъ поръ), я замѣтилъ лежащаго человѣка. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что это лежитъ, скорчившись, какая-то женщина.

— Зачѣмъ она здѣсь лежитъ? Вѣдь она-же простудится, озябнетъ...—обратился я къ караульщику.

— Да что съ ней подѣлаешь, баринъ... Ночевать, вишь, ей негдѣ,—пояснилъ мнѣ тотъ,—ну, я и не тревожу пока: пущай, молъ, полежитъ... отдохнетъ хоть... За ночлегъ-то платить надо, а не чѣмъ... Напоить—это ужъ ихнюю сестру завсегда напоятъ, а вотъ, на счетъ денегъ—это не всегда бываетъ... Самая это плохая нацыя, надо прямо сказать,—эти дѣвки... Тоже насмотрѣлся я всячины...

— Сколько же нужно на ночлегъ?

— Да пятакъ ежели, такъ и за глаза даже... А то и семишникъ...

Я вынулъ какія-то монетки, которыя имѣлъ съ собой, и попросилъ караульщика отдать ихъ этой женщинѣ.

— Маша! Эй, Маша! Вставай...—сталъ будить ее караульщикъ.—Слышь, Маша, вставай... Господинъ, вотъ, тебѣ дать хочетъ... чтобы, значитъ, ночевать шла...

— А... дззз.—приподнимаясь, дрожала дѣвушка, очевидно, совершенно не понимая, гдѣ она и что съ ней.

— Бери, вотъ... денегъ, вотъ... Ночевать, говоритъ, ступай,—втолковывалъ ей караульщикъ.—Слышь,—ночевать! Бери, вотъ... Давай руку-то... Дѣвушка попрежнему безсознательно протянула руку и зажала деньги. Потомъ она стала съ трудомъ на

ноги и, ни слова не сказавъ, пошатываясь, поплелась куда-то, опустивъ голову, и пропала въ сырой, угрюмой, холодной тьмѣ...

— Э-эхъ, житье!—вздохнулъ даже привычный караульщикъ.

Да, въ большомъ, многолюдномъ, богатомъ городѣ нѣтъ никакого пріюта, нѣтъ даже ночлежнаго дома для такихъ несчастныхъ женщинъ, въ которомъ онѣ могли бы, по крайней мѣрѣ, уснуть въ теплѣ! *).

А вотъ, тоже въ одинъ хмурый и скверный вечеръ,—я шелъ по опустѣвшей Георгіевской улицѣ. Мимо меня, какъ-то странно взглянувъ, прошла совсѣмъ молоденькая дѣвушка. Должно быть, ея необычайный видъ такъ подѣйствовалъ на меня, что я обернулся. Тогда дѣвушка, какъ будто рѣшившись на что-то, повернулась и быстро подошла ко мнѣ. Я остановился. Но она была такъ взволнована, что нѣкоторое время стояла передо мной молча.

— Послушайте... послушайте...—задыхаясь, пробормотала она.—Вотъ что... Я хочу... Вы видите... Скажите мнѣ... Голосъ ея сорвался.—Скажите, пожалуйста... который часъ?—докончила она вдругъ почти шепотомъ.

---

*) Ночлежный домъ Журавлева, если не ошибаюсь, запирается въ 7 ч. вечера.

Стыдъ превозмогъ. Въ критическую минуту она не могла произнести нужнаго слова... И пока я доставалъ часы, сдѣлавъ видъ, что ничего не понялъ, я слышалъ, какъ она тяжело и прерывисто дышала... Потомъ, кивнувъ мнѣ головой, она попрежнему быстро пошла впередъ. И мнѣ невольно захотѣлось нагнать ее, остановить, спросить: понимаешь-ли ты, на что ты рѣшилась? Знаешь-ли ты, что ждетъ тебя на этой темной, ужасной, грязной улицѣ, на которой уже погибло такъ много людей? Что тебя толкнуло на такой страшный шагъ?... Неимѣніе работы, нужда, нищета? Быть можетъ, тяжелая жизнь истощила твое терпѣніе, быть можетъ, какое-нибудь глубокое униженіе,—униженіе, которыхъ такъ много въ бѣдности,—возмутило тебя, какъ послѣдняя капля, переполнившая чашу, и вмигъ въ тебѣ созрѣло отчаянное рѣшеніе,—возмущенная, оскорбленная,—ты выбѣжала на улицу, готовая на все: за одно ужъ пропадать! Вотъ, смотрите-же, смотрите, до чего вы меня довели! А сколько, должно быть, перестрадало передъ тѣмъ твое молодое сердчишко, какой тоской, какимъ ужасомъ и стыдомъ трепетало оно, прежде чѣмъ ты рѣшилась махнуть на все...

И хотѣлось взять эту дѣвушку за руку, утѣшить, ободрить ласковымъ словомъ, увести куда-нибудь въ семейный уголокъ, гдѣ есть мягкая женская рука, такъ умѣющая приласкать несчастнаго человѣка, гдѣ есть женское сердце, умѣющее такъ мягко, такъ

деликатно утѣшать чужое горе, залечивать душевныя раны.

Но гдѣ-же такой уголокъ? Гдѣ такой пріютъ? Гдѣ тѣ люди, которые могли бы поддержать ту дѣвушку, спасти отъ паденія?..

Вспомнилась мнѣ и еще одна печальная исторія...

Среди яснаго лѣтняго дня на Черномъ озерѣ сидитъ дѣвочка пятнадцати лѣтъ и плачетъ навзрыдъ, плачетъ такъ, что собравшаяся около нея публика едва-едва можетъ добиться отъ нея слова. Оказывается, что надъ этой дѣвочкой, надъ этимъ почти еще ребенкомъ, совершена вопіющая подлость. Какіе-то „мундирные люди“, какъ смягченно было сказано въ мѣстныхъ газетахъ, завели ее обманомъ въ какой-то „номеръ“ и тамъ совершили надъ нею возмутительное насиліе, навсегда исковеркавъ и загрязнивъ юную жизнь, погубивъ юное существо*)... Какъ сейчасъ вижу я это милое, дѣтское личико, все смоченное слезами, эту головку съ растрепавшимися свѣтлыми волосами, голубые, невинные глаза, полные ужаса, жалобы и слезъ... вижу всю эту тоненькую хрупкую фигурку, съ такимъ отчаяніемъ мечущуюся на скамейкѣ.

Случайные прохожіе съ участіемъ выслушивали

---

*) Этотъ случай сообщался на страницахъ „Волж. Вѣстника“. Къ сожалѣнію, не помню — года.

ужасную исторію, съ сожалѣніемъ качали головой и... уходили...

Да и что они могли сдѣлать?

У насъ есть общество попеченія о животныхъ, но нѣтъ общества для защиты такихъ жертвъ, какъ эта несчастная дѣвушка, нѣтъ людей, которые могли-бы энергично вступиться за нее, какъ члены того общества, добиться раскрытія и наказанія тѣхъ негодяевъ, взять подъ свою охрану бѣдную жертву и, по возможности, смягчить жестокость оскорбленія...

Дѣвушка была брошена на произволъ судьбы и на другой день она отравилась.

Вотъ дѣвушки, вышедшія изъ больницы, лишившіяся мѣста, не нашедшія работы, безпомощно бьются въ тискахъ нужды и, не вытерпѣвъ, идутъ на улицу, идутъ продавать себя...

И много, много еще подобныхъ-же исторій могъ-бы я разсказать, да ихъ, вѣроятно, не меньше знаютъ и многіе изъ читателей. Вотъ, напр., уже больныя, уже буквально гніющія дѣвушки идутъ на свой промыселъ... Вотъ, уже старуха, морщинистая старуха, еще продолжаетъ торговать своимъ старымъ тѣломъ *). Вотъ, дѣвушка пожелала выйти изъ позорнаго дома, пожелала вырваться изъ такой жизни, заняться трудомъ. Нашлись добрые люди, не побоялись ее взять прислугой. Она оказалась хорошей работницей, она трудится, ведетъ примѣрную жизнь.

---

*) Все это факты.

Но ее всетаки требуютъ на унизительное „свидѣтельство“, она не можетъ избавиться отъ ужасной „книжки“ и, отчаявшись когда-либо стереть съ себя позорное клеймо, — отравляется...

И только послѣ этого, и то благодаря энергичному вмѣшательству ея хозяевъ, дѣвушка была, наконецъ, оставлена въ покоѣ *). Что-же говорить про тѣхъ, которыя живутъ въ „заведеніяхъ“ и иногда, желая оттуда вырваться, напрасно ищутъ помощи, напрасно стараются своими слабыми силенками выкарабкаться изъ грязнаго омута?!.

А развѣ нельзя-бы было имъ помочь, заступиться за нихъ, найти работу, дать возможность стать на ноги?

Недавно я былъ въ театрѣ на представленіи прекрасной, ставшей уже извѣстной, драмы: „Злая яма“. Содержаніе ея простое: на глазахъ зрителей гибла, не встрѣтивъ ни откуда помощи, не найдя работы, одна бѣдная дѣвушка. Драма шла здѣсь нѣсколько разъ, глубоко потрясая публику.

И смотря на слезы, которыя выступали на глазахъ многихъ зрителей, во мнѣ каждый разъ вертѣлся неотвязный вопросъ: почему это всѣ мы, искренно сочувствуя несчастнымъ, которыхъ мы видимъ на сценѣ, о которыхъ читаемъ въ литературѣ, сочувствуя выдуманнымъ лицамъ, мы не умѣемъ ви-

---

*) Это тоже дѣйствительный фактъ, какъ и все вообще сообщаемое въ этой статьѣ.

дѣть страданіе въ жизни, не замѣчаемъ несчастныхъ въ дѣйствительности?..

Вся эта публика, всѣ эти добрыя дамы, проливавшія слезы надъ притворнымъ страданіемъ, при игрѣ артистовъ, не отшатнутся-ли онѣ съ брезгливостью, если встрѣтятъ въ дѣйствительности настоящую падшую дѣвушку?.. Подумали-ли онѣ, возвратившись домой, кто тотъ таинственный „баринъ“, котораго не было на сценѣ, но который сначала преслѣдовалъ несчастную дѣвушку своими гнусными вожделѣніями, а потомъ купилъ ее, пользуясь ея безвыходнымъ положеніемъ?.. Подумали-ли онѣ, что эта „Злая яма“ находится возлѣ нихъ бокъ-о-бокъ съ ними, быть можетъ, даже въ собственной ихъ квартирѣ, гдѣ, можетъ быть, соблазняется въ это время гувернантка, бонна, горничная?.. Приходило-ли имъ въ голову, что тотъ негодяй — сидитъ можетъ быть, вотъ тутъ рядомъ въ сосѣдней ложѣ,— быть можетъ, онъ никто иной, какъ женихъ этой молодой благонравной барышни, которая, по распоряженію maman, уходитъ изъ театра, чтобы не осквернить дѣвственный слухъ „непристойной“ драмой!.. Подумали-ли, наконецъ, тѣ дамы о томъ, что ихъ собственныя дѣти, встрѣчая на каждомъ шагу „этотъ товаръ“, начинаютъ втихомолку развратничать еще на школьной скамейкѣ, растлѣваясь физически и нравственно, рискуя заразиться „гнилой“ болѣзнью?..

О, если бы всѣ эти почтенные господа вполнѣ сознали-бы все это, тогда они несомнѣнно забили-бы

въ ужасѣ тревогу, тогда они, не медля, перешли-бы отъ платоническаго сочувствія къ активной энергичной борьбѣ съ страшнымъ зломъ, съ страшной язвой, разъѣдающей наше общество!..

И я думаю, что все это сознаютъ многіе и многіе. Горячій протестъ лучшихъ людей нашего вѣка, лучшихъ геніальныхъ писателей, не прошелъ безслѣдно. Въ обществѣ мало-по-малу происходитъ переворотъ во взглядахъ на половыя отношенія: та „милая“ эпикурейская распущенность, то легкое отношеніе къ разврату, какое существовало прежде, мало-по-малу начинаетъ исчезать. На „милыя интрижки“ начинаютъ и въ обществѣ смотрѣть иначе: уже развратникъ и соблазнитель не рѣшится хвастаться громогласно своими „успѣхами“ и „побѣдами“ и, распутничая втихомолку, повѣряетъ ихъ развѣ своимъ коллегамъ. Въ рядахъ молодежи все больше и больше является такихъ людей, которые считаютъ покупную „любовь“ постыдной, возмутительной, и относятся къ падшимъ женщинамъ только съ человѣческимъ участіемъ. Въ области медико-полицейскаго надзора все чаще и чаще раздаются энергичные голоса молодыхъ врачей, которые, во имя человѣчности, горячо возстаютъ противъ унизительности „освидѣтельствованій“, противъ суровостей въ надзорѣ за несчастными женщинами...

Судьба этихъ женщинъ всегда глубоко интересо-

вала и меня. Нѣкоторыми очерками изъ ихъ жизни я уже дѣлился съ читателями; нѣкоторые думаю помѣстить въ печати теперь. Во всѣхъ этихъ очеркахъ совсѣмъ нѣтъ того, что называется „сочинительствомъ“, „выдумкой“. Въ нихъ я старался лишь возможно проще, безъ всякихъ претензій на художественность *), правдиво передать хотя кое-что о бытѣ тѣхъ бѣдныхъ, жалкихъ существъ.

Тяжелыя, угрюмыя картины... Но не потому, чтобы на нихъ были сгущены краски. О, нѣтъ, напротивъ,—дѣйствительность превосходитъ всякія описанія. Она скрываетъ иногда такіе мрачные, ужасные уголки, она создаетъ такія мрачныя, непередаваемыя положенія, такія глубины человѣческаго паденія, что страшно становится за человѣка и волосы дыбомъ поднимаются на головѣ...

Если я и не могу произвести своими очерками на читателя никакого, болѣе или менѣе глубокаго, впечатлѣнія, то, быть можетъ, они все-таки помогутъ ему лишній разъ задуматься надъ судьбой этихъ “несчастныхъ“, а, вдумавшись,—понять весь невыразимый ужасъ ихъ существованія... И я былъ-бы очень счастливъ этимъ. Тогда я рѣшился-бы предложить устроить здѣсь, въ Казани, то, что своею своевременной помощью можетъ удержать женщину отъ рокового шага, что можетъ хоть нѣсколько

*) Въ нашей литературѣ есть чудный, глубокотрогательный образъ Сони Мармеладовой, лучше котораго я не встрѣчалъ ни въ какой другой литературѣ.

облегчить участь нѣкоторыхъ изъ погибшихъ женщинъ, дастъ имъ хотя слабый лучъ надежды на спасеніе, на возвратъ на хорошую дорогу къ честному труду, дастъ надежду на исправленіе, на возможность выкарабкаться изъ отвратительной „злой ямы“... И тогда не одна изстрадавшаяся душа почувствуетъ себя немного лучше, зная, что она не совсѣмъ одна, не совсѣмъ отброшена и покинута обществомъ, что и о ней кто-то заботится, что и о ея страданіяхъ болитъ чье-то сердце...

Нашъ народъ зоветъ „несчастными“ преступниковъ. А развѣ эти женщины не несчастнѣе даже ихъ?...

Ужасно лишеніе свободы, ужасна гражданская смерть, но развѣ не ужаснѣе, когда предается постоянному, глубочайшему поруганію живой человѣкъ, когда истязается живое тѣло, живая душа?.. Развѣ не ужаснѣе всякой каторги это медленное, систематическое, отвратительное убійство сотенъ и тысячъ дѣвушекъ и женщинъ!.. И развѣ не стыдно будетъ намъ, если мы попрежнему равнодушно или съ платоническимъ сожалѣніемъ станемъ смотрѣть на него, если мы не сдѣлаемъ даже попытки облегчить участь хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ „несчастныхъ“?...

А сколько паденій можно-бы было предупредить, сколькихъ людей можно-бы не допустить до гибели своевременнымъ участіемъ, своевременной помощью!..

БИБЛИОТЕКА имени А. М. ЛЕНИНА

На ловлѣ *).

Безпокойная ласковость взгляда,
И поддѣльная краска ланитъ
И убогая роскошь наряда
Все не въ пользу твою говоритъ.

Некрасовъ.

Вечеръ. „Воскресенка“ оживаетъ...

На смѣну „порядочной“ публики, на смѣну шикарныхъ кокотокъ въ кричащихъ ротондахъ съ модными хвостатыми перелинами, кокотокъ—летающихъ на рысакахъ „лихачей“, — изъ всѣхъ переулковъ „Воскресенки“ начинаетъ стекаться масса нарумяненныхъ женщинъ всякаго возраста и вида: блондинки, брюнетки, высокія, маленькія, пожилыя, молодыя и совсѣмъ еще дѣвчонки, въ кофточкахъ, въ шубахъ, въ „дипломатахъ“, въ „ротондахъ“, въ

---

*) Содержаніе настоящей статьи, какъ и перваго очерка строго фактическое. Излагая его, я старался быть по возможности объективнымъ, представляя читателю, если онъ пожелаетъ, самому задуматься надъ этой ужасной, глубоко унизительной „ловлей“.—„К.-В. К.“ № 340.

шапочкахъ, шляпахъ, и просто подъ платочкомъ, въ ситцевыхъ, бѣлыхъ платьяхъ...

И вся эта толпа женщинъ, въ которой мужской элементъ почти совсѣмъ стушевывается,—проходитъ, какъ-будто плыветъ, почти совсѣмъ безшумно, почти не разговаривая другъ съ другомъ.

И о чемъ имъ говорить?.. Онѣ всѣ вышли на промыселъ, который требуетъ полнаго вниманія, зоркихъ глазъ и массы наблюдательности и опыта. По одному взгляду эти женщины должны опредѣлить каждаго встрѣчнаго мужчину: простой-ли это „шематонъ“, не имѣющій „серьезной цѣли“ и только „проводящій время“, или „шарлатанъ“, который всегда стремится получить удовольствіе „на-ширмака“, или это дѣйствительно „хорошій господинъ“ съ достаточнымъ запасомъ въ бумажникѣ, или, наконецъ, просто „сурьезный“ человѣкъ, совсѣмъ не думающій о приключеніяхъ...

О, это цѣлая наука, тонкая наука, достающаяся послѣ долгаго тяжелаго опыта! Прежде чѣмъ постигнуть ее, „дѣвица“ не одинъ разъ „нарвется“, „налетитъ“, т. е. ее обманутъ, не отдадутъ денегъ, а то еще—и побьютъ...

И вотъ, каждая изъ этихъ женщинъ, проходя мимо васъ, поворачиваетъ къ вамъ, если вы мужчина, свое лицо и смотритъ на васъ,—вѣрнѣе, прямо вамъ въ глаза,—долгимъ выразительнымъ взглядомъ... Ахъ, этотъ взглядъ! Его невозможно вынести безъ содроганія! Въ немъ и безпокойное лю-

бопытство, и робость побитой собаки, и мольба, и еще что-то многозначительное, обѣщающее, отчего жутко становится на душѣ...

А женщины, то „парами“, то „одиночками“, все плывутъ и плывутъ мимо васъ безконечной вереницей, то попадая въ полосы свѣта, льющагося изъ магазиновъ, то скрываясь въ сумракѣ. Безостановочно мелькаютъ передъ вами нарумяненныя щеки, подведенныя брови, накрашенныя губы. Отъ множества этихъ женскихъ лицъ ваши глаза начинаютъ, наконецъ, просто утомляться... Вамъ начинаетъ, казаться, что это какой-то базаръ, какой-то огромный рынокъ, на который выгнали напоказъ, на выставку, всѣхъ этихъ женщинъ, изъ которыхъ каждую можно купить такъ дешево, какъ дешево не продавались, вѣроятно, рабы ни на одномъ невольничьемъ рынкѣ: можно купить любую изъ этой толпы за какой-нибудь рубль!..

За одинъ рубль!..

II.

На „Воскресенкѣ“ есть и свои „завсегдатели“,— есть „дѣвицы“, посѣщающія ее нѣсколько лѣтъ кряду. Отсутствіе такой дѣвицы замѣчается сразу другими „завсегдатаями“.

— А что это, господа, Феньки-вятской давно невидно?—спрашиваетъ, напримѣръ, кто-нибудь. Бывало всегда на Воскресенкѣ терлась.

— Эка, хватились! Да, она еще прошлой осенью въ больницѣ умерла...

— А Шурка? Помните, еще брюнеточка этакая... Ее тоже что-то не видно?

— А! Шурка теперь въ „заведеніи“ живетъ...

— Гм.! Жаль, славная была дѣвченка... Какъ скоро она опустилась!

— Спилась, говорятъ... Безобразничать стала...

На „Воскресенкѣ“ есть даже своего рода инвалиды. Вотъ, напримѣръ, двигается тихо и по обыкновенію одна, уже отцвѣтшая женщина въ шапочкѣ и покрытая сѣрой шалью, какъ пледомъ. Ее можно встрѣтить рѣшительно каждый вечеръ, рѣшительно во всякую погоду. Не смотря на морщины, она игриво улыбается мужчинамъ. Можно подумать, что она кокетничаетъ, закрывая ротъ концомъ шали— нѣтъ, у нея болѣзнь или что другое—„выѣло“ часть губы, и женщина закрываетъ этотъ изъянъ...

Вотъ, идетъ тоже дѣвица — „завсегдатай“. Она кончила курсъ гимназіи, играетъ на рояли... „Воскресенка“ помнитъ ее еще скромной гимназисточкой, такой граціозной, миленькой... Сначала ее провожали послѣ классовъ такіе же скромные гимназистики, посылавшіе ей чувствительные стишки и записочки на розовыхъ бумажкахъ. Имъ она „строила глазки“ и назначала свиданія на каткѣ. Съ теченіемъ времени, когда она стала подростать, ее стали провожать студенты, потомъ юнкера и офицеры. Она была такъ мила, умѣла такъ зарази-

тельно смѣяться, со всей прелестью семнадцатилѣтней дѣвушки... И число кавалеровъ все росло и росло. Ее нельзя было упрекнуть ни въ чемъ особенномъ, кромѣ развѣ излишней развязности, которую она все больше и больше усваивала. Она охотно слушала щедрые комплименты, которые усердно напѣвались ей въ оба уха, охотно отвѣчала на игривый флиртъ,—на довольно нескромные намеки, на крѣпкое пожатіе руки... Игра увлекала,—кавалеры были такъ милы, такъ красивы, особенно одинъ, два... Почему же не пошутить, не назначить, напримѣръ, невиннаго свиданія? Вѣдь, это такъ пріятно волнуетъ, отъ этого такъ сладко бьется сердце... И свиданія назначались, назначались въ укромныхъ мѣстечкахъ. И тутъ шепталисъ милыя рѣчи, которыхъ опять-таки не было никакой возможности не слушать. Ну, а послѣ такихъ рѣчей надо быть прямо деревянной или ледышкой, чтобы не позволить коечто... такъ самую чуточку... ну, тамъ слегка обнять... сорвать поцѣлуй... А потомъ прогулки за городъ, тройки, ужины... Отъ вина такъ весело на душѣ и такъ пріятно кружится голова... Особенно въ уютномъ кабинетѣ, при мягкомъ свѣтѣ фонаря, въ сосѣдствѣ *его*... который такъ нѣженъ и милъ... такъ вкрадчиво, деликатно умѣетъ шептать „очаровательныя“ слова любви...

О, пробужденіе было ужасно! Это случилось въ какомъ-то загородномъ кабачкѣ... О, съ какимъ подлымъ расчетомъ ее завлекли въ эту западню! Съ

какимъ подлымъ предательствомъ ее напоили пьяной!.. О, что съ ней было, когда она вырвалась изъ нахальныхъ объятій, когда поняла, что съ ней случилось?.. Только грязненькія стѣны ресторанчика, да привычная ко всему, прислуга знаютъ, какъ она билась головой о спинку дивана, какъ она рвала на себѣ волосы. Тотъ подлецъ не остался даже, чтобы утѣшить, и уѣхалъ, боясь скандала...

За этимъ „случаемъ“ уже самъ собою явился другой, третій... Съ ней стали поступать все смѣлѣе, все нахальнѣе. Она сама стала еще развязнѣе, пріобрѣла особый шикъ... Затѣмъ сняла „номеръ“ и стала уже открыто принимать сначала знакомыхъ кавалеровъ, а потомъ и незнакомыхъ, кто попадетъ; потомъ стала „запивать“ и, въ концѣ концовъ, черезъ три—четыре года появилась уже на „Воскресенкѣ“, какъ говорится,—„во всемъ своемъ парадѣ“...

Да, на „Воскресенкѣ“ не рѣдкость встрѣтить такихъ „дѣвицъ“, которыя назначались когда-то совсѣмъ къ другой жизни, которыя многому учились, которыя читали лучшихъ писателей, знаютъ языки. Вонъ, напримѣръ, идетъ худая брюнетка въ дешевенькомъ, но утрированно-модномъ костюмѣ. Она выдаетъ себя за француженку и, дѣйствительно, знаетъ французскій языкъ, говоритъ очень литературно и, очевидно, когда то знала лучшіе дни... Поровнявшись съ какимъ-то господиномъ, она бросаетъ на него вызывающій взглядъ и говоритъ, для „пущаго эффекта“, французскую фразу... Бѣдняжка!

Она все еще не можетъ хорошенько привыкнуть къ тому, что „Воскресенка“—не гостинная, и что на ней всего меньше нуженъ французскій языкъ *)...

За этой дѣвушкой въ полосѣ свѣта мелькнуло лицо Маруси. Она извѣстна тѣмъ, что хорошо поетъ малороссійскія пѣсни. Въ разгарѣ кутежа, среди самаго невозможнаго дикаго содома, она вдругъ встрепенется, выпрямится, полузакроетъ глаза—и польется, и зазвенитъ въ накуренной, душной комнатѣ чудная, за сердце хватающая, малороссійская мелодія...

Віютъ витри, віютъ буйни
Ажь деревья гнутця...

И такими слезами, и такой кроткой жалобой зарыдаетъ эта пѣсня, такимъ сердечнымъ горемъ повѣетъ отъ нея, что стихнетъ все вдругъ въ комнатѣ, смолкнутъ надъ своими стаканами пьяные гуляки, случайно попавшіе сюда съ улицы... Чѣмъ-то свѣжимъ, хорошимъ пахнетъ на всѣхъ, какъ освѣжающимъ лѣтнимъ вѣтеркомъ... На мигъ блеснетъ въ пьяныхъ, отуманенныхъ головахъ сознаніе окружаю-

*) Удешевленіе книгъ, которыя широкой волной разливаются въ народѣ, сдѣлало то, что наши лучшіе писатели встрѣчаются и у такихъ падшихъ дѣвушекъ, которыя не получили почти никакого образованія. Грустно слушать прекрасныя слова любимыхъ писателей изъ устъ этихъ „несчастныхъ“. Какой жестокой ироніей звучитъ, напр., „Убогая и нарядная“, когда это стихотвореніе декламируетъ одна изъ „убогихъ“. И каково этимъ дѣвушкамъ жить такою ужасною жизнью съ такимъ духовнымъ развитіемъ...

щаго безобразія... сознаніе своей пьяной, грязной жизни... Мелькнетъ на мигъ какое-то хорошее воспоминаніе... такое чистое, свѣтлое... И защемитъ на сердцѣ, и запросятся на глаза слезы... Господи! Да неужели-же это поетъ *такая* „гулящая“ дѣвушка? Какъ-же она можетъ жить такой ужасной жизнью съ такой душой, которая—наболѣвшая, оскорбленная — рыдаетъ въ этомъ звенящемъ голосѣ?., Зачѣмъ?.. какъ занесло ее сюда, въ эту грязь, изъ ея милой поэтической украйны, изъ милаго края съ бѣлыми хатками, вишневыми садочками и сердечными пѣснями и думками?!,.

— Эхъ, дайте выпить,—въ горлѣ пересохло?— обрывая пѣсню, вскрикиваетъ ухарски Маруся, какъ будто встряхивая съ себя очарованіе собственной пѣсни, и жадно выпиваетъ стаканъ...

III.

— Знаете, сегодня есть много свѣженькихъ, новенькихъ...—говоритъ одинъ пшютъ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ другому пшюту въ модномъ пальто-балахонѣ и въ шапочкѣ блиномъ.

— Вотъ я вамъ покажу, тутъ одна блондиночка ходитъ—просто пальчики оближешь!..

— Посмотримъ, посмотримъ!.. Эге, какая миленькая мордашка! Видѣли?.. И фигурка, знаете, тово... Не пріударить-ли!

— Отчего-же,—идетъ?..

И оба пшюта, вытянувъ шеи, пускаются въ погоню...

Дѣйствительно, сегодня воскресенье, а по праздничнымъ днямъ обычный составъ „дѣвицъ“ пополняется еще „вольнопрактикующими „женщинами и дѣвушками, которыя въ продолженіе недѣли перебивались какой-либо скудной и случайной работишкой, а въ праздникъ отправляются на „Воскресенку“, чтобы пополнить дефицитъ въ своемъ бюджетѣ. Тутъ и прачки-поденьщицы, и швеи, и гильзовщицы, и подростки — дѣвченки изъ разныхъ мастерскихъ *). Послѣднія ведутъ себя особенно бойко, шмыгая въ толпѣ взадъ и впередъ... Мужчинъ все прибываетъ. Большею частію это трудящійся, подневольный народъ,—писцы, мастеровые, приказчики, мелкіе чиновники, телеграфисты и пр., — вырвавшійся на праздничный короткій отдыхъ, и старающійся провести его какъ можно веселѣе. Но здѣсь же можно встрѣтить не мало разныхъ щеголей, юнкеровъ, студентовъ, даже совсѣмъ юныхъ школьниковъ.

Въ медленно плывущей толпѣ все чаще слышатся отрывочныя фразы, зазыванія, простуженные голоса, сухой кашель, смѣхъ, то какой-то короткій, нервный, то громкій и наглый...

---

*) Задачей будущаго „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“, которое, какъ я глубоко вѣрю, организуется въ Казани—будетъ и забота о массѣ дѣвушекъ, теперь совершенно безпрепятственно и безнаказанно развращаемыхъ въ разнаго рода мастерскихъ.

— Мамочка, идемте съ нами!..

— Милый брюнетикъ, позвольте прикурить...

— Ну, чего ты, Наташка, носъ-то воротишь? Чего носъ-то воротишь? Тебя зовутъ, а ты фыркаешь...

— Мы даже вниманія себѣ не возьмемъ съ такими шарлатанами знаться...

— Какъ она, братцы, зазналась, какъ съ купчикомъ-то съѣздила! Купчихой стала!..

— Небось, мы окромя какъ съ чиновниками и студентами другой компаніи не водимъ...

— А, можетъ быть, я самъ чиновникъ?

— Это за прилавкомъ-то который стоитъ?

— Эхъ, ты, шмара!..

— Самъ-то ты — халуй несчастный!

— Господинъ, подайте копѣечку... *) — тихимъ, чуть слышнымъ шепотомъ проситъ какая-то молоденькая дѣвушка, въ то же время многозначительно смотря вамъ прямо въ глаза...

— Маш—ша... Мил—лая... Пусти! Я ему, подлецу, прямо въ рожу наплюю... Я его такъ спахну...

— Ни храшо, Соня, ни храшо!.. Хорошая дѣ-

---

*) Страшно необходимо заступиться, наконецъ, и за тѣхъ несчастныхъ дѣвушекъ, которыя съ дѣтства эксплоатируются своими родными, часто матерями-проститутками, посылающими этихъ дѣвочекъ сначала за милостыней, а потомъ буквально „приспособливая“ ихъ, нерѣдко еще въ дѣтскомъ возрастѣ, къ разврату...

вочка никогда себѣ не дозволитъ... Не скандаль. Ни храшо!..

— Ну, что, съ удачей?— спрашиваетъ одна пара женщинъ другую, остановившись посреди тротуара.

— Какой чортъ! Одни только шарлатаны и шляются. Лучше идти домой...

И дѣйствительно, мимо нихъ съ шумомъ и хохотомъ проносится цѣлая ватага какихъ-то шелопаевъ, среди которыхъ видны даже мальчишки.

— Держи!.. Лови!.. Которую?.. Эту?.. Вонъ, ту...— сыплется изъ ватаги залпомъ.

— Мишка... Ванька... Не отставай... Мамзель, на пару словъ!.. Ребята, поворачивай оглобли... Машка — сухорукая... Стой! Не пускай ее... ругается, шкура!.. Погоди, мы тебѣ это припомнимъ!..

Эта ватага собралась и вышла на улицу именно съ цѣлью „поохальничать“ надъ женщинами: посмѣяться, толкнуть, обругать, заманить въ темный переулокъ и побить, а то и еще хуже...

Ахъ, студентовъ люблю я!
Ахъ, студенты страсть моя!..—

напѣваетъ вполголоса какая-то дѣвица въ виду проходящаго студента. За нею двигается какой-то степенный человѣкъ. Онъ очень старательно прячетъ свое лицо въ поднятый воротникъ, такъ что видны только его глаза съ мѣшками подъ ними и съ морщинами вокругъ. Но не смотря на почтенный возрастъ, господинъ вышелъ, очевидно, „на охоту“.

ибо его глаза такъ и блестятъ въ темнотѣ и зорко впиваются въ лицо каждой проходящей женщины...

Вотъ, идутъ двѣ дѣвченки въ какихъ-то безобразныхъ, сшитыхъ не по росту, кофтахъ. Одна изъ нихъ, кажется, не старше четырнадцати лѣтъ.

— Я тебѣ говорю, ты только слушайся меня,— поучаетъ простуженымъ голосомъ дѣвушка постарше.— Ежели попадетъ хорошій господинъ, онъ ничего не пожалѣетъ... Проси у него чего хочешь...

— Нѣтъ, право... Я уйду...—стыдливо шепчетъ другая дѣвочка, испуганно озираясь.—Нѣтъ, боязно... Я лучше пойду домой... Тетка браниться станетъ...

— Дура ты, больше ничего! И тетка ничего не узнаетъ. Скажи, что у Аннушки засидѣлась,—вотъ и все!..

— Нѣтъ, я уйду... Я не знаю, какъ это... вдругъ... Стыдно, вѣдь!..

— Это спервоначалу только... И мнѣ было стыдно сначала то... А ты только свое знай, свой антиресъ... Угостите, молъ... ежели подарить тоже...

Въ это время съ ними поровнялся почтенный господинъ, вглядѣлся и, кашлянувъ, повелъ особеннымъ образомъ глазами. Дѣвушка постарше сейчасъ-же поняла. Она прибавила шагу и потащила свою подругу за уголъ пассажа въ пустой переулокъ. Господинъ скоро нагналъ ихъ тамъ и, остановившись у фонаря, еще разъ внимательно осмотрѣлъ свою добычу. Недурны! На него смотрѣли такія пухленькія, свѣженькія личики... Особенно мила

была младшая, совсѣмъ растерянная, со слезинками испуга на глазахъ...

— Ну, чего ты, чего ты? Вѣдь, я тебя не съѣмъ, дурочка! — самъ волнуясь при видѣ этой дѣвочки, уговаривалъ полушепотомъ господинъ.

— Я, я... я такъ... — лепечетъ растерянно дѣвушка. — Я лучше уйду...

— Какъ „уйду“? Что съ ней, скажи пожалуйста? — обращается господинъ къ подругѣ.

— Это ничего-съ, такъ... По глупости... не обращайте вниманія... — успокаиваетъ та. — Простите ужъ, — непривычная еще... вѣдь въ первый разъ...

— Въ первый разъ?! — вскрикиваетъ господинъ. — Не можетъ быть?! Ну, что ты врешь-то!..

— Ей-Богу, клянусь Богомъ!.. Да вы посмотрите, — вѣдь, совсѣмъ еще молоденькая... Такъ, ужъ счастье ваше... А ежели-бы хорошему-бы господину попалась-бы, такъ не пожалѣлъ-бы...

— Ну, хорошо, хорошо... Это хорошо... — потирая руки и чуть не захлебываясь, говоритъ господинъ. — Я заплачу... заплачу... Извозчикъ!

Моментально изъ-за угла вылетаетъ рысакъ.

— Нѣтъ, я уйду,.. Я лучше уйду... — еще слабо протестуетъ дѣвочка, отшатнувшись отъ санокъ: отпустите меня... Мнѣ домой нужно...

— Ну, что за глупости!.. Ну, садись-же, садись-же! — нетерпѣливо толкаетъ ее къ санкамъ господинъ и усаживаетъ маленькую фигурку себѣ на колѣни. Подруга садится сбоку.

— За Булакъ?.. Ну, поѣзжай-же, поѣзжай скорѣе! Ну, чего ты сталъ!.. — почти лихорадочно торопитъ господинъ. — А ты не бойся... Тебѣ чего надо? — Ты скажи... Я тебя угощу... заплачу...

Застучали копыта, завизжали полозья — и санки пропали въ бѣлесоватой тьмѣ *)...

IV.

Легкій вѣтерокъ, подувшій подъ вечеръ, все крѣпчаетъ и уже порывами проносится вдоль „Воскресенки“ и мететъ снѣжной пылью...

Горячій моментъ „ловли“ уже прошелъ. Толпа порѣдѣла. Озябшія женщины скрываются на время, чтобы погрѣться, въ гостинницѣ „Надежка“ („Надежда“). Но въ гостинницѣ неловко сидѣть, ничего не спросивъ, поэтому „дѣвицы“ спрашиваютъ „въ складчину“ или чаю, или бутылку пива, или даже только баварскаго квасу, и подолгу просиживаютъ съ нею, время отъ времени прохаживаясь по гостинницѣ и высматривая „гостей“...

Въ числѣ другихъ вошла въ трактиръ и Анюта, хотя у нея не было ни копѣйки. Но это ничего,

*) Наталкиваясь иногда случайно на такія сцены, особенно тяжело сознаешь свою безпомощность отвратить такую гибель дѣвушки, гибель которая, можно сказать совершается на твоихъ глазахъ. Между тѣмъ, вмѣшаться въ дѣло, въ качествѣ члена „общества защиты несчастныхъ женщинъ“ было-бы вполнѣ естественно, если-бы только такое общество у насъ существовало.

она здѣсь бываетъ часто... Ахъ, какимъ ласковымъ, славнымъ тепломъ охватило ея продрогшее тѣло еще на лѣстницѣ!..

Гостинница полна, можно сказать, набита народомъ. И весь этотъ народъ что-то говорилъ, галдѣлъ, грохоталъ. Шаркали ноги, звенѣли бутылки и стаканы. Въ мутно-зеленомъ воздухѣ, въ клубахъ пара и табачнаго дыма, при тускло коптящихъ огняхъ, мелькали чьи-то взъерошенныя головы, красныя, напряженныя лица, „наштукатуренныя“ щеки дѣвицъ, кокетливыя шапочки, тонкія таліи, и модные широкіе рукава, рядомъ съ неуклюжими фигурами мастеровыхъ... Половые метались, какъ ошалѣлые, едва успѣвая удовлетворять требованія гостей. Жирный Антоша леталъ, какъ мотылекъ, съ салфеткой черезъ плечо.

— Здравствуй, Антоша голубчикъ!..—очень любезно поздоровалась съ нимъ Анюта. Для „дѣвицъ“ половой всегда имѣетъ огромное значеніе: если онъ захочетъ, то можетъ любую изъ нихъ совсѣмъ даже не впускать въ гостинницу *). Но Антоша очень добродушенъ и снисходителенъ къ дѣвицамъ: „не собаки, вѣдь, и онѣ“...

Съ перваго же взгляда, Анюта увидѣла опытнымъ

*) Мнѣ случалось видѣть, какъ изъ нѣкоторыхъ трактировъ „вышибали“ или „дѣлали высадку“ такихъ дѣвушекъ. Ихъ съ такой силой „спускали“ съ лѣстницы, что онѣ кубаремъ, ударяясь о что попало, вылетали на улицу и, растирая ушибленныя мѣста, уходили съ плачемъ и бранью...

глазомъ, что здѣсь „поживы“ не будетъ. Дѣвицъ много: Таня толстая, Дунька, Поля-бѣлобрысая, Пашка-рябая, Сашка... Всѣ здѣсь! Между тѣмъ „порядочныхъ“ кавалеровъ совсѣмъ нѣтъ, а все какая-то „шваль“...

— Угостите пивкомъ!.. — обратилась Анюта къ какому-то, уже „нагрузившемуся“, гостю, одѣтому довольно прилично...

— Гм!.. Пивкомъ!—икнулъ тотъ, таращa на нее глаза.—А шимпанскаго не хочешь, которымъ...

— Свинья!—отвѣчаетъ, отходя, Анюта. Она уже немного отогрѣлась. Больше сидѣть здѣсь нечего, только упустишь время. Опять приходится изъ тепла выходить на улицу, на холодъ... А ноги такъ устали, ноютъ... Кашель потрясаетъ грудь. Хочется поѣсть, отдохнуть... Хоть бы выпить водки: она такъ грѣетъ, бодритъ... Но выпить не на что...

Съ визгомъ распахивается трактирная дверь. Порывъ вѣтра сразу обнимаетъ Анюту въ ея короткой драповой кофточкѣ, какъ-будто обрадовавшись своей добычѣ...

Вяло плетется она, поднимаясь на „Воскресенку“. А вѣтеръ все сильнѣе треплетъ платье, холодитъ ноги, забирается подъ кофту и сыплетъ острой морозной пылью, отъ которой коченѣютъ руки и рѣжетъ лицо...

Но особенно бушуетъ онъ на Воскресенской улицѣ, на этомъ высокомъ и открытомъ мѣстѣ. Онъ ураганомъ проносится по ней, взметая снѣгъ, со сви-

стомъ и воемъ разсѣкается о фонарные столбы и, дребезжа фонарными стеклами, заставляетъ плясать газовые огоньки, готовые потухнуть...

Анюта упорно борется съ вѣтромъ и, закрывая лицо муфточкой, всматривается въ темную даль улицы... Снѣгъ слѣпитъ глаза. Ничего не видно. И кто же пойдетъ сюда въ такую погоду?..

Но вотъ, вдали вырисовывается силуэтъ какого-то мужчины. Онъ шатается,—очевидно, это какой-нибудь запоздавшій гуляка, покинувшій гостинницу потому, что ее уже стали запирать. Онъ останавливается и, широко разставивъ руки, преграждаетъ дѣвушкѣ дорогу. Она не уклоняется и идетъ прямо на него. Онъ схватываетъ ее въ охабку и нѣкоторое время молча разсматриваетъ ее, сопя и обдавая ее острымъ запахомъ водки. Дѣвушка старается улыбнуться, какъ можно милѣе, привлекательнѣе, привѣтливѣе...

— Ну, пшелъ къ черту! Мордой не вышла...— рѣшаетъ онъ вдругъ безапеляціонно и, оттолкнувъ ее, бредетъ дальше...

— Господи!—вырывается со стономъ у дѣвушки. Слезы душатъ ее... Но нѣтъ, нѣтъ, хныкать нельзя, некогда... Вдали показывается еще какой-то человѣкъ. Дѣвушка опять собирается съ силами, „подтягивается“, спѣшитъ туда... Она опять пробуетъ улыбаться, но губы трясутся, трясутся... Она боится сказать слово,—боится, что тогда она не справится съ собой.

— Господинъ... господинъ...—шепчетъ она умоляющимъ голосомъ. — Возьмите меня... возьмите, пожалуйста...

Но прохожій еще выше поднимаетъ воротникъ и, сверкая очами, бормочетъ:

— Оставьте... проходите... Вы ошиблись...

Но дѣвушка не отстаетъ. Она готова уцѣпиться за этого сердитаго господина, готова крикнуть ему, что она вся озябла, что она голодна, что ей некуда дѣваться...

— Господинъ...—бормочетъ она уже съ нескрываемыми слезами въ голосѣ.—Ради Бога, возьмите... Будьте добры. Я вамъ услужу... Я что угодно...

Она готова на все,—развѣ уже не все равно?.. Только бы попасть въ тепло, уйти съ этой страшной, пустынной, угрюмо-холодной улицы.

Но господинъ только прибавляетъ шагу. Дѣвушка машинально еще слѣдуетъ за нимъ нѣкоторое время, все болѣе отставая. Наконецъ, она останавливается и тупо смотритъ впередъ. Ждать уже нечего... Что же теперь? Надо идти... да... Но куда идти?.. О, какъ она озябла! Какъ она устала! Какъ болятъ ея ноги!.. Уснуть бы, уснуть бы... Взять, вотъ, прямо броситься, вотъ, тутъ на скамейку, сжаться комкомъ — и заснуть... Заснуть... замерзнуть... да, лучше замерзнуть... издохнуть,—по крайней мѣрѣ, одинъ конецъ! Тогда не нужно уже будетъ шляться сюда... мыкаться безъ пріюта, какъ собака... Тогда

ее не будутъ больше мучить, не будутъ шпынять... не будутъ надругаться надъ ея тѣломъ, надъ ея душой... Ее оттащатъ въ черномъ ящикѣ—и куда-нибудь свалятъ... Околѣла, скажутъ,—одной тварью стало меньше!.. А въ головѣ какой-то туманъ, какъ будто всѣ мысли спутались или замерзли... Да, надо идти... куда-нибудь... Можетъ быть, пуститъ Ивановна... не смотря на долгъ...

Улица,—мрачная, богатая улица,— безстрастно молчала. Громадный черный пассажъ, съ его цѣльными стеклами, теперь зіявшими, какъ впадины, просто подавлялъ своей массивностью. Каменные дома, оберегая мирный сонъ своихъ обитателей, высматривали, какъ неприступныя крѣпости. Что, если бы тѣ люди знали, что рядомъ съ ними, вотъ тутъ, на улицѣ, черезъ какую-нибудь стѣну, такъ дрогнетъ и мучается живой человѣкъ? Также ли спокоенъ былъ бы ихъ сопъ?.. Теперь-же отъ всѣхъ этихъ богатыхъ обиталищъ несло самымъ безпощаднымъ холодомъ безучастія. Упади эта несчастная дѣвушка тутъ же на мѣстѣ, зареви, закричи, „издохни“—они остались-бы также невозмутимы.

— Господи!—вырывается у дѣвушки, пронизанной этимъ холодомъ сильнѣе, чѣмъ вѣтромъ.—Господи! Неужели и Ты меня оставилъ совсѣмъ? Вѣдь, Ты знаешь.... Ты, вѣдь, видишь, Господи...

Да, только на Него одного у нея еще теплится надежда, только Онъ, Милосердный, видитъ теперь ее, погибшую грѣшницу, дрожащую на этой суро-

вой улицѣ!.. Кромѣ Его, у нея не осталось никого, отъ кого она могла бы ожидать помощи. Только одинъ Онъ не презритъ ее,—гадкую, оскверненную, жалкую... Въ какомъ-то безконечномъ отчаяніи, въ какомъ-то экстазѣ страданія, дѣвушка подняла глаза къ небу, прижала руки къ груди—и горячая, страстная молитва безъ словъ, страстная, горькая жалоба безъ звука—полилась изъ этой наболѣвшей, иззябшей груди и понеслась къ темному, мутному, ночному небу, тяжело нависшему надъ спящимъ городомъ...

Маскарадъ.

Встрѣча новаго года...

Двери театральнаго подъѣзда то и дѣло растворялись, пропуская каждый разъ оживленныя группы. Кой-гдѣ видны черныя маски; тамъ блеснулъ позументъ, мелькнуло что-то пестрое, красное... У кассы толканіе. Скоро театральные корридоры наполняются самой разношерстной толпой. Волна за волной приливаетъ и разливается по всему театру... Въ глазахъ начинаетъ рябить отъ блестящей мишуры, отъ пестрыхъ, яркихъ костюмовъ. Шелестъ матерій, позвякиваніе какихъ-то погремушекъ, рѣзкій запахъ духовъ, быстрые, любопытные взгляды — все это заразительно дѣйствуетъ даже на самого хладнокровнаго зрителя...

Въ залѣ уже гремитъ музыка. Несутся меланхолически-нѣжные звуки вальса. Кружатся пары... Вотъ, бѣжитъ, расталкивая толпу, вертлявая, низенькая женщина; на ея обнаженныя плечи и грудь спускаются нити бѣлаго стекляруса. Это должно изображать водопадъ. За этой маской слѣдуетъ гурь-

бой нѣсколько человѣкъ „золотой молодежи“. Они въ широчайшихъ „невыразимыхъ“, широчайшихъ пиджакахъ, съ огромными галстухами, такъ что ихъ модный костюмъ похожъ тоже на маскарадную карикатуру. Они ловятся за нитки стекляруса, что-то сюсюкаютъ, картавятъ и оглушительно смѣются...

— Старо! За этотъ костюмъ три года тому назадъ А* получила призъ...— вяло цѣдитъ сквозь зубы рослый блондинъ въ пенснэ.

Это—„завсегдатай“. Ему еще очень немного лѣтъ, но онъ—уже почти старикъ. Онъ состарѣлся преждевременно отъ безсонныхъ ночей на разныхъ маскарадахъ, кутежахъ, состарѣлся, растративъ свою короткую юность на „этихъ дамъ“... Но за то онъ ихъ знаетъ всѣхъ, всѣхъ до одной! И какъ онѣ всѣ ему уже давно надоѣли! Ему скучно, скучно до тошноты.

— Ты думаешь, это кто?—говоритъ онъ своему сосѣду—молоденькому „первокурснику“. Это все изъ такихъ... а костюмъ самодѣльщина или изъ парикмахерскихъ... Видишь эту блондинку?—Это дама... Когда-то была недурна... Кто эта брюнетка, спрашиваешь?—О, эта ужъ совсѣмъ никуда не годится! Она уже „ходитъ“ лѣтъ десять... Ба-ба-ба! Все старье сегодня повылѣзло: даже Сонька явилась! И кого-то еще хочетъ прельстить своимъ декольте... Настоящая лягушка!... Да, братъ, Мишель, нечего тебѣ здѣсь и смотрѣть,—кромѣ гадостей ничего не увидишь...

— Но, Анатоль... все-таки это интересно...—

бормочетъ студентъ, въ душѣ завидуя его опытности.

Всѣ эти гибкія, откровенно-декольтированныя женщины—кажутся ему, напротивъ, очень милыми. Подъ каждой маской ему чудятся красавицы... Онъ ихъ старается разгадать по маленькимъ, розовымъ ушамъ, по подбородкамъ, пристально смотритъ на открытыя плечи .. Все это было для него такъ ново, такъ таинственно, заманчиво!... Его со всѣхъ сторонъ обдаетъ горячее дыханіе, запахъ раздражающихъ духовъ... Въ ушахъ звенитъ задорный смѣхъ, вызывающая, шутка. Его задѣваютъ, его толкаютъ всѣ эти пробѣгающія женщины...

— Ахъ, какой ты милый!—слышитъ онъ надъ своимъ ухомъ.

Онъ весь вспыхиваетъ. На лицѣ еще пуще разгорается свѣжій, нетронутый румянецъ. Вплоть придвинувшись къ нему, стоитъ какая-то турчанка... Видно, что она только что танцовала: дыханіе прерывисто, грудь поднимается высоко, нервно, вся она такъ и пышетъ жаромъ...

— Милый, милый! Настоящая дѣвушка!—шепчетъ горячо она,—что ты такъ стоишь? Танцуй!...

А чудный вальсъ звучитъ такъ страстно, такъ выразительно... Мимо проносятся стройныя женщины, мелькаютъ, обтянутыя въ трико, ножки...

Сколько женщинъ! И каждая изъ нихъ, казалось, сулила ему еще неизвѣданное наслажденіе, блаженство, котораго онъ до сихъ поръ еще не зналъ...

И ему неудержимо захотѣлось поймать одну изъ этихъ очаровательныхъ масокъ, увлечь въ вихрѣ вальса, а потомъ прижать къ себѣ и цѣловать, цѣловать... Женщины! Чудный звукъ! Чудное созданіе!...

Онъ схватываетъ турчанку и уже несется въ упоеніи по залѣ. Ему кажется, что сегодня все стало особенно хорошо, и этотъ вальсъ,—знакомый вальсъ,—какъ будто только сегодня открылъ всю свою скрытую прелесть... Этотъ вальсъ какъ будто тоже поетъ, что надо любить, жить, наслаждаться, что турчанка восхитительна, что такъ стройна...

— Ну, будетъ... довольно... я устала,—шепчетъ маска, и они удаляются въ укромный уголокъ.

Мишелю хотѣлось бы высказать много всего, что его теперь переполняетъ, но онъ не знаетъ, какъ это сдѣлать. Онъ держится съ ней также, какъ привыкъ держаться съ „барышнями“ на вечерахъ и балахъ.

— Вы любите танцовать?—спросилъ онъ.

— Ахъ, какой онъ смѣшной!... Ха-ха ха!.. заливается маска. — Кто же говоритъ въ маскарадѣ на „вы“! Говори мнѣ „ты“!

— Ну, ты... Любишь ты танцовать?—стыдливо поправляется Мишель.

— Ахъ, какой ты милый! Покраснѣлъ даже... Конечно, люблю!... А какъ тебя зовутъ?

— Михаилъ Ива... Мишель...

— Должно быть, тебя еще никуда не пускаютъ одного? Нѣтъ-ли у тебя губернантки?... Ха-ха-ха!...

— Ну, вотъ, что выдумала...—обидѣлся Мишель.

— Нѣтъ, я нарочно... нарочно... Я пошутила...—прижимаясь къ нему, горячо зашептала маска.—Ты не сердись, милый!... Не сердишься, да?

— Конечно, нѣтъ. А какъ зовутъ васъ... то есть тебя?...

— Развѣ я тебѣ понравилась?

— О, да!—вырывается у Мишеля,—Ты хороша... Но ты снимешь маску? да?... О, сними, покажи свое лицо... Я хочу видѣть твое лицо...

Что-то туманитъ голову Мишеля. Въ немъ какъ-то сразу все взбудоражилось и заставляетъ такъ биться сердце, какъ будто ему тѣсно въ груди...

— Ахъ, какъ я тебя люблю... Я тебя люблю, люблю...—бормочетъ онъ, тиская маленькія, горячія ручки.—Но только сними эту противную маску... Я хочу видѣть твое лицо, твои глаза...

Она смѣется тихимъ, грудным смѣхомъ, она ласкается все вкрадчивѣе, одуряюще...

— Пойдемъ отсюда...—говоритъ она.

— Куда?

— Ахъ, какой смѣшной! Ну, въ фойе... Тамъ мы станемъ ужинать... Я сниму маску...

— О, идемъ, идемъ!

Мишель теперь готовъ на все. Выпить?—Отлично! Онъ согласенъ и выпить, и напиться... что угодно!

Что-то обжигаетъ его непривычное горло. Коньякъ оказывается очень крѣпокъ, но это вздоръ! Налейте еще! Вѣдь, мамаша не узнаетъ... Да если-бы и уз-

нала, что-жъ изъ того! Онъ нисколько не боится!... Чортъ побери!... Онъ уже не мальчикъ... Смѣшно даже: онъ до сихъ поръ не зналъ женщины... И все это благодаря глупому воспитанію!.. Чортъ возьми! Теперь онъ докажетъ, что онъ вовсе не институтка!... „Я казанскій студентъ“...—начинаетъ онъ напѣвать на мотивъ изъ „Цыганскаго Барона“...

II.

Маскарадъ въ полномъ разгарѣ...

Недавнее оживленіе разрослось, подъ вліяніемъ танцевъ и вина, въ непрерывное лихорадочное возбужденіе. Недавно еще приличные посѣтители были теперь красны, потны. Ихъ шляпы сдвинуты на затылки; костюмы измяты. Они уже не смѣются, а хохочутъ; не говорятъ, а кричатъ; не ходятъ, а бѣгаютъ. Въ тѣсномъ корридорѣ все бурлитъ и кипитъ, и куда-то несется безъ удержу... Свѣжему человѣку вся эта толпа, переполняющая театръ, кажется какъ-будто обезумѣвшей, одурманенной, забывшей всякую сдержанность... Тутъ и тамъ видны воркующія парочки. Какой-то „пажъ“ откровенно сидитъ чуть не на колѣняхъ у толстаго лысаго господина... Далѣе—хорошенькая „пьеретта“, откинувъ маску, прильнула губками къ своему сосѣду...

По залѣ кружится какой-то старикъ. Онъ—то топчется, какъ пѣтухъ, передъ домино, то бросается за соблазнительно обтянутой сиреной и хватаетъ ее

за голую руку. Странное зрѣлище! Совсѣмъ сѣдой, даже бѣлый, съ слегка покраснѣвшими, дряблыми щеками, трясущійся отъ возбужденія... Судя по одеждѣ и манерамъ, онъ изъ „порядочнаго“ общества, быть можетъ — мужъ, отецъ, имѣетъ внуковъ... И все-таки онъ бѣгаетъ здѣсь, съ неестественно-возбужденнымъ видомъ, какъ будто въ какомъ-то припадкѣ...

— Пострадалъ отъ кафе-шантана!.. — слышится вблизи гнусавый голосъ. Это двигается разслабленной походкой, волоча ноги, какой-то загримированный господинъ. У него истощенное лицо съ кругами подъ глазами, провалившійся носъ. На лацканахъ фрака находится надпись: „отецъ семейства“ и рецептъ отъ... извѣстной болѣзни... Но это никого не смущаетъ и только сильнѣе возбуждаетъ веселость... Въ шляпу „пострадавшаго отъ кафе-шантана“ такъ и сыплются билетики „на призъ“. За этой маской двигается странное чучело, задрапированное въ грязную простыню. Оно раздаетъ билетики, въ родѣ того, что: „не хади въ буфетъ — пьянъ будишь“...

— Чортъ знаетъ, какая гадость! — думаетъ скучающій Анатолій. Ни одной сколько-нибудь оригинальной маски... даже приличныхъ-то костюмовъ мало...

— А знаешь, блатъ, я сейчасъ видѣлъ m-me Холмскую... — сюсюкаетъ возлѣ блѣдный, сутуловатый юноша съ восковымъ, совершенно тупымъ лицомъ.

— Не можетъ быть, —такая порядочная особа!— отвѣчаетъ другой юноша, тонкій, длинный и какъ будто весь развинченный.

— Увѣляю тебя... Что же удивительнаго! Мужъ у нея сталикъ, а она — молода и сложена, какъ Венера... Надо ее непремѣнно заинтлиговать...

Въ это время Анатолій увидѣлъ Мишеля съ турчанкой подъ руку.

Густые, бѣлокурые волосы Мишеля были растрепаны и красивыми прядями падали на лобъ. Свѣжія щеки были покрыты густымъ румянцемъ. Склонившись къ маскѣ, онъ смотрѣлъ на нее полупьяными, блестящими глазами и только твердилъ:

— Я тебя люблю... Я никого не любилъ такъ, какъ тебя... Ты меня тоже любишь?

При видѣ этого, Анатолія что-то кольнуло. Вѣдь, и онъ началъ почти также, какъ этотъ мальчишка... И кому достанется его юность, его чистота?— Этой изношенной, истрепанной, продажной женщинѣ!..

— Мишель! Куда ты?.. Стой!—рѣшительно остановилъ онъ парочку.

— А? Что? Это ты?.. Не мѣшай пожалуйста!— бормочетъ нетерпѣливо тотъ. Если-бы ты зналъ, что это за женщина!

— Дуракъ! — процѣдилъ Анатолій.— Да слушай-же... Вѣдь, я ее знаю... Ну, что ты нашелъ въ ней хорошаго?.. Да подожди-же!.. Пойми... Вѣдь, она стара, размалевана... Чортъ знаетъ что!.. Лучше поѣдемъ къ Смирновымъ: у нихъ вечеръ, барышни...

— Не надо барышень!! Довольно этой прѣсной водицы! — кричитъ Мишель.

— Но послушай.. Опомнись! Послѣ ты самъ пожалѣешь...

— Прошу безъ наставленій! Я не маленькій... чортъ побери! Я хочу любить и жить, и... однимъ словомъ, убирайся къ чорту!..

Онъ былъ совсѣмъ, какъ безумный, и нетерпѣливо тащилъ свою спутницу къ выходу.

— Эхъ, дуракъ! — съ раздраженіемъ подумалъ Анатолій. — Какъ ты глупо спѣшишь потерять то, что дороже всего... и съ кѣмъ? — этого ты не знаешь и самъ!..

III.

— Послушай, гдѣ ты такую подцѣпилъ! — опять раздается возлѣ Анатоля.

— А что, бг'атъ, недуг'на? — самодовольно картавитъ брюнетъ уже съ лысиной на затылкѣ и съ закрученными усиками.

— Прелесть!.. Шикъ!..

— Это, бг'атъ, такая штучка... — быстро шепчетъ брюнетъ. — Я ужъ давно ухаживалъ, здѣсь сама и подвег'нулась...

Анатолій взглянулъ на маску, которая была съ брюнетомъ, и опытнымъ глазомъ сразу оцѣнилъ ее всю. Тоненькая талія, еще не развитая, едва замѣтная грудь и худыя ручки — выдавали ея возрастъ. Это была еще дѣвочка, не болѣе 15—16

лѣтъ. Она, какъ видно, стыдилась и, едва поборая свою робость, старалась казаться развязной. Она то и дѣло смѣялась, повертывала головой и обмахивалась вѣеромъ...

Но не смотря на эти усилія казаться развязной, не смотря на ея вызывающій смѣхъ и откровенный костюмъ тирольки — Анатолій сразу догадался, что эта дѣвушка—„новичекъ", что это ея первый дебютъ.

Отъ ея граціозной фигурки, отъ всего ея существа—вѣяло еще такой невинностью, дѣтской чистотой, что она являлась рѣзкимъ контрастомъ съ тѣми масками, которыя нахально кривлялись вокругъ...

— Подарите мнѣ билетикъ... — проситъ у Анатоля маска, вся обшитая картами.

— Ахъ, отстань, пожалуйста!—отвѣчаетъ съ нетерпѣніемъ онъ и развалистой походкой слѣдуетъ за промелькнувшей парочкой.

Вѣдь, дѣвчонка еще... совсѣмъ дѣвчонка!.. почти ребенокъ... И зачѣмъ только этихъ дуръ несетъ сюда?.. — думалъ онъ, проникаясь какимъ-то внезапнымъ, теплымъ сочувствіемъ къ маленькой тироль кѣ.

Разумѣется, пропадетъ... сегодня же и свернется... Исторія извѣстная!.. Однако, куда же они скрылись?

Озабоченно оглядываясь, Анатолій вышелъ въ коридоръ.

Было уже около трехъ часовъ. Маскарадъ долженъ былъ скоро кончиться — и это еще сильнѣе

пришпоривало пьяную толпу. Въ душномъ туманномъ воздухѣ, полномъ испареній, запаха пива, вина и „пачулей“,— казалось все кружилось волчкомъ. Это былъ послѣдній пароксизмъ разгула... Охота на женщинъ и охота на мужчинъ достигла своего высшаго напряженія. Теперь уже ничѣмъ не стѣсняются. И некогда!.. Опоздай—и придется уѣзжать одному или одной... Особенно стараются женщины, которымъ надо окупить расходы на костюмъ и за билетъ. Онѣ мечутся взадъ и впередъ, откровенно „приглашаютъ“ мужчинъ... Этихъ женщинъ ловятъ, обнимаютъ и опять отпускаютъ или увозятъ съ собой... Въ толпѣ бѣснующихся, мимо Анатолія нерѣдко мелькали знакомые мужчины изъ „порядочнаго круга“, „съ положеніемъ“, „семейные“, которые сбросивъ всю свою „порядочность“ и маску благовоспитанности, говорили и дѣлали невыразимыя пошлости... Животныя вожделѣнія стирали всякіе слѣды мысли, интеллигентности — дѣлали всѣ лица похожими одно на другое... Въ буфетѣ было тоже настоящее столпотвореніе. Мѣста брались чуть не съ бою. Къ прилавку невозможно было протолкаться...

И здѣсь то, за клубами сизаго дыма, Анатолій увидѣлъ, наконецъ, тѣхъ, кого искалъ...

Брюнетъ былъ уже навеселѣ. Какъ то скверно улыбаясь, онъ совсѣмъ близко наклонился къ своей маскѣ и бормоталъ:

— Да ты выпей... Ну, выпей же еще!.. Хочешь

чего-нибудь легонькаго?.. хересу, мадеры?.. Ну, одинъ стаканъ...

Дѣвушка сначала отказывалась, но потомъ брала стаканъ дрожащей рукой и выпивала... А брюнетъ опять начиналъ что-то горячо шептать ей на ухо, не спуская съ нее своихъ глазъ... Дѣвушка задумчиво слушала, потомъ вдругъ мотала головой, дѣлала порывистое движеніе, какъ будто хотѣла убѣжать... но все-таки, оставалась, опять какъ-то машинально выпивала и продолжала слушать... Не смотря на маску, было видно, что она то вспыхивала,—вспыхивала до кончиковъ ушей,—то блѣднѣла и похолодѣвшими, дрожащими пальчиками натягивала поплотнѣе кружево маски...

— „Вѣдь, этакая подлость!.. Ахъ, мерзавецъ!.. Вѣдь, это онъ ее уговариваетъ съ нимъ ѣхать“... волновался Анатолій, смотря на эту послѣднюю борьбу.

— „Дура, да не пей ты, не пей!—хотѣлось ему крикнуть. — Это онъ тебя подпаиваетъ нарочно... Плюнь ты ему въ его сальную, поганую рожу!.. Ахъ, несчастная!.. Такъ и есть — она почти уже пьяна“...

Дѣйствительно, дѣвочка все чаще смѣялась нервнымъ, возбужденнымъ, короткимъ смѣшкомъ и все дольше и нѣжнѣе смотрѣла на брюнета... Анатолію стало жутко, какъ будто онъ присутствовалъ при отвратительномъ и гнусномъ преступленіи, которому онъ не можетъ помѣшать... Что ему дѣлать? —

Крикнуть? — Остановить эту глупую дѣвченку? Избить этого подлеца?.. Но вѣдь это скандалъ, неприлично... И наконецъ, ему могутъ сказать, что не его дѣло...

— Глупышка! Да чего ты боишься? — бормочетъ, между тѣмъ, брюнетъ. — Чего ты боишься?.. Я — же тебѣ говорю... Это ничего!.. Что за страхъ?.. Я тебя люблю, честное слово!.. Я тебя люблю... Я тебѣ говорю, что все это пустяки — и больше ничего!..

— „Вотъ сейчасъ... сейчасъ и конецъ... — твердилъ Анатолій, не имѣя силъ уйти отъ этой сцены. — „Еще минута — и она согласится... она уже готова... Совсѣмъ потеряла голову... Не вскочить-ли и — бацъ? Схватить вотъ эту бутылку и размозжить голову этому мерзавцу!“...

Но брюнетъ уже пробирался сквозь толпу, подъ руку съ маской, къ выходу. Тоненькая фигурка какъ-то пьяно и развинченно прижималась къ спутнику, а головка почти лежала у него на плечѣ...

Это зрѣлище было такъ тяжело, что у Анатолія сжалось сердце и чуть не выступили слезы... „Еще одна несчастная... еще жертва... Боже мой, Боже мой! Сколько на свѣтѣ грязи! Какое животное-человѣкъ“...

А отъ подъѣзда непрерывной вереницей уносились многочисленныя санки съ обнявшимися пароч-

ками и скрывались въ морозной мглѣ ночи. Тутъ были и „наши уважаемые“, „почтенные“ дѣятели, и денежные тузы, и „учащаяся молодежь“, и просто шелопаи... Не глупо-ли говорить послѣ этого о вліяніи науки, искусства, о нравственности, чортъ знаетъ о чемъ, — думалъ Анатолій, одѣваясь, — когда въ самомъ центрѣ „просвѣщеннаго“ города, въ двухъ шагахъ отъ университета — сотни „образованныхъ“ людей публично справляютъ свою вакханалію?“...

Анатолій отпустилъ кучера и тихонько побрелъ пѣшкомъ.

— Здравствуй, Анатоль!—услыхалъ онъ и остановился.

Изъ тѣни выдвинулась къ фонарю высокая женщина, одѣтая въ темную легкую кофту и такое же платье.

— Не узналъ? — спросила она и сипло захохотала...

— Сара!..—съ ужасомъ воскликнулъ онъ, вглядѣвшись, и холодъ пробѣжалъ по его тѣлу. Только по большимъ чернымъ глазамъ узналъ онъ въ этой изможденной женщинѣ когда-то знаменитую „Сару“, блестящую куртизанку Казани, къ которой ѣздили всѣ мѣстные „тузы“, вся золотая молодежь... *).

— Сара! Что съ тобой?—могъ только пробормо-

---

*) Личности и сцены, описанныя въ этой статьѣ, представляютъ тоже точные снимки съ дѣйствительности.

тать взволнованно Анатолій.—Зачѣмъ ты здѣсь? Какъ ты дошла до этого?..

— Захворала—и, наконецъ.... Теперь всѣ тѣ подлецы морду воротятъ.... Эхъ, что говорить.... Угости лучше папироской...

Анатолій раскрылъ портсигаръ и подалъ.

— Спасибо что не брезгуешь... А то всѣ отшатнулись... Ну, да и чортъ съ ними.... Всѣ подлецы... Только досадно... Помнишь, какъ прежде мы встрѣчали новый годъ? Пробка въ потолокъ.... Всѣ ко мнѣ съ бокалами... Цѣлуютъ руки, поздравляютъ... Эхъ, руки!..

Сара зачѣмъ-то внимательно посмотрѣла на свою руку, одѣтую въ изорванную, черную перчатку.

— А нынче хоть около театра-то повертишься... Да и что нынче за маскарады! Что за женщины!.. Не одна никуда не годиться... А помнишь актрису Ис—мину? За ней еще ухаживалъ князь Чер—скій... А я и ей не уступала... Эхъ, да что вспоминать!.. Наплевать, Анатоль? а? Не такъ-ли?.. Все къ чорту!.. къ лѣшему... провалъ ихъ возьми!.. Вотъ водочки-бы выпить... Ты не пьешь, конечно? А я привыкла... Ей-Богу! Выпьешь—и какъ будто полегче станетъ...

Анатолій остановился, торопливо вытащилъ первую попавшуюся бумажку и сунулъ Сарѣ въ руку.

— Милостыню... усмѣхнулась та и ея губы какъ-то задрожали, запрыгали; все лицо перекоси-

лось... Сара закрыла его рукой и только вздрагивала плечами...

— Ну, полно, Сара... полно... Ну, что дѣлать...— уговаривалъ сердечно Анатолій.

— Ну, перестань, голубушка... Что дѣлать...

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе. Въ темномъ воздухѣ кружились, какъ мотыльки, бѣлыя пушинки снѣга. Улица была пустынна. Только сурово и нелюдимо смотрѣли темныя окна каменныхъ громадъ, да мигали уличные фонари... Наконецъ, Сара отняла руки...

— Спасибо... не погнушался... прошептала она. А какъ обидно... Знаешь-ли, бродишь-бродишь, вотъ также ночью... по улицамъ... Переколѣешь вся, дрожишь, какъ собака... Ловишь прохожихъ... какихъ попадетъ... пьяныхъ, грубыхъ... Кто обругаетъ, кто толкнетъ... Устанешь... Вздумаешь погрѣться въ трактирѣ — гонятъ... безъ мужчины не пускаютъ... Не вытерпишь! Выберешь глухой уголокъ, прижмешься къ стѣнѣ... да какъ заревешь!.. только не громко, чтобъ никто не услыхалъ... лицо-то шалью зажмешь... да головой-то объ стѣну, объ стѣну... Эхъ, здохнуть-бы скорѣе, что-ли... Околѣть-бы!..

Молча слушалъ Анатолій это глухое, безсвязное бормотаніе—и ему представлялась та дѣвушка, которую онъ видѣлъ въ маскарадѣ... И съ ней будетъ тоже самое... Тотъ пьяный, циничный развратникъ

теперь уже обнимаетъ ее... И она даритъ ему свои первыя, стыдливыя ласки... свою невинность... не успѣвъ расцвѣсть, безъ любви, подъ вліяніемъ пьянаго угара... О, лучше-бы прямо убивать этихъ несчастныхъ!.. А сколько ихъ погибнетъ сегодня... Сколько ихъ погибаетъ на каждомъ шагу!..

Несчастныя, несчастныя!..

Пробужденіе.

Кто защититъ тебя? Всѣ безъ изъятія
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ...

Некрасовъ.

— Да, этого случая, этого урока я не забуду никогда,—началъ свой разсказъ мой пріятель.

...Я открылъ глаза и съ недоумѣніемъ оглянулся: гдѣ я? Почему я не у себя?.. Но тотчасъ-же почувствовалъ адскую головную боль, увидѣлъ рядомъ какую-то спящую женщину и... вспомнилъ о вчерашнемъ кутежѣ, о томъ, что мы куда-то ѣздили, творили какія-то мерзости... Но какъ я попалъ сюда, къ этой женщинѣ,—я рѣшительно не помнилъ... Ахъ, какая гадость!..

Въ головѣ стоялъ еще туманъ и тамъ сверлила, не переставая, тупая боль. Во рту было сухо. Сердце билось, какъ-то надрываясь. Во всемъ тѣлѣ, въ душѣ—какая-то полнѣйшая разбитость и отвращеніе къ самому себѣ, ко всему свѣту... Я не

знаю, можетъ-ли быть что-нибудь тягостнѣе, гнетущѣе такихъ минутъ! Просыпающаяся память кажетъ то одно, то другое глупое и постыдное положеніе, въ которомъ ты былъ вчера, въ которомъ были твои товарищи, — и гложетъ жестокимъ раскаяніемъ и стыдомъ...

Ахъ, какая гадость, гадость!..

А окружающая обстановка дѣйствовала еще болѣе удручающимъ образомъ. Стекла единственнаго окна были сплошь разрисованы бѣлыми морозными узорами. Сквозь эти замерзшія окна брезжилъ блѣдный, унылый свѣтъ ранняго утра—и отъ этого свѣта жалкая комнатка выглядывала еще хуже... Было довольно холодно. Я быстро одѣлся. Надо поскорѣе уйти...

Но машинально я опять присѣлъ на край кровати.

Въ головѣ не было ни одной мысли. Глаза безцѣльно блуждали по грязнымъ, мѣстами порваннымъ, обоямъ: потомъ остановились на лубочномъ изображеніи какой-то красавицы съ розой въ рукѣ, на какомъ-то портретѣ..: Кто это?—мелькнуло у меня на мигъ въ головѣ. — Можетъ быть, братъ этой женщины, которая возлѣ меня?.. а можетъ быть—женихъ?.. Потомъ мои глаза перешли на столъ. Помню, что я почему-то особенно внимательно разсматривалъ его. Мнѣ онъ хорошо представляется и теперь... Вязанная скатерть, дешевенькое овальное зеркало, какія-то фарфоровыя куколки, гребенка,

какія-то коробочки... даже какіе-то цвѣточки... Я невольно усмѣхнулся,—такъ жалки были эти украшенія! Но, тѣмъ не менѣе, всѣ они были разставлены, очевидно, заботливой рукой, въ порядкѣ... Въ этомъ было видно желаніе скрасить комнату, хоть чѣмъ-нибудь разогнать ея уныніе... Можетъ быть, у этой женщины только и есть одинъ уютный уголокъ—тотъ самый столъ... Мнѣ представлялось, какъ въ эту комнату прокрадывается тусклый, сѣрый вечеръ... Какъ эта женщина утомленно подходитъ къ своему столику... Садится... Нехотя беретъ коробочку съ пудрой... Пора снаряжаться на промыселъ... Она смотрится въ зеркало и задумывается: какъ она измѣнилась! Надолго-ли еще хватитъ ее въ этой жизни?.. А въ комнатѣ такъ тихо, такъ уныло тихо, такъ безотвѣтно... Женщина тяжело вздыхаетъ, берется опять за пуховку и вдругъ взглядъ ея случайно падаетъ на портретъ. Дорогое лицо какъ будто ожило, какъ будто съ испугомъ смотритъ на нее, какъ будто спрашиваетъ: Маша! (Почему я ее окрестилъ тогда Машей—Богъ вѣсть...) Маша! Что ты дѣлаешь?! Куда ты хочешь идти?!.. Ты-ли это, Маша! Того-ли мы отъ тебя ждали!... Ахъ, Маша, Маша!..

Я хотѣлъ стряхнуть съ себя эти фантазіи, но мои глаза, помимо моей воли, продолжали свой осмотръ... Вотъ, лампа съ абажуромъ, кофточка, шапочка; на гвоздѣ виситъ платье... тамъ валяется муфточка, перчатки... Все это нужно было „завести“. Чтобы

купить каждую изъ этихъ вещей, ихъ обладательница должна была каждый разъ продавать самое себя...

Тяжелая цѣна!

Я перевелъ глаза на спящую женщину. Она лежала на спинѣ. Блѣдный свѣтъ бросалъ на ея лицо какой-то мертвенный оттѣнокъ. Она казалась еще совсѣмъ молодой дѣвушкой, но на ея лицѣ уже лежала печать ея жизни,—зловѣщая печать разгула... Вялая, какая-то пористая кожа покрывала ея исхудалыя щеки, ея плечи. Закрытые глаза были впалы и оттѣнены черными кругами. Но всего болѣе поразили меня ея губы: на нихъ не было и слѣда нахальной, вызывающей улыбки,—напротивъ, что-то безконечно-усталое, страдальческое залегло въ углахъ ихъ... Сотни мужчинъ пользовались этимъ тѣломъ, такъ что не оставили на немъ ни одного живаго, не захватаннаго мѣста, по каплѣ вытягивая ея здоровье и медленно убивая... И вотъ, истощенная, измученная, перенесшая самое глубочайшее униженіе, какое только можно вообразить,—эта дѣвушка каждую ночь засыпаетъ такимъ тяжелымъ, болѣзненнымъ сномъ... Что-то совершенно разбитое, жалкое сквозило во всемъ ея тѣлѣ, какъ-будто брошенномъ, за негодностью, на эту постель... И чѣмъ дольше смотрѣлъ я на эту дѣвушку, тѣмъ больнѣе становилось мнѣ за это несчастное, разбитое созданіе... И я,—я самъ!—тоже не постѣснился съ нею, какъ другіе... Боже мой! какимъ непере-

даваемымъ стыдомъ жгло меня теперь при видѣ своей жертвы! И это я, я могъ такъ грязно поступить съ этой бѣдной, беззащитной дѣвушкой!..

Бѣдная, бѣдная!... Помнишь-ли ты еще, что на свѣтѣ есть и другіе люди, не такіе, какъ я, какъ всѣ твои мужчины? Помнишь-ли ты еще, что есть и иныя человѣческія отношенія, иныя чувства, кромѣ того животнаго, которое избираетъ тебя своимъ орудіемъ? Помнишь-ли ты, что на свѣтѣ есть еще состраданіе, человѣческое участіе?... Или ты забыла уже обо всемъ этомъ, потому что давно не встрѣчала ничего подобнаго, не встрѣчала ничего, кромѣ грубости, униженій, надругательства?...

Да и кто пожалѣетъ тебя? Кому до тебя дѣло?... Не ты—такъ другая, третья—должны явиться такими „жертвами“, такимъ „товаромъ“, на который существуетъ извѣстный „спросъ“. Не ты такъ другая, третья,—какъ говорятъ умные люди,—непремѣнно „должны погибнуть“ ради прихоти другихъ!... И я, я самъ позволилъ... О, какой стыдъ, какая подлость!...

Я не сводилъ глазъ съ страдальческой складки на лицѣ бѣдной дѣвушки и чувствовалъ, что во мнѣ закипаетъ къ ней все сильнѣе глубокое, какое-то почти благоговѣйное состраданіе... Эта дѣвушка становилась мнѣ теперь такой-же близкой, родной, дорогой, какъ родная сестра... Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь выразить это чувство, хотѣлось чѣмъ-нибудь проявить свое участіе, хотѣлось тихонько приласкать

ее, какъ дорогого ребенка, но я не смѣлъ сдѣлать этого, не смѣлъ нарушить ея отдыха... Я только осторожно-осторожно потянулъ одѣяло и прикрылъ ея обнаженныя плечи...

Она открыла глаза и, не понявъ моего движенія, инстинктивно отодвинулась.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Не бойся... Это вовсе не то...—горячо, быстро заговорилъ я.—Прости, что я разбудилъ тебя... Я только покрылъ... И вообще... Прости, что я здѣсь... и что все это такъ случилось... Я понимаю, какъ гадки мы всѣ тебѣ... Я понимаю... Но такъ ли виноваты мы?... О, разумѣется, виноваты, страшно виноваты!... Но, видишь-ли... Я не знаю, поймешь-ли ты... Если бы ты знала нашу жизнь... безтолковую, пошлую, дрянную... въ которой мы всѣ бьемся... сами не зная изъ-за чего... зачѣмъ... часто безъ цѣли, безъ смысла... И вотъ, хочется иногда какъ-нибудь забыться... одурманить себя... хотя на мигъ уйти отъ гнетущей пустоты... Я не оправдываюсь! Это гадко, страшно гадко!... И вотъ, когда я проснулся... я смотрѣлъ на тебя... какъ ты спала... этакая усталая... блѣдная... и... и вотъ я почувствовалъ... увидѣлъ... что ты такая бѣдная... несчастная... что твоя жизнь такъ тяжела... что тебя всѣ мучаютъ... что тебя некому пожалѣть... и я пожалѣлъ... отъ души пожалѣлъ... понимаешь-ли, отъ всей души пожалѣлъ... какъ сестру... что ты такая бѣдная... бѣдная...

Все это я бормоталъ очень безсвязно, поспѣшно, стараясь лишь, чтобы она поняла, что я чувствовалъ. Мой голосъ срывался, дрожалъ... Помню, что сначала она смотрѣла на меня съ испугомъ, но потомъ ея глаза широко раскрылись, какъ будто вдругъ просвѣтлѣли, какъ будто согрѣлись какой-то искрой... Я увидѣлъ, что она поняла все, что творилось во мнѣ, и — безсонная-ли ночь, или что другое такъ подѣйствовало на меня, но мои напряженные нервы не выдержали... Насъ обоихъ подхватилъ какой-то неудержимый порывъ... Я не знаю, какъ случилось, что ея головка скоро прижалась къ моей груди, сотрясаясь отъ горькаго, мучительнаго плача...

А я съ безконечной жалостью гладилъ ее по волосамъ, гладилъ нѣжно, какъ ребенка, цѣловалъ ея лобъ, поднималъ съ осторожной лаской ея лицо и обтиралъ платкомъ слезы, которыя катились по блѣднымъ, почти еще дѣтскимъ щекамъ...

— Бѣдная... бѣдная... Моя бѣдная дѣточка... Моя бѣдная голубка...— повторялъ я тихо, стараясь найти самыя нѣжныя, самыя ласкательныя названія...

Кажется, никогда и никого не любилъ я такъ глубоко, такъ чисто, съ такимъ горячимъ участіемъ, какъ я любилъ эту погибшую дѣвушку, такъ безпомощно, такъ довѣрчиво прижимавшуюся и плачущую на моей груди...

Казалось, что все хорошее, дремавшее въ моей душѣ, весь запасъ чувства,—того чистаго, лучшаго чувства, которое я не могъ израсходовать въ моей

сѣренькой, скучной жизни, въ своихъ обычныхъ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми,—вдругъ вспыхнулъ во мнѣ, сжегъ грязную житейскую накипь и освѣтилъ насъ обоихъ... На мигъ между нами исчезла всякая разница, исчезли всѣ условности, все то́ уродливое, что вноситъ уродливая жизнь въ отношенія людей, отчуждая ихъ другъ отъ друга. Остались только два страдающіе человѣка, двѣ бѣдныя человѣческія души, которыя пробудились на мигъ, сознали свое паденіе, увидѣли окружающую грязь— и заплакали, какъ о потерянномъ раѣ, о лучшей жизни, о лучшемъ, свѣтломъ мірѣ...

КРАТКІЙ ПРОЕКТЪ

„общества защиты несчастныхъ женщинъ“ *).

Въ предыдущихъ очеркахъ было уже говорено о неотложной необходимости прійти къ этимъ женщинамъ на помощь. Тамъ же указывалось отчасти и на тѣ основныя задачи, которыя должны лечь въ организацію „общества защиты несчастнымъ женщинамъ“. Эти задачи можно формулировать вкратцѣ такъ: во 1-хъ, общество должно по возможности *не допускать несчастныхъ женщинъ до паденія*, приходя къ нимъ съ своевременной помощью; во 2-хъ, общество *должно оказывать всяческую помощь и поддержку тѣмъ изъ падшихъ женщинъ, которыя пожелаютъ оставить свое ремесло* и захотятъ снова заняться честнымъ трудомъ.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ общество можетъ осуществить на практикѣ эти задачи. Прежде всего, поддержка бѣднымъ женщинамъ, можетъ быть оказана обществомъ *на экономической почвѣ:* 1) об-

*) „К. В. Край“, 19 февраля 1897 г. № 345.

щество устраиваетъ рабочее бюро, какъ для интеллигентныхъ женщинъ, ищущихъ занятій, такъ и для простыхъ чернорабочихъ женщинъ, для всякаго рода мастерицъ, не имѣющихъ работы, для горничныхъ, кухарокъ и т. д., лишившихся почему-либо мѣста, для бѣдныхъ женщинъ, вышедшихъ изъ тюремнаго заключенія, изъ больницъ, изъ родильнаго пріюта и др. Всѣмъ такимъ нуждающимся женщинамъ общество даетъ пріютъ, скромное пропитаніе, и какую-нибудь временную работу до пріисканія имъ мѣста или постоянной работы. 2) Помимо этого, не мало женщинъ стекается въ городъ изъ деревень, съ надеждой на заработокъ, но очень часто такія женщины и дѣвушки совсѣмъ не находятъ никакой работы, проживаютъ все, что имѣютъ, нерѣдко даже и одежду, попадаютъ въ разныя трущобы и тамъ затягиваются въ развратъ. Такимъ женщинамъ и дѣвушкамъ общество будетъ давать какую-нибудь работу до тѣхъ поръ, пока тѣ женщины не найдутъ себѣ постоянной работы. Общество помогаетъ также возвратиться на родину тѣмъ изъ нихъ, которыя иногда желаютъ вернуться туда, но не имѣютъ къ тому возможности, напр., не имѣютъ сносной одежды, средствъ на дорогу и проч.

3) Точно также общество можетъ помогать женщинамъ и дѣвушкамъ и поддерживать ихъ *на почвѣ нравственной и юридической*. Такъ, общество по возможности будетъ слѣдить за жизнью всякаго рода мастерскихъ, за швейными, гильзовыми, прачечными

и др. заведеніями, за фабриками и заводами, съ цѣлью убѣдиться, какъ живется работницамъ, мастерицамъ и ученицамъ, и въ случаѣ замѣченныхъ покушеній на совращеніе ихъ, „общество“ будетъ прилагать всѣ усилія, чтобы не допустить тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ до паденія, преслѣдуя въ такихъ случаяхъ соблазнителей даже судомъ *). Точно также судомъ общество преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ развратниковъ, которые, соблазнивъ дѣвушку или приживъ съ женщиной иногда даже нѣсколько дѣтей **), бросаютъ ихъ на произволъ судьбы, даже не обезпечивъ матеріально, чѣмъ толкаютъ тѣхъ женщинъ прямо на путь проституціи. Съ помощью суда-же общество будетъ защищать и тѣхъ дѣвушекъ, часто еще дѣтей, которыя развращаются и эксплоатируются своими родными, иногда даже своими матерями. Для защиты всѣхъ такихъ „несчастныхъ“, общество будетъ привлекать въ свои члены мѣстныхъ юристовъ, которые, имѣя въ рукахъ вполнѣ достаточныя основанія, будутъ вести подобнаго рода дѣла, вступаясь за беззащитныхъ жертвъ.

---

*) Само собой разумѣется—по желанію и съ согласія жертвы. Для большаго удобства въ смыслѣ такого наблюденія можно впослѣдствіи организовать родъ „участковыхъ попечительствъ“, какъ въ Москвѣ.

**) Кто, какъ не эти соблазненныя дѣвушки и женщины даютъ то огромное число „незаконнорожденныхъ“ подкидышей, которые съ перваго появленія на свѣтъ уже обрекаются на самую жалкую судьбу!...

Разсмотримъ теперь, въ чемъ можетъ выразиться помощь общества уже падшимъ женщинамъ.

Прежде всего, общество никогда не должно забывать, что, помимо помощи отдѣльнымъ лицамъ, оно имѣетъ своей задачей и пропаганду нравственныхъ взглядовъ на женщину, борьбу съ развратомъ вообще, гдѣ бы онъ ни проявлялся, защиту несчастныхъ падшихъ женщинъ и улучшеніе ихъ участи въ массѣ).* Отношенія медико-полицейскія, отношенія къ этимъ несчастнымъ ихъ „хозяевъ“, часто возмутительно грубыхъ и безпощадно эксплоатирующихъ своихъ жертвъ—должны обратить особенное вниманіе общества и самое дѣятельное его вмѣшательство.

Всѣмъ женщинамъ, пожелавшимъ выйти изъ „заведенія“, общество должно немедленно дать мѣсто въ своемъ пріютѣ, должно немедленно оказывать посильную, возможную помощь. Попадая же въ пріютъ, женщина уже всецѣло находится подъ его наблюденіемъ и медико-полицейскій надзоръ съ этого момента за женщиною уже прекращается. Врачебная помощь будетъ въ пріютѣ особенно необходима, такъ какъ ремесло падшей женщины, помимо всякаго рода зараженій венерическими болѣзнями, надѣляетъ ее

---

*) Такимъ образомъ „общество“ можетъ имѣть огромное воспитательное значеніе, способствовать нравственному подъему общества и вообще—измѣненію взгляда на половыя отношенія со стороны массы публики.

очень часто разными другими женскими болѣзнями, а также нервными заболѣваніями.

Всѣмъ, поступившимъ въ пріютъ, женщинамъ, какъ мы уже говорили, дается посильная работа, а для незнающихъ никакого ремесла — учреждается мастерская, гдѣ они будутъ учиться какому нибудь занятію (шитью, вязкѣ, плетенію кружевъ, тканью, дѣланію гильзъ, искуственныхъ цвѣтовъ, издѣлій изъ стружки и проч., и проч.).

При первой же возможности, призрѣваемая женщина опредѣляется куда-нибудь на мѣсто или въ мастерскую, или вообще къ какой-нибудь постоянной работѣ внѣ стѣнъ пріюта. Но отпуская отъ себя свою питомицу, пріютъ долженъ стараться сохранять съ нею самую живую и близкую связь. Онъ долженъ участливо слѣдить за ея жизнью, готовый во всякое время прійти къ ней опять со своей поддержкой и ободреніемъ.

Вообще, пріютъ отнюдь не долженъ носить обычнаго холодно-оффиціальнаго вида. Напротивъ, онъ долженъ явиться именно теплымъ пристанищемъ для измученныхъ людей, гдѣ они могли-бы согрѣться душевно и тѣлесно, и чѣмъ меньше будетъ въ немъ стѣсняющаго режима, тѣмъ лучше. При этомъ необходимо, чтобы пріютъ находился въ добрыхъ и хорошихъ женскихъ рукахъ и чтобы дѣло исправленія несчастныхъ женщинъ производилось безъ всякихъ навязчивыхъ, резонерски-черствыхъ поученій и т. д., а только лаской, дружескимъ участли-

вымъ словомъ, наконецъ, самой жизнью въ пріютѣ, ровной, чистой, трудовой. При этомъ прекраснымъ средствомъ для нравственнаго вліянія на призрѣваемыхъ могутъ служить литературныя чтенія, бесѣды, организація хора, разныя полезныя и невинныя развлеченія, напр., посѣщенія спектаклей, если къ этому представится возможность, въ городскомъ театрѣ или въ народной аудиторіи, когда она устроится, и т. д., и т. д. Точно также время отъ времени въ пріютѣ могутъ вестись какимъ-нибудь добрымъ священникомъ бесѣды съ женщинами, которыя этого пожелаютъ,—о религіи, о томъ, что ихъ особенно затрогиваетъ въ ней, разсказывать вкратцѣ о земной жизни Спасителя и знакомить съ основами христіанской религіи.

Но не смотря на все это, разумѣется,—будутъ всетаки случаи возвращенія къ прежней жизни. Для пріюта, разумѣется, будетъ очень печальнымъ каждый такой уходъ. Но даже временное пребываніе въ пріютѣ не пройдетъ для женщины безслѣдно. Оно оставитъ въ ней впечатлѣніе свѣта, тепла, человѣчной ласки. И,—кто знаетъ?—можетъ быть послѣ пребыванія въ пріютѣ, прежняя жизнь покажется женщинѣ уже совсѣмъ невыносимой и она вернется опять—и уже навсегда—къ честному труду. А если она не вернется сама, то она всегда передастъ и раскажетъ о пріютѣ тѣмъ изъ своихъ подругъ, которыхъ развратъ еще не затянулъ окончательно и которыя хотѣли-бы вырваться изъ его лапъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ основанія, на которыхъ должно быть, по нашему мнѣнію, построено будущее „общество защиты несчастныхъ женщинъ“. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія этого общества, будутъ расширяться и его задачи, которыя теперь нами преднамѣренно съужены и сведены исключительно на практическую почву, чтобы показать всю ихъ выполнимость и осуществимость.

Выступая съ такимъ проектомъ, мы глубоко вѣримъ, что многіе и многіе изъ читателей горячо отзовутся на него и, не медля, придутъ со своей посильной помощью тѣмъ „несчастнымъ“, о которыхъ мы говорили и которыя погибаютъ на нашихъ глазахъ. Дружное единеніе мѣстной прессы на такой почвѣ будетъ особенно радостно. Въ самомъ дѣлѣ, кому какъ не намъ, хотя и рядовымъ, скромнымъ литераторамъ, но служащимъ всетаки лучшимъ началамъ жизни,— слѣдуетъ положить начало и этому хорошему дѣлу?

Мы твердо увѣрены, что на этотъ проектъ откликнутся всѣ интеллигентные люди, прекрасно сознающіе конечно, страшное зло проституціи, грязнящей всю нашу жизнь.

Мы также глубоко увѣрены, что на помощь такому важному дѣлу придутъ и тѣ благотворители, имена которыхъ извѣстны уже всей Казани, которые, вѣроятно, не откажутся навсегда связать свое

имя съ такимъ высокимъ, истинно-христіанскимъ учрежденіемъ, какъ пріютъ для несчастныхъ женщинъ.

Мы обращаемся ко всѣмъ родителямъ, отцамъ и матерямъ. Развѣ они не дрожатъ очень часто за чистоту и поведеніе своихъ собственныхъ подростающихъ дѣтей, зная, какъ легко доступенъ продажный развратъ, какъ онъ заразителенъ?

Мы обращаемся, наконецъ, ко всѣмъ тѣмъ бѣднымъ труженикамъ, къ которымъ жизнь поворачивается только своей суровой стороной, которымъ каждый кусокъ хлѣба приходится добывать неустаннымъ, честнымъ трудомъ. Эти труженики дорожатъ своей честью и нравственностію иногда сильнѣе, чѣмъ баловни судьбы, и трогательно пекутся о томъ, чтобы и ихъ дѣти, не смотря на нужду, шли-бы тоже по честной дорогѣ. И въ этой трудовой средѣ мы разсчитываемъ встрѣтить самое искреннее сочувствіе къ проектируемому обществу, къ которому они могутъ прибѣгать за помощью, когда борьба съ жизнью окажется имъ не подъ силу и когда ихъ сестрамъ и дочерямъ будетъ грозить опасность...

А затѣмъ, съ самымъ свѣтлымъ чувствомъ надежды, мы обращаемся къ нашей учащейся молодежи. Мы вѣримъ, что здѣсь-то, среди нея, мы встрѣтимъ наиболѣе горячій, наиболѣе чуткій и искренній откликъ. Пошлый, а часто и подлый, житейскій опытъ еще не положилъ своего грязнаго пятна на молодую душу, еще не вытравилъ изъ нея вѣру въ добро,

еще не наполнилъ ее только личными, своекорыстными разсчетами и побужденіями — и потому молодая душа всегда такъ отзывчива на чужія страданія, всегда полна горячаго, благороднаго негодованія на всякую житейскую несправедливость. Несомнѣнно, что она не разъ болѣла и за „несчастныхъ“ женщинъ и рвалась имъ на помощь. Помогите-же имъ теперь, господа! Теперь такъ нужна ваша помощь!

Эта помощь можетъ выразиться, со стороны всѣхъ сочувствующихъ дѣлу лицъ вообще, чрезвычайно разнообразно: пожертвованіями, устройствомъ вечеровъ, спектаклей, концертовъ, публичныхъ лекцій въ пользу пріюта и т. д. *) и, наконецъ, личнымъ активнымъ участіемъ въ осуществленіи предлагаемаго проекта.

Сколько, напр., хорошихъ людей у насъ томятся безсодержательностію своей жизни, не зная куда приложить свои силы, куда употребить свои средства; сколько есть одинокихъ людей, сколько женщинъ и дѣвушекъ, личная жизнь которыхъ по разнымъ причинамъ не удалась и онѣ живутъ, не находя уже смысла въ своей жизни, уже не вѣря, что она можетъ дать имъ еще что-нибудь свѣтлое и отрадное...

А между тѣмъ, стоитъ лишь оглянуться, стоитъ лишь захотѣть и — Боже мой! какимъ богатымъ,

---

*) Станемъ надѣяться, что этой попыткѣ борьбы съ проституціей не откажутся помочь и городъ, и земство.

прекраснымъ содержаніемъ можно наполнить всю жизнь, какимъ ничтожнымъ покажется тогда свое личное горе передъ массой чужихъ страданій. И тогда это — свое, личное — горе растопится и безслѣдно сольется съ потокомъ общаго горя. И опять просвѣтлѣетъ душа, опять найдется смыслъ и радость въ жизни, ибо что можетъ быть выше и лучше, какъ спасти отъ гибели хотя одного несчастнаго? Какая это свѣтлая, прекрасная, чистая радость, передъ которой меркнутъ всѣ наши мелкія эгоистическія наслажденія и радости!..

Заключеніе.

Нужно-ли еще, послѣ всего уже сказаннаго, говорить о необходимости такихъ организацій, какъ „Общество защиты несчастныхъ женщинъ“?

На Лондонскомъ международномъ конгрессѣ, имѣвшемъ цѣлью разработку вопросовъ, касающихся борьбы съ торговлей „бѣлыми невольницами“, представителями Россіи были сенаторъ Сабуровъ и кн. Волконскій. Послѣдній долженъ былъ прочитать въ своемъ докладѣ, что сколько нибудь организованной защиты несчастныхъ женщинъ въ Россіи не существуетъ. „Какія бы то ни было законоположенія, ограждающія личность падшей женщины отъ злоупотребленій и притѣсненій, въ Россіи,— говорилъ кн. Волконскій,— тоже отсутствуютъ. По этому естественно, что и полиція совершенно не занимается защитой и еще менѣе „спасеніемъ“ падшихъ женщинъ. Беззащитность ихъ еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что огромное большинство этихъ женщинъ въ Россіи принадлежитъ къ самому низшему общественному классу и лишены всякаго об-

разованія... Эти женщины имѣютъ, конечно, самыя смутныя представленія о своихъ правахъ, о законахъ и полицейскихъ постановленіяхъ; попавъ даже случайно въ „заведеніе“, онѣ не знаютъ, какъ изъ него выбраться, и ихъ легко можно убѣдить, что существуетъ законъ, подъ страхомъ наказанія, запрещающій имъ возвратъ на свободу“. Для такого утвержденія даетъ нѣкоторое основаніе и § 54 „Правилъ для содержательницъ публичныхъ домовъ“, по которому женщина, находящаяся въ публичномъ домѣ, если пожелаетъ возвратиться къ честной жизни, можетъ оставить публичный домъ, но не иначе, какъ доказавъ свое желаніе исправиться, т. е. пробыть положенное время въ Общинѣ сестеръ милосердія или въ другомъ подобномъ учрежденіи. Но Общины сестеръ милосердія не берутъ въ свою среду падшихъ женщинъ, а пріютовъ на всю Россію существуетъ всего 6. Такимъ образомъ, фактически несчастная женщина, попавшая въ публичный домъ становится дѣйствительной рабыней, которую покупаютъ, продаютъ, перепродаютъ въ другое заведеніе, въ другой городъ, даже за границу, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные, вполнѣ установленные факты *).

*) Самое послѣднее по времени дѣло такого сорта разсматривалось въ петроковскомъ окружномъ судѣ 20 и 21 ноября 1900 г. при чемъ судилась цѣлая шайка евреевъ, образовавшая сообщество для продажи женщинъ за границу (въ Буэносъ Айресъ) въ дома терпимости („Бирж. В.“ № 328). Много фактовъ подоб-

Относительно закрѣпощенія проституткъ въ своей профессіи путемъ вовлеченія ихъ въ неоплатные долги, г. с.-петербургскій градоначальникъ сообщаетъ въ оффиціальномъ отчетѣ о дѣятельности врачебно-полицейскаго комитета за 1898 годъ, что „при ближайшемъ изслѣдованіи этого дѣла оказалось, что содержавшіяся въ 62 публичныхъ домахъ 605—женщинъ задолжали своимъ содержателямъ свыше 200,000 рублей. Естественно, что такая задолженность ставила ихъ въ полную зависимость и кабалу отъ содержательницъ и закрывала возможность возвращенія ихъ къ другой жизни. Становясь какъ бы собственностью дома терпимости, падшая женщина переуступалась изъ одного заведенія въ другое и постепенно все болѣе запутывалась въ лукаво разставленныя сѣти долговъ“. Если нужда въ защитѣ несчастныхъ женщинъ такъ сильна въ столицѣ, то что же говорить о провинціи гдѣ произволъ по отношенію къ „несчастнымъ“ еще грубѣе и ужаснѣе.

„Такимъ образомъ вышеупомянутое признаніе оффиціальнаго представителя Россіи на конгрессѣ обезщитности у насъ несчастныхъ женщинъ весьма знаменательно“,—писалъ я въ „Каз. Телеграфѣ“ *).—„На конгрессѣ было, между прочимъ, постановлено открыть въ каждой странѣ „національный комитетъ“

наго характера приводится въ брошюрѣ Д-ра Окорокова („Черная сотня“).

*) № 2135, 8 Декабря 1899 г.

для борьбы съ торговлей „несчастными женщинами“ и войти въ сношенія со всѣми благотворительными учрежденіями подобнаго характера, съ цѣлью объединить ихъ дѣятельность. При этомъ рѣшено обращаться за помощью и содѣйствіемъ въ этой борьбѣ къ правительству каждой страны. Несомнѣнно, что петербургскій комитетъ превратится въ постоянное учрежденіе, которое, благодаря высокому покровительству и содѣйствію правительства, можетъ сразу сильно подвинуть дѣло защиты несчастныхъ женщинъ“ *). Несомнѣнно также, что и всѣ частныя зарождающіяся у насъ, „Общества защиты“ объединятся со всемірнымъ союзомъ на почвѣ такого глубоко-гуманнаго дѣла. Вообще, можно смѣло предсказать, что „общества“, подобныя казанскому, имѣющія цѣлью предохранять дѣвушекъ и женщинъ отъ паденія и спасать уже падшихъ, желающихъ оставить свое ремесло, въ недалекомъ будущемъ возникнутъ мало по малу во всѣхъ крупныхъ городахъ, возникнутъ въ силу назрѣвшей необходимости, подъ неотразимымъ давленіемъ времени и примѣровъ другихъ государствъ. Въ то время, какъ у насъ въ Россіи едва-едва набирается 6 пріютовъ, въ которыхъ призрѣваются нѣсколько десятковъ падшихъ

*) Комитетъ этотъ, дѣйствительно, уже превратился въ „Россійское общество защиты женщинъ“, о чемъ мы уже упоминали. Въ его составъ входятъ и представители отъ министерствъ юстиціи, иностранныхъ и вн. дѣлъ.

женщинъ, *) за границей это дѣло поставлено поразительно широко. Достаточно привести нѣсколько цифръ, рисующихъ тамъ дѣло борьбы съ проституціей, чтобы стало стыдно за инертность нашего общества. Такъ, напримѣръ, изъ 64000 благотворительныхъ заведеній Франціи — большинство имѣетъ своей задачей защиту несчастныхъ дѣвушекъ и женщинъ, и только въ одномъ Парижѣ существуетъ 191 учрежденіе, спеціально посвященное этой задачѣ **). Не менѣе широко это дѣло развито и въ Германіи. „Берлинскій женскій союзъ“ имѣетъ въ Берлинѣ нѣсколько убѣжищъ, въ которыхъ дается пріютъ около 900 падшимъ женщинамъ. Кромѣ того, въ Германіи есть отдѣленіе „международнаго общества друзей молодыхъ дѣвушекъ“, имѣющее 36 развѣтвленій въ провинціи, и отдѣленіе „христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ“, имѣющее цѣлыхъ 3000 филіальныхъ отдѣленій въ Германіи! Интернаціональное „общество друзей молодыхъ дѣвушекъ“ возникло въ 1877 году—въ Швейцаріи, имѣетъ цѣлію предохранять дѣвушекъ отъ паденія и уже имѣетъ отдѣленія въ 32 странахъ, а какъ развились эти отдѣленія—видно изъ вышеупомянутаго примѣра Гер-

---

*) Въ Петербургѣ: „Домъ милосердія„, подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, въ Москвѣ—подъ попечительствомъ князя А. А. Щербакова, въ Варшавѣ—графини Ожаровской, въ Одессѣ, Ригѣ, Ревелѣ.

**) Міръ Божій, Октябрь 99 г. „Бѣлыя Рабыни“.

маніи. „Христіанской ассоціаціей молодыхъ женщинъ разбросано въ одномъ Лондонѣ 25 общежитій и ресторановъ для бѣдныхъ женщинъ. Въ провинціяхъ ихъ около 100, въ Шотландіи 11, въ Ирландіи 14. — „Общество друзей молодыхъ дѣвушекъ“ находилось подъ покровительствомъ королевы Викторіи. Оно имѣетъ 1330 развѣтвленій въ Англіи съ 32399 почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и ежегодно оказываетъ помощь 154,170 женщинамъ. Кромѣ того въ Англіи существуютъ еще другія многочисленныя организаціи, ставящія себѣ цѣлію удерживать дѣвушекъ отъ паденія: „Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ“, „Ассоціація помощи молодымъ служанкамъ“ и пр. и пр. Особенно заслуживаетъ вниманія „Лига союзовъ работницъ“ и многочисленныя „женскія поселенія“. Кромѣ разныхъ предохраняющихъ организацій, въ Англіи очень многочисленны и пріюты для спасенія падшихъ женщинъ. Достаточно только припомнить, что писалъ о пріютахъ „Арміи спасенія“ Бутсъ въ своей извѣстной книгѣ: „Въ трущобахъ Англіи“. Въ первые же 3 года своей дѣятельности въ этомъ направленіи Бутсомъ было устроено 13 пріютовъ въ Англіи и 17 за границей, а число всѣхъ женщинъ, вырванныхъ изъ позора простиралось до 3000. „Такой результатъ даетъ намъ возможность расширить наши операціи“, писалъ Бутсъ.

Просто поражаешься, читая всѣ эти цифры! А у насъ до сихъ поръ не было даже попытокъ сколько

нибудь организованной защиты несчастныхъ женщинъ. У насъ послѣднія, будучи сами жертвами, тѣмъ не менѣе, не только не возбуждаютъ состраданія, но даже подвергаются презрѣнію и посрамленію; у насъ они навсегда и безповоротно гибнутъ подъ игомъ отверженности, гибнутъ, если даже случайно и противъ воли попали въ страшный омутъ. Тамъ, въ передовыхъ странахъ, существуютъ тысячи „предупреждающихъ“ и „спасающихъ“ учрежденій, удерживаются отъ паденія и спасаются сотни тысячъ женщинъ, а у насъ находится еще много людей, которые открыто глумятся надъ всякой попыткой помочь „несчастнымъ“, считая ту помощь безполезной, У насъ еще много и долго приходится доказывать, что проститутка—тоже человѣкъ; что она тоже заслуживаетъ нашего вниманія и состраданія; что на ея гибель нельзя смотрѣть равнодушно; что иногда небольшая помощь бѣдной, неопытной дѣвушкѣ, очутившейся въ критическомъ положеніи, бываетъ достаточной, чтобы ее удержать отъ роковаго шага *). До чего беззащитны и безпомощны бываютъ дѣвушки, напримѣръ, на заводахъ и фабрикахъ, видно хотя бы изъ разоблачившагося на судѣ

---

*) Конечно, „Общество защиты“, какъ и всякое другое частное общество, не можетъ измѣнить общихъ экономическихъ условій,—увеличить спросъ на женскій трудъ, поднять цѣнность этого труда, но своимъ бюро труда можетъ подержать во время много женщинъ, доставивъ имъ работу.

положенія дѣвушекъ на южныхъ табачныхъ фабрикахъ. А развѣ лучше положеніе дѣвушекъ въ разнаго рода швейныхъ, гильзовыхъ, перчаточныхъ, шляпныхъ заведеніяхъ, гдѣ ихъ растлѣваютъ или хозяинъ, или хозяйскій сынъ, или гдѣ сама хозяйка часто превращаетъ свое заведеніе въ тайный публичный домъ, торгуя иногда малолѣтними дѣвочками *). До какихъ размѣровъ доходитъ торговля малолѣтними—видно хотя бы изъ разоблаченія „одесскихъ тайнъ“ г. Дорошевичемъ, который нарисовалъ ужасную картину торговли 12 и даже 10 лѣтними дѣвочками; а томъ-же сообщала г. Полякова на страницахъ „Самарской газеты“ и т. д. Эта гнусная торговля существуетъ часто и въ захолустьѣ.

Начатое дѣло, писалъ „Волгарь“ **) по поводу казанскаго „общества защиты“,—дѣло общее, не не районное и не мѣстное... Оно касается всѣхъ и всѣ должны оказать поддержку возникающему „обществу“. Приводя исторію двухъ вятскихъ дѣвушекъ, которыхъ обманомъ привезли въ Казань для разврата и которыя спаслись лишь благодаря случайной помощи, „Вятскій Край“ писалъ, что „казанское общество“ и намѣтило себѣ задачей случайную

---

*) „Общество защиты“ въ этомъ случаѣ можетъ энергично ратовать за скорѣйшее введеніе женской фабричной инспекціи. Это-же намѣчено и въ программѣ „Россійскаго Общества защиты“.

**) Всѣ выдержки изъ газетъ за 1897-й годъ.

помощь въ подобныхъ обстоятельствахъ замѣнить постояннымъ организованнымъ учрежденіемъ. Въ добрый часъ! Если-бы организованная поддержка чаще выступала въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ борьба въ одиночку съ тяжелыми условіями жизни большинству не подъ силу,—много печальныхъ явленій не имѣло бы мѣста, масса ненужныхъ страданій было-бы устранено".

„Странно, — замѣчаетъ „Самарская газета", — что до сихъ поръ такъ мало дѣлалось для достиженія этой цѣли и что многія „несчастныя" тщетно, быть можетъ, искали помощи, чувствуя совершенную безвыходность своего положенія, точно они жили не среди людей, а въ пустынѣ".—„Что мы до сихъ поръ дѣлали для борьбы съ зломъ?—писалъ г. О—нъ въ „Нов. Вр." („Бѣлыя ночи")—мы удаляли притоны съ бойкихъ улицъ (подальше—спокойнѣе на совѣсти!) Мы устанавливали медико-полицейскій надзоръ, при этомъ организовали его такъ, что эта полезная (?!) мѣра примѣняется въ такихъ грубыхъ способахъ, которые убиваютъ въ несчастныхъ женщинахъ всякое чувство собственнаго достоинства, остатокъ всякаго стыда"... Далѣе газета указывала на печальное, порабощенное положеніе дѣвушекъ въ разнаго рода „хорахъ", гдѣ проституція прикрывается жалкой маской искусства, и приводила возмутительную картину „облавъ" на несчастныхъ женщинъ...

„Та область жизни, которой касается дѣятель-

ность подобныхъ (казанскому) обществъ,—писалъ г. Абрамовъ въ „Руси“,—представляетъ собою нѣчто чудовищно-ужасное, настоящій адъ на землѣ со всѣми ужасами. Достаточно напомнить, что въ эту область все чаще и чаще попадаютъ дѣти“... Указавъ на многочисленные факты, свидѣтельствующіе о торговлѣ малолѣтними дѣвочками, г. Абрамовъ заключаетъ, что „для дѣятельности обществъ, подобныхъ казанскому, у насъ представляется широкое поприще и нельзя не пожелать, чтобы казанскій починъ не прошелъ безслѣдно и для другихъ городовъ и чтобы повсемѣстно дѣло человѣколюбія, по отношенію къ несчастнымъ женщинамъ, получило должную организацію и размѣры, соотвѣтствующія страшному злу, противъ котораго необходимо бороться всѣми возможными средствами“. Указывая на гибель множества несчастныхъ дѣвушекъ, при чемъ: „украсть двугривенный—вѣдь это преступленіе, за которое строго караютъ, но разбить жизнь какой-нибудь швейки, модистки—по вѣдь это такъ принято“, указывая на преждевременный развратъ нашей молодежи, истощающей себя физически и духовно, г. Левинъ *) помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ цѣлый рядъ горячихъ статей, посвященныхъ

*) Какъ извѣстно, подъ этимъ псевдонимомъ писала извѣстная симпатичная, отзывчивая писательница К. В. Назарьева, въ числѣ первыхъ записавшаяся членомъ казанскаго „Общества защиты“. Теперь ея доброе сердце уже смолкло навсегда...

идеѣ казанскаго „О-ва“, въ которыхъ онъ писалъ: „Необходимо дружное горячее участіе общества, необходимо смотрѣть прямо въ глаза чудовищному минотавру, пожирающему молодыя силы нашей родины, и нельзя, невозможно умывать руки, повторяя набившую оскомину фразу: это все такъ старо... ничего нельзя сдѣлать...“

„Чѣмъ скорѣе и дружнѣе примется общество за пересмотръ своихъ нравственныхъ устоевъ, тѣмъ болѣе сохранитъ оно здоровье своихъ дѣтей,—добавляли „Новости“,—тѣмъ выше и само поднимется въ нравственномъ отношеніи“, а благодаря этому, „не только сохранится здоровье будущихъ поколѣній, но исчезнетъ понемногу и современный варварскій взглядъ на женщину, прежде всего какъ на орудіе наслажденія“.

Отмѣчая, какъ трудно бороться съ такимъ соціальнымъ зломъ, какъ проституція, „Ниж. Лист.“ говоритъ, что „изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно сидѣть сложа руки. Въ общественномъ прогрессѣ, въ накопленіи тѣхъ идей, которыя приведутъ человѣчество къ болѣе справедливому укладу жизни, имѣетъ цѣну каждое мановеніе благородной руки, каждое біеніе сердца. Надо неустанно вносить свѣтъ во тьму, какъ-бы глубока и ужасна ни была эта тьма, какъ-бы нагло не кичился всевластный развратъ. Чѣмъ болѣе общество станетъ обращать вниманіе на свои внутреннія язвы, тѣмъ легче будетъ найти для нихъ лекарство. Изученіе этихъ

язвъ и борьба съ ними, хотя-бы и палліативная пріучаетъ общественную волю къ самому высшему и благородному труду и расчищаетъ путь къ будущему...“

Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“, *) говоря о случайности, благодаря которой иногда спасаются на Нижегородской ярмаркѣ неопытныя дѣвушки, завлеченныя обманомъ въ притоны разврата, замѣчаетъ: „а сколько такихъ фактовъ, не открытыхъ случайно „посторонними лицами“, остаются навсегда подъ спудомъ?.. Разъ подлая ловушка удалась, нѣсколько дней или недѣль невообразимой грязи легли между настоящимъ и прошлымъ—и кончено! Дѣвушка мѣняетъ имя и главная ея забота—никогда не встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ прежняго міра. А тамъ еще нѣсколько лѣтъ—среда безповоротно налагаетъ свою печать,—и человѣкъ убитъ окончательно. „Отмѣтивъ затѣмъ растлѣвающее дѣйствіе ярмарочной атмосферы, благодаря чему,— какъ сообщалъ съ негодованіемъ нѣсколько лѣтъ назадъ „Волгарь“,—„люди съ высшимъ образованіемъ негнушаются брать поборы съ несчастныхъ женщинъ, подлежащихъ осмотру“, авторъ пишетъ: „А вотъ и еще новый фактъ, на этотъ разъ уже ясный, точный и опредѣленный. Въ № 210 „Волгаря“ появилось слѣдующее сообщеніе, которое мы приводимъ здѣсь во всей его краснорѣчивой сущности: „Въ ярмаркѣ,—пишетъ газета,—однимъ изъ членовъ вра-

*) „Русск. Вѣд.“ 1898 г.

чебно-полицейскаго комитета обнаружено „крѣпостное право“, примѣняемое къ дѣвушкамъ легкаго поведенія. При посѣщеніи членомъ комитета смотроваго пункта одна изъ дѣвицъ заявила, что женщинамъ запрещено уходить отъ хозяекъ и поступать на другое мѣсто, вслѣдствіе чего женщины поставлены бываютъ въ полную рабскую зависимость отъ своей хозяйки и безъ того эксплоатирующей ихъ горькое положеніе. Членъ комитета обратился въ ярмарочное полицейское управленіе по этому поводу, гдѣ ему предъявили оффиціальное отношеніе врачебно-полицейскаго комитета отъ 30-го іюля, подтверждающее заявленіе, выслушанное на смотровомъ пунктѣ. Такъ какъ отношеніе это было написано отъ врачебно-полицейскаго комитета, а между тѣмъ вопросъ этотъ въ комитетѣ не обсуждался, то членъ комитета обратился за разъясненіемъ этого распоряженія, не только по его мнѣнію, незаконнаго но и безчеловѣчнаго. Оказалось, что „распоряженіе“ сдѣлано единоличной властью предсѣдателя комитета, доктора медицины Д. Ф. Рѣшетилло, а вызвало оно протестъ простого купца, г. А. А. Титова“.

И вотъ, основываясь на подобныхъ фактахъ, авторъ обращаетъ вниманіе на роль, которую въ этомъ случаѣ играютъ „посторонніе“, „случайные“ люди. Одинъ посторонній узнаетъо плѣненіи несчастной пріѣзжей дѣвушки... Купцу Титову, не врачу, случайно заглянувшему на смотровый пунктъ, простое и здоровое человѣческое чувство подсказываетъ

протестъ противъ незаконнаго распоряженія. Выводъ ясенъ: необходимо систематизировать контроль и вліяніе въ данной области свѣжаго, сторонняго человѣка, не надышавшагося этой атмосферой до полнаго забвенія не только человѣчности, но даже оффиціальной и обязательной законности. Необходимо, чтобы такой свѣжій человѣкъ спустился, наконецъ, побуждаемый нравственными мотивами, въ эту область отверженія и позора... Уже одинъ фактъ, что въ нѣсколькихъ пунктахъ ярмарки и города, какъ маяки, были бы разсѣяны адреса людей, сторонніхъ и неоффиціальныхъ, къ которымъ можно было-бы обратиться, безъ стыда и риска, за помощью и защитой, имѣло бы громадное значеніе. А затѣмъ, какъ всякое освобождающее вѣяніе, это оказало бы смягчающее вліяніе на всѣ стороны, на общій тонъ этой жизни".

Нигдѣ „общество защиты несчастныхъ женщинъ" не было бы такъ необходимо и такъ полезно, какъ именно здѣсь, на ярмаркѣ".

Необходимость „освобождающаго вѣянія", которое проникло-бы въ эту мрачную область „отверженія и позора", признаетъ даже и такой сторонникъ регламентаціи, какимъ сталъ проф. Тарновскій *). „Рядомъ съ профессіональною проституткою, неисправимою, отъ рожденія нравственно и физически порочною, такъ сказать, прирожденною проститут-

*) „Вѣст. прок. мед." 97 г.

кой“,—говорилъ онъ на послѣднемъ съѣздѣ сифилидологовъ, — есть проститутка случайная. Безъ семейной поддержки, преслѣдуемая неудачей, безработицей, бѣдностью, изнемогающая отъ нужды и всякаго рода лишеній, дурно направленная воспитаніемъ или примѣрами близкихъ, молодая женщина легко можетъ поддаться соблазну большихъ городовъ и, постепенно падая, сдѣлаться проституткой... Признавая же женщину профессіональной, поднадзорной проституткой, мы произносимъ надъ нею строгій безапелляціонный приговоръ, немедленно приводимый въ исполненіе, бросающій женщину въ самыя позорныя условія жизни, сразу обрывающій ея связь со всѣмъ честнымъ и трудящимся міромъ и непрестанно ее толкающій на дальнѣйшій путь разврата и нравственнаго паденія*).

Не смотря на всю наглядную необходимость такихъ организацій, какъ „общество защиты несчастныхъ женщинъ“, у насъ находится, все-таки еще очень много людей, которые, глубокомысленно изрекая такія общія мѣста, какъ „проституція стара, какъ свѣтъ“, „она продуктъ извѣстныхъ экономическихъ условій“ и т. д., считаютъ, что бороться со зломъ безполезно, потому что „частными усиліями зла не искоренить“...

---

*) А такихъ несчастныхъ по послѣдней переписи, къ 28 января 1897 г. въ Россіи было 109000 человѣкъ. И эта цифра, конечно, еще гораздо ниже дѣйствительной.

„Не искоренить зла!“—какая это отличная лазейка для бездѣльничества!

„Вѣдь, если такъ разсуждать, то, пожалуй, придешь къ тому, что голоднаго не стоитъ кормить, ибо бѣдности не искоренить, признать безполезной большую часть нашей общественной дѣятельности (трудъ врача, адвоката и т. д.) носящей характеръ по преимуществу единичной помощи, неисчерпывающей зла до конца“,—писалъ одинъ „голосъ изъ молодежи“ *).—Отсюда, слѣдовательно, большая часть людей должна быть бездѣятельной при современныхъ условіяхъ жизни, цѣлый классъ образованныхъ женщинъ и дѣвушекъ, жаждущихъ дѣятельности, до новыхъ условій жизни должны сидѣть и томиться, ожидая движенія воды. Но тогда кто же станетъ выполнять черновую общественную работу, необходимую для проведенія различныхъ реформъ, кто станетъ подготовлять индивидуумовъ къ новой жизни?“...

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть какая-нибудь такая исключительная дѣятельность, которая можетъ исцѣлить радикально недуги человѣческаго общества? Развѣ не изъ палліативовъ, въ сущности, развѣ не изъ „частныхъ усилій“, сливающихся въ одно русло, получаетъ жизнь свое направленіе? Развѣ мы станемъ утверждать, что нужно спачала измѣнить всю нашу жизнь и только тогда слѣдуетъ приступить къ борьбѣ съ убійствомъ? Нѣтъ, не отрицая огромнаго

*) „Кам. Волж. Край“ за 97 годъ.

значенія соціально-экономическихъ и другихъ вліяній, мы, тѣмъ не менѣе, энергично боремся съ преступленіями и сами становимся уже не способными на убійство, ибо противъ него протестуетъ наше, наслѣдственно воспитанное въ насъ, нравственное представленіе о преступности убійства.

А развѣ развратъ не убиваетъ неисчислимое количество жертвъ? Развѣ онъ не губитъ нашей молодежи, истощая ее, заражая омерзительными болѣзнями? Развѣ мужчина, покупающій женщину, не является буквально ея убійцей, являясь однимъ изъ того опредѣленнаго числа мужчинъ, которые доводятъ эту женщину до смерти? Почему же борьба съ такимъ убійствомъ, соединеннымъ еще съ медленнымъ, ужаснымъ истязаніемъ и поруганіемъ всего человѣческаго, можетъ казаться напрасной и безплодной?... Вѣдь когда-то и убійство простое считалось естественнымъ правомъ сильнаго. Но теперь этотъ инстинктъ укрощенъ въ насъ нравственной уздой и проявленіе его мы считаемъ звѣрствомъ, недостойнымъ человѣка. Почему же намъ не нужно стараться точно также обуздать и тотъ животный инстинктъ, которому мы теперь даемъ полную свободу и который низводитъ человѣка часто на степень низшую той, на которой стоитъ звѣрь...

Можно-ли, слѣдовательно, сомнѣваться, что устраиваемыя „Общества защиты“, помимо достиженія своихъ непосредственно практическихъ задачъ будутъ имѣть еще и глубокое воспитательное значеніе.

„Нельзя успокоиться на однихъ указанныхъ мѣропріятіяхъ (для борьбы съ сифилисомъ, на мѣропріятіяхъ, сводящихся къ усиленному „надзору“)—говорилъ на съѣздѣ сифилидологовъ проф. Тарновскій.—Слѣдуетъ достичь большаго, слѣдуетъ дать юношамъ средство болѣе вѣрное, болѣе нравственное для избѣжанія сифилиса и венеры. И это средство состоитъ въ воспитаніи воли и внушеніи полового воздержанія. Въ данномъ случаѣ врачъ долженъ идти совмѣстно съ педагогомъ, что, къ сожалѣнію, далеко не всегда наблюдается. Основываясь на личномъ опытѣ, я могу сказать, что врачи сравнительно мало пользуются сказанною мѣрою борьбы съ сифилисомъ; нерѣдко встрѣчаются даже приверженцы безотлагательнаго удовлетворенія естественныхъ побужденій, совѣтующіе юношамъ въ развитіи половой зрѣлости прибѣгать къ поднадзорной проституціи... Вообще убѣжденіе въ благопріятномъ вліяніи на юношей полового воздержанія до вступленія въ бракъ или, по крайней мѣрѣ, до наступленія возмужалости недостаточно единодушно и твердо поддерживается врачами. А между тѣмъ половое воздержаніе, какъ мѣра профилактическая, есть одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ и коренныхъ. Мало того, юноша, вышедшій побѣдителемъ въ борьбѣ съ половымъ возбужденіемъ, не только сохранитъ здоровье, но укрѣпитъ свою волю и пріобрѣтетъ ту нравственную самостоятельность, которая необходима

для успѣшной жизненной борьбы*). Врачамъ и педагогамъ слѣдуетъ проводить въ жизнь необходимость полового воздержанія въ самомъ широкомъ значеніи**). Недостаточно только проповѣдывать пользу воздержанія, должно направить къ этой цѣли все воспитаніе... Наглядные результаты такого воспитанія даетъ намъ Англія, гдѣ, по словамъ врачей, среди интеллигентной части молодежи—судентовъ университета и большихъ школъ—заболѣваніе сифилисомъ составляетъ рѣдчайшее исключеніе, половое же воздержаніе—общее правило" ***). Тоже самое говорятъ проф. Крафтъ-Эбингъ, проф. Эйленбургъ и мн. друг. Вліяніе въ этомъ направленіи „обществъ защиты несчастныхъ женщинъ", будетъ, конечно, очень благотворно и „О-ва защиты", привлекая въ свою среду ученыхъ спеціалистовъ, могутъ попутно разрабатывать вопросы о воспитаніи юношества,

*) И вообще, можно сильно сомнѣваться, чтобы напр. развратникъ, грязный нравственно и физически, не внесъ-бы той же грязи и въ общественное дѣло. Ждать отъ такого человѣка въ его дѣятельности чистыхъ и хорошихъ побужденій, по нашему мнѣнію, все равно, что ждать свѣтлой воды изъ загрязненнаго источника.

**) 50000 германскихъ матерей, боясь за участь своихъ дѣтей, обратились 4 года тому назадъ ко многимъ педагогамъ, врачамъ и воспитателямъ съ горячимъ протестомъ противъ индифферентнаго отношенія къ половой распущенности со стороны большинства вышеупомянутыхъ людей. Не пора-ли и русской женщинѣ примкнуть къ этому движенію?

***) „В. Пр. Медицины" 97 г.

чтобы это воспитаніе, поставленное на разумныхъ началахъ, создавало здоровую молодежь съ здоровыми нервами и тѣмъ предохраняло бы ее отъ преждевременной половой жизни и половой распущенности*).

Разумѣется, „искоренить зло частными мѣрами невозможно,— замѣчаетъ „Рус. Богатство“ по поводу казан. общества защиты, — но искоренять его все-таки приходится именно частными приложеніями извѣстныхъ общихъ началъ по всей поверхности жизни... Плохо то общество, въ которомъ совершенно замерли попытки борьбы съ тѣми или другими, хотя бы частными проявленіями крупныхъ неустройствъ нашей жизни, и только люди очень склонные къ шаблонамъ могутъ теперь повторять фразы о полной безполезности всѣхъ вообще филантропическихъ организацій. Несомнѣнно огромное воспитательное значеніе подобныхъ попытокъ, а нѣкоторыя изъ филантропическихъ организацій. возникающихъ среди современныхъ культурныхъ обществъ, являются даже безспорно элементами будущаго, превращая постепенно дѣло милосердія въ дѣло права и общественной обязанности“...

---

*) „Общество защиты“ неизбѣжно принуждено будетъ касаться и разрабатывать и другіе вопросы, тѣсно соприкасающіеся съ задачами „общества“, какъ, напр., о регламентаціи и аболиціонизмѣ, о положеніи женской прислуги и, вообще, рабочихъ женщинъ и т. д.

„Чѣмъ болѣе будетъ такихъ отдѣленій („Общества защиты"), тѣмъ лучше, потому что они создадутъ возможность дѣятельнаго отношенія къ одному изъ глубокихъ золъ нашей жизни, которое теперь остается въ области отвлеченныхъ формулъ" *).

И дѣйствительно, лишь только казанское „общество защиты" коснулось завѣсы неизвѣстности, за которой скрывается самое тяжкое и гнустное современное рабство,—какъ обнаружились прямо ужасныя вещи, требующія немедленнаго, энергичнаго вмѣшательства Общества.

Такъ обнаружилось, что жизнь несчастныхъ женщинъ въ домахъ терпимости г. Казани невыносимо тяжела, что побои и безчеловѣчное отношеніе къ дѣвушкамъ практикуются почти всѣми содержателями этихъ домовъ. Такъ, напр., жизнь въ домѣ Л—ва хуже всякой пытки: хозяинъ дѣвушекъ бьетъ, когда это ему вздумается, и бьетъ жестоко, истязаетъ... за 7—8 мѣсяцевъ въ означенномъ домѣ нѣсколько дѣвушекъ умерло отъ чахотки, одна повѣсилась и одна отравилась... Оказалось, что большинство дѣвушекъ попадаетъ въ дома терпимости значительно ранѣе возраста, установленнаго правилами врачебно-полицейскаго комитета,—попадаютъ нерѣдко 12—13 лѣтними дѣвочками, продаваемыя „хозяевамъ" коммиссіонерами, а нерѣдко и родственниками, даже родителями. Часто неопытныя дѣвушки завлекаются

*) „Рус. Богатство". Май 1897 г. „Новыя книги".

туда обманомъ. Одну, напр., дѣвушку факторша напоила въ пивной и въ такомъ видѣ отвезла ее въ домъ терпимости. Несчастная не могла помириться съ позоромъ и вскорѣ покончила жизнь самоубійствомъ... „Обществомъ защиты“ было выяснено, что многіе „хозяева“ имѣютъ для малолѣтнихъ даже отдѣльныя помѣщенія, куда допускаются лишь самые вѣрные гости.

Взгляды „хозяевъ“ на дѣвушекъ, живущихъ у нихъ, чисто рабовладѣльческій. Такъ, напр., когда одна дѣвушка, которая была взята „Обществомъ защиты“, отправилась въ прежній домъ за своими вещами, то хозяинъ избилъ ее, заперъ въ комнату и грозилъ, что она не можетъ уйти отъ него, что онъ вездѣ найдетъ ее, отовсюду вытребуетъ, а если за ней еще разъ придутъ изъ „Общества защиты“, то посланному онъ „переломаетъ ребра“. Однако дѣвушкѣ удалось вторично убѣжать изъ вертепа. Тогда хозяинъ явился на квартиру къ предсѣдателю „О-ва защиты“ и требовалъ дѣвочку обратно *).

Принимая такихъ „несчастныхъ“ подъ свою защиту, казанское „Общество“ въ тоже время возбудило нѣсколько ходатайствъ передъ правительствомъ объ измѣненіи правилъ врачебно-полицейскаго комитета, въ смыслѣ облегченія положенія „несчастныхъ женщинъ“ и недопущенія въ дома терпимости дѣвушекъ моложе 21 года **).

*) „Волж. Вѣстникъ, № 58“, 1900 г.

**) Несомнѣнно, что эти ходатайства являются первыми изъ

Какія страшныя вещи происходятъ иногда въ этой мрачной области, показываетъ, напр., случай, на который натолкнулось „Общество защиты“ на первомъ же шагу своей дѣятельности.

Представьте себѣ худенькую дѣвочку, которой нѣтъ еще 17 лѣтъ, пораженную злѣйшей чахоткой. Она уже при смерти, она, какъ говорится, „дышетъ на ладонъ“, но она „товаръ“, она принадлежитъ содержательницѣ публичнаго дома, а потому ее заставляютъ пить и „занимать гостей“... Напрасно съ плачемъ, на колѣняхъ, умоляла она „хозяйку“ избавить ее хоть на короткое время отъ этой работы“.

— Тетушка, тетушка, смилуйся!—Просила она,— освободи хоть на два, на три дня... поправлюсь... мнѣ вѣдь себя не жаль... тоска гложетъ... гости совсѣмъ измучили... видишь, въ чемъ душа держится... чувствую, смерть стоитъ въ глазахъ *)...

Но тетушка бросилась на нее съ кулаками и принялась ее бить, отъ чего у несчастной хлынула горломъ кровь и больная впала въ обморокъ... Тогда хозяйка, вмѣстѣ съ „вышибалой“ Хайбуллой, выкинула умирающую дѣвочку, въ трескучій морозъ, въ жалкихъ лохмотьяхъ, назадворки дома терпимости, гдѣ ее и нашли лежавшей пластомъ на снѣгу, окрашенномъ ея кровью... Кто-то отвезъ дѣвочку въ

цѣлаго ряда подобныхъ ходатайствъ, которыя естественно послѣдуютъ въ будущемъ.

*) „В. В.“ № 45 и 53“, 1900 г.

земскую больницу, но тамъ её не приняли, возвратили обратно...

Теперь можно спросить противниковъ „О-ва защиты“, чтобы они сдѣлали, еслибы увидѣли эту замученную дѣвочку, валявшуюся на улицѣ въ собственной крови?.. Неужели отвернулись-бы и пошли-бы дальше, успокаивая себя тѣмъ, что „зла не искоренишь“, если поможешь этой дѣвушкѣ — не она такъ другая?..

Но вѣдь это „живая, живая!“ какъ восклицаетъ герой Чеховскаго „припадка“.

— Ахъ какъ мнѣ хорошо, какъ легко! — произнесла она, умирая въ клиникѣ, куда помѣстило ее „общество защиты“, избавивъ, хотя и поздно, отъ позорнаго „желтаго билета“...

Да, этимъ „зла неискоренишь“. Но за-то и не усилишь его, проходя безучастно мимо такихъ „несчастныхъ“, не внесешь еще лишней капли жестокости и безъ того въ жестокую жизнь.

Да, этимъ „зла неискоренишь!“ Но каждый случай такой помощи вноситъ въ общественную жизнь новую свѣтлую искру гуманности, озаряющей холодный мракъ нашего эгоистическаго существованія.

А развѣ не въ ростѣ этой гуманности и заключается весь прогрессъ человѣчества?

Въ своей рѣчи на первомъ собраніи комитета „Россійскаго общества защиты женщинъ“, А. О. Кони привелъ слова одного шведскаго писателя, сравнивающаго современную культурную жизнь съ ко-

раблемъ, который плыветъ по волнамъ океана, смѣло разсѣкая воду и быстро двигаясь впередъ. На этомъ кораблѣ все красиво, все блеститъ и лоснится, а внизу, на днѣ его трюма, разлагается смрадный трупъ *).

Этотъ трупъ — проституція...

И если при современныхъ условіяхъ жизни обществу не подъ силу выбросить его за бортъ, то нужно хотя стараться всѣми мѣрами, чтобы міазмы этого страшнаго трупа не отравили всего корабля.

---

*) „Спут. Здор.“ № 15, 1900 г.

На подлинномъ написано: „Утверждаю“.
За Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарищъ Министра Князь **А. Оболенскій**.
31 іюля 1899 г.
Вѣрно: За Вице-Директора **Д. Дунинъ-Борковскій.**

УСТАВЪ

Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани.

Цѣль Общества.

1.

Цѣлью общества защиты несчастныхъ женщинъ служитъ нравственная и матеріальная помощь женщинамъ въ смыслѣ всесторонней поддержки нуждающихся и борьбы съ условіями ихъ жизни, способствующими паденію.

2.

Въ виду поставленной цѣли общество должно стремиться въ предѣлахъ своихъ средствъ: 1) Охранять женщинъ и дѣвушекъ отъ крайней нужды и другихъ несчастныхъ обстоятельствъ, нерѣдко влекущихъ за собою паденіе; 2) оказывать нравственную и матеріальную поддержку падшимъ женщинамъ,

желающимъ оставить позорное ремесло и заняться честнымъ трудомъ.

3.

Для достиженія вышеозначенныхъ цѣлей Обществу предоставляется право открывать слѣдующія учрежденія: 1) бюро; 2) пріютъ для временнаго пребыванія женщинъ, ищущихъ труда; 3) ночлежный покой для бездомныхъ женщинъ; 4) Убѣжище Св. Магдалины; 5) ремесленныя мастерскія и сельскохозяйственныя учрежденія (ферму, огородъ, пасѣку) и т. п.; 6) дешевыя квартиры, чайныя, столовыя.

Учрежденія общества.

а) *Бюро общества.*

4.

Бюро общества: 1) сосредоточиваетъ, при посредствѣ членовъ общества, путемъ публикацій и другими средствами всѣ необходимыя свѣдѣнія и справки о женщинахъ, ищущихъ труда, а также о всѣхъ имѣющихся вакантныхъ мѣстахъ и средствахъ заработка для женщинъ; 2) принимаетъ по заявленіямъ потерпѣвшихъ юридическую защиту интересовъ женщинъ и дѣвушекъ по дѣламъ, соотвѣтствующимъ непосредственнымъ цѣлямъ общества.

5.

Въ интересахъ сосредоточенія въ бюро свѣдѣній о нуждающихся въ помощи или защитѣ общества женщинахъ, а также для своевременнаго полученія свѣдѣній о вакантныхъ мѣстахъ, г. Казань можетъ быть раздѣленъ на участковыя попечительства. Каждое изъ такихъ попечительствъ находится въ вѣдѣніи одного изъ членовъ Общества по выбору Общаго Собранія.

Примѣчаніе. Въ удостовѣреніе званія участковаго попечителя или попечительницы имъ выдаются отъ общества билеты по образцу, утвержденному Общимъ Собраніемъ.

6.

Для разрѣшенія юридическихъ вопросовъ при бюро учреждается консультація изъ юристовъ, членовъ Общества, по выбору Общаго Собранія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ же если среди членовъ Общества таковыхъ юристовъ не окажется, то Общество должно озаботиться приглашеніемъ свѣдующаго юриста въ качествѣ консультанта.

7.

При бюро можетъ быть открыта ссудо-сберегательная касса для нуждающихся женщинъ.

б) *Пріютъ.*

8.

Въ пріютѣ могутъ имѣть временное помѣщеніе нуждающіяся женщины, лишившіяся мѣстъ или вообще заработка, вышедшія изъ больницъ, изъ мѣстъ заключенія, пріѣзжія бѣдныя женщины и другія.

9.

Въ пріютѣ могутъ также, временно, помѣщаться несовершеннолѣтнія дѣвушки, извлеченныя при посредствѣ Общества изъ условій, угрожавшихъ ихъ нравственности, причемъ за самовольное оставленіе ими пріюта Общество отвѣтственности не несетъ.

в) *Ночлежный покой.*

10.

Въ ночлежномъ покоѣ Общества могутъ находить мѣсто для ночлега всѣ нуждающіяся женщины.

г) *Убѣжище Св. Магдалины.*

11.

Женщины принимаются въ убѣжище сообразно заявленнымъ желаніямъ, по опредѣленію Правленія

Общества, руководствующагося инструкціей Общаго Собранія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ принятія въ убѣжище женщины, оставившей позорное ремесло, Правленію Общества предоставляется входить въ сношеніе съ подлежащими властями объ освобожденіи таковой женщины отъ врачебно-полицейскихъ осмотровъ.

12

Въ виду постоянной нравственной поддержки кліентокъ, оставившихъ убѣжище съ разрѣшенія Правленія, Общество всегда по возможности оказываетъ имъ необходимую помощь, поддержку и ободреніе.

13.

Ближайшее завѣдываніе убѣжищемъ, какъ и пріютъ для временнаго пребыванія безпріютныхъ женщинъ, должно быть поручено женщинамъ, назначаемымъ Правленіемъ.

Примѣчаніе. Ближайшій порядокъ завѣдыванія убѣжищемъ опредѣляется инструкціями, утвержденными Общимъ Собраніемъ членовъ Общества.

14.

При убѣжищѣ должна быть организована врачебная помощь, при чемъ Общество можетъ ходатайствовать о разрѣшеніи устройства особой лечебницы на началахъ соотвѣтствующихъ основнымъ задачамъ Общества.

д) *Ремесленныя мастерскія.*

15.

Общество, съ надлежащаго разрѣшенія, можетъ устраивать при убѣжищѣ ремесленныя мастерскія женскаго труда.

16.

Задачей мастерскихъ Общества должно служить занятіе полезнымъ трудомъ для женщинъ, знакомыхъ съ ремеслами, также обученіе различнымъ мастерствамъ неподготовленныхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Примѣчаніе. Устройство, порядокъ завѣдыванія и операціи мастерскихъ опредѣляются инструкціями, утвержденными Общимъ Собраніемъ.

III. Составъ Общества.

17.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа лицъ обоего пола, всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій. Членами общества не могутъ быть состоящіе на дѣйствительной военной службѣ нижніе воинскіе чины и юнкера, подвергшіеся ограниченію правъ по суду, административно-ссыльные и учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ. Учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ

другихъ вѣдомствъ могутъ быть членами Общества, но не могутъ быть членами Правленія и не пользуются правомъ голоса въ Общихъ Собраніяхъ. При этомъ для внесенія въ списки членовъ Общества малолѣтнихъ и учащихся требуется представленіе Правленію онаго относительно малолѣтнихъ, нигдѣ не учащихся,—письменнаго согласія родителей или опекуновъ, въ отношеніи учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — разрѣшеніе подлежащаго учебнаго начальства, и относительно обучающихся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—согласія родителей или опекуновъ и разрѣшенія учебнаго начальства, подъ личною отвѣтственностью сего послѣдняго. Представителямъ учебнаго начальства въ этихъ видахъ предоставляется право посѣщенія Общихъ Собраній членовъ Общества безъ права голоса, если они не состоятъ членами Общества. Изложенныя правила не касаются лишь несовершенолѣтнихъ, имѣющихъ классные и офицерскіе чины.

18.

Члены Общества раздѣляются на почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей.

19.

Почетными членами Общества состоятъ лица, сдѣлавшія значительныя пожертвованія въ пользу Общества или оказавшія ему иныя существенныя

услуги и избранныя въ это званіе по предложенію Правленія Общимъ Собраніемъ членовъ Общества.

20.

Дѣйствительными членами Общества состоятъ лица, уплачивающія ежегодно въ кассу Общества взносъ въ размѣрѣ 3 р. или внесшія единовременно не менѣе 60 рублей.

21.

Членами соревнователями состоятъ какія лица, вносящія ежегодно меньше 3 р., но не менѣе 1 рубля, такъ и лица, помогающія дѣйствительнымъ членамъ въ принятыхъ ими на себя обязанностяхъ по Обществу. Члены соревнователи приглашаются почетными и дѣйствительными членами и утверждаются въ своемъ званіи Правленіемъ Общества, согласно установленнымъ Общимъ Собраніемъ правиламъ.

Примѣчаніе. Члены соревнователи не пользуются въ Собраніяхъ Общества правомъ рѣшающаго голоса и не могутъ быть избираемы въ должности по Обществу, но имъ можетъ быть поручаемо, подъ наблюденіемъ дѣйствительныхъ членовъ, исполненіе такихъ обязанностей, какъ обслѣдованіе положенія нуждающихся.

22.

Первоначальный составъ Общества образуется изъ учредителей, которые, по утвержденіи устава и немедленнаго за симъ созыва Общаго Собранія, получаютъ званіе дѣйствительныхъ членовъ.

23.

Для поступленія въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества требуется рекомендація двухъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ и утвержденіе Правленіемъ Общества.

24.

Члены, не уплатившіе до ближайшаго Общаго Собранія причитающихся съ нихъ годовыхъ взносовъ, не имѣютъ права участвовать въ семъ собраніи; члены же, не уплатившіе взносовъ въ теченіе года или не исполнившіе въ теченіе того-же срока принятыхъ ими на себя обязанностей по Обществу, считаются выбывшими изъ состава Общества съ сохраненіемъ, однако, права вновь поступить въ оное, на общемъ основаніи.

25.

Членъ Общества, дѣйствія котораго нарушаютъ интересы онаго, можетъ быть исключенъ изъ состава Общества по постановленію Общаго Собранія.

IV. Средства Общества.

26.

Средства Общества состоятъ: а) изъ членскихъ взносовъ; б) доходовъ отъ капиталовъ и имуществъ

Общества; в) пожертвованій членовъ общества и постороннихъ лицъ, а также различныхъ учрежденій, какъ деньгами, такъ и вещами, и также отказовъ по духовнымъ завѣщаніямъ; г) изъ незначительныхъ отчисленій отъ заработка призрѣваемыхъ; д) сбора по церквамъ, учреждаемаго съ разрѣшенія мѣстнаго духовнаго начальства; е) публичнаго сбора и сбора въ кружки, допускаемыхъ не иначе, какъ съ надлежащаго каждый разъ отъ властей разрѣшенія на производство таковаго сбора и выставленіе кружекъ.

Примѣчаніе. Всѣмъ поступающимъ въ общество и жертвуемымъ суммамъ и вещамъ ведется точная запись и отчетность въ расходованіи ихъ.

27.

Всѣ поступающія въ Общество суммы по назначенію своему подраздѣляются на капиталы основной и расходный.

28.

Основной капиталъ составляется изъ спеціальныхъ пожертвованій и взносовъ и процентныхъ отчисленій со всѣхъ доходовъ Общества, размѣръ каковыхъ отчисленій опредѣляется Общимъ Собраніемъ.

29.

Расходный капиталъ образуется изъ всѣхъ прочихъ суммъ, а также процентовъ съ основного капитала.

30.

Капиталы Общества, по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ $^0/_0$-ныя бумаги и хранятся въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ сберегательныхъ кассахъ и казначействахъ, производящихъ банковыя операціи, туда-же вносится на текущій счетъ и расходный капиталъ Общества, который можетъ храниться и по книгѣ сберегательной кассы. На рукахъ у Казначея могутъ находиться лишь незначительныя суммы, необходимыя на текущіе расходы. Размѣръ этихъ суммъ опредѣляется Общимъ Собраніемъ.

31.

Расходованіе суммъ производится не иначе, какъ съ разрѣшенія Общаго Собранія членовъ, при чемъ таковое разрѣшеніе можетъ послѣдовать, какъ посредствомъ учрежденія смѣтъ Общества на каждый годъ, такъ и независимо отъ утвержденія смѣтныхъ предположеній особыми постановленіями собранія. Въ исключительныхъ случаяхъ пособія могутъ быть разрѣшаемы предсѣдателемъ правленія подъ личною его отвѣтственностью и при непремѣнномъ условіи доведенія о томъ до свѣдѣнія Правленія въ первое же его засѣданіе. Предѣльный размѣръ такого пособія опредѣляется Общимъ Собраніемъ.

Примѣчаніе. Основный капиталъ Общества можетъ расходоваться въ чрезвычайныхъ случаяхъ по постановленіямъ Общаго Собранія, для дѣйствительности котораго требуется не менѣе $^2/_3$ наличнаго числа членовъ.

V. Управленіе дѣлами Общества.

32.

Управленіе дѣлами Общества, завѣдываніе ими и веденіе ихъ возлагается: а) на правленіе Общества и б) на Общія Собранія.

33.

Правленіе состоитъ изъ Предсѣдателя, Товарища Предсѣдателя и отъ 4 до 10 членовъ Правленія, ежегодно избираемыхъ Общимъ Собраніемъ изъ членовъ Общества, пользующихся правомъ голоса.

Примѣчаніе. Не менѣе половины членовъ Правленія должны быть женщины. На должность предсѣдателя и его товарища могутъ быть избираемы женщины.

34.

На случай продолжительнаго отсутствія или выбытія членовъ Правленія ранѣе срока, на который они были избраны, Общее Собраніе избираетъ къ нимъ, на тотъ же срокъ, до 4 кандидатовъ. Кандидатъ, вступившій въ составъ Правленія, остается на немъ до того срока, на который былъ избранъ выбывшій членъ.

Примѣчаніе. Членъ Правленія, не принимавшій участія въ его засѣданіяхъ въ продолженіи 2 мѣсяцевъ, признается сложившимъ съ себя званіе члена Правленія.

35.

Члены Правленія избираютъ изъ своей среды ежегодно Казначея, Секретаря и завѣдующаго бюро.

36.

Всѣ члены Правленія служатъ дѣлу Общества безвозмездно, необходимая на канцелярскіе расходы сумма опредѣляется Общимъ Собраніемъ по представленію Правленія.

37.

Правленіе собирается не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Примѣчаніе. Дни засѣданія Правленія опредѣляются по взаимному соглашенію личнаго состава Правленія.

38.

Для дѣйствительности засѣданія Правленія необходимо присутствіе въ не менѣе $^2/_3$ его членовъ, не считая въ томъ числѣ предсѣдательствующаго.

39.

Рѣшеніе Правленія постановляется большинствомъ $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ онаго.

40.

На обязанности Правленія лежитъ:

а) распредѣленіе занятій по Правленію между членами по взаимному между ними соглашенію;

б) попеченіе объ увеличеніи средствъ Общества и о возможномъ достиженіи его цѣли;

в) завѣдываніе имуществами и капиталами Общества;

г) завѣдываніе учрежденіями Общества и составленіе инструкцій для служащихъ въ нихъ лицъ, а также о внутреннемъ порядкѣ въ ономъ;

д) назначеніе и увольненіе должностныхъ лицъ по учрежденіямъ Общества;

е) наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей лицами, служащими въ учрежденіяхъ Общества;

ж) собираніе свѣдѣній о прибѣгающихъ къ покровительству Общества лицахъ и оказаніе имъ соотвѣтственной помощи, сообразно со средствами Общества; а также наблюденіе за употребленіемъ нуждающимися выданныхъ имъ пособій;

з) возможно часто освидѣтельствованіе суммъ и имущества Общеста;

и) веденіе списковъ членовъ Общества;

і) наблюденіе за своевременнымъ поступленіемъ годовыхъ членскихъ взносовъ и исключеніе изъ списковъ Общества лицъ, неуплатившихъ въ теченіе года этихъ взносовъ или по другимъ причинамъ выбывшихъ изъ общества;

к) установленіе порядка счетоводства и дѣлопроизводства по Обществу;

л) наблюденіе за исполненіемъ устава;

м) сношеніе съ подлежащими мѣстами и лицами отъ имени общества.

Примѣчаніе. Сношеніе Общества съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ дѣлается чрезъ Губернатора.

н) созваніе Общихъ Собраній Общества;

о) составленіе и представленіе на утвержденіе Общихъ Собраній годовыхъ смѣтъ Общества и отчетовъ о суммахъ и дѣятельности онаго;

п) исполненіе постановленій Общихъ Собраній;

р) разсмотрѣніе заявленій отдѣльныхъ членовъ Общества;

с) представленіе къ обсужденію Общаго Собранія вопросовъ, неразрѣшенныхъ Правленіемъ или выходящихъ изъ его власти, и

т) предварительная разработка всѣхъ вообще дѣлъ, вносимыхъ въ общія собранія.

Примѣчаніе. Издаваемыя Правленіемъ инструкціи и правила подлежатъ утвержденію Общаго Собранія.

41.

Предсѣдатель Правленія созываетъ членовъ въ засѣданія Правленія и Общихъ Собраній, руководитъ совѣщаніями въ засѣданіяхъ Правленія, слѣдитъ за исполненіемъ устава, а также постановленій Правленія и Общихъ Собраній, равно за общимъ ходомъ дѣлъ Общества и подписываетъ всѣ исходящія отъ Общества бумаги, за скрѣпою Секретаря или Казначея, по принадлежности.

42.

Въ случаяхъ болѣзни или отсутствія Предсѣдателя Правленія, его права и обязанности по Обществу предоставляются его Товарищу. Въ случаѣ отсутствія и сего послѣдняго, въ засѣданіяхъ Правленія предсѣдательствуетъ одинъ изъ присутствующихъ членовъ Правленія, по взаимному соглашенію.

43.

Секретарь завѣдуетъ письмоводствомъ по дѣламъ Общества, составляетъ протоколы засѣданій Правленія и Общихъ Собраній, ведетъ алфавиты членовъ Общества и списки лицъ, прибѣгающихъ къ его помощи, съ указаніемъ относительно послѣднихъ собранныхъ о нихъ свѣдѣній, равно рода и размѣра оказаннаго имъ пособія, скрѣпляетъ исходящія отъ Общества бумаги и составляетъ годовой отчетъ о дѣятельности Общества.

44.

Казначей принимаетъ поступающіе въ Общество денежные взносы и пожертвованія, деньгами и вещами, производитъ по распоряженію Предсѣдателя, основанному на постановленіяхъ Правленія и Общихъ Собраній, всѣ денежныя операціи и выдачи, деньгами и вещами, ведетъ шнуровыя приходо-рас-

ходныя книги, какъ денежныя, такъ и матеріальныя, и составляетъ годовой отчетъ о суммахъ Общества.

Примѣчаніе. Порядокъ храненія денегъ, остающихся на рукахъ у Казначея, страховыхъ полисовъ, документовъ, бумагъ и книгъ, а также порядокъ веденія денежныхъ приходо-расходныхъ книгъ, пріема и сдачи ихъ опредѣляется особой инструкціею, составляемою Правленіемъ и утверждаемымъ Общимъ Собраніемъ.

45.

Правленіе имѣетъ право приглашать въ свои засѣданія лицъ, не входящихъ въ его составъ и даже постороннихъ обществу, участіе коихъ въ обсужденіи дѣлъ можетъ оказаться полезнымъ. Лица эти пользуются правомъ совѣщательнаго голоса при разсмотрѣніи дѣлъ, по которымъ они приглашаются.

46.

Члены Общества могутъ заявлять письменно или словесно Правленію свои мнѣнія объ улучшеніяхъ или полезныхъ нововведеніяхъ по Обществу. При отклоненіи Правленіемъ предложенія, члену, заявившему оное, предоставляется право требовать внесенія этого предложенія въ ближайшее Общее Собраніе Требованіе это должно быть заявлено не позже, однако, мѣсяца послѣ объявленія объ отклоненіи предложенія. Помимо Правленія никакія заявленія Общему Собранію не допускаются, кромѣ чрезвычайныхъ заявленій Ревизіонной Коммиссіи, касающихся дѣятельности Правленія.

ОБЩІЯ СОБРАНІЯ.

47.

Общія Собранія бываютъ очередныя и экстренныя.

Примѣчаніе. О днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ занятій Общихъ Собраній Правленіе обязано каждый разъ заблаговременно доводить до свѣдѣнія Начальника Казанской Полиціи и членовъ Общества.

48.

Очередныя Собранія созываются не менѣе двухъ разъ въ годъ въ установленные Общимъ Собраніемъ сроки, экстренныя же, въ случаѣ надобности, для рѣшенія неотложныхъ вопросовъ, неразрѣшенныхъ Правленіемъ или превышающихъ его власть, — по постановленію Правленія, по собственному его усмотрѣнію, по требованію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Губернатора, а также Ревизіонной Коммиссіи, или, наконецъ, по письменному о томъ заявленію не менѣе $^1/_{10}$ членовъ Общества, живущихъ въ районѣ дѣятельности Общества.

49.

Общія Собранія открываются Предсѣдателемъ Правленія. Предсѣдателемъ Общаго Собранія избирается Собраніемъ каждый разъ особое лицо. Когда въ Общемъ Собраніи разсматриваются отчеты Правленія или слушаются жалобы на его дѣйствія, Предсѣда-

телемъ Собранія не можетъ быть лицо, принадлежащее къ составу Правленія.

50.

Общее Собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣе половины членовъ Общества, живущихъ въ районѣ дѣятельности онаго. Для рѣшенія вопроса о пріобрѣтеніи и отчужденіи недвижимой собственности, объ измѣненіи устава, объ исключеніи изъ списка Общества членовъ, дѣятельность которыхъ не соотвѣтствуетъ интересамъ онаго, принятіи исключенныхъ вновь въ составъ Общества и о закрытіи Общества необходимо присутствіе въ Собраніи $^2/_3$ всѣхъ членовъ Общества, живущихъ въ районѣ дѣятельности Общества. Если Собраніе не состоится, по неприбытію такого числа членовъ, оно созывается вторично въ срокъ, назначаемый собравшимися членами, но не ранѣе недѣли, для обсужденія тѣхъ же вопросовъ, и Собраніе это считается состоявшимся при какомъ бы то ни было числѣ присутствующихъ членовъ, о чемъ члены Общества въ извѣщеніяхъ о Собраніи и предупреждаются.

51.

Дѣла въ Общихъ Собраніяхъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ о пріобрѣтеніи и отчужденіи недвижимой собственности, объ измѣненіи и дополненіи устава, объ исключеніи изъ состава Общества членовъ, дѣятельность

коихъ не соотвѣтствуетъ интересамъ онаго, о принятіи исключенныхъ вновь въ составъ Общества, для рѣшенія коихъ требуется согласіе $^2/_3$ присутствующихъ въ Собраніи членовъ.

52.

Всѣ выборы производятся въ Общемъ Собраніи закрытой баллотировкой.

53.

Предметы занятій Общихъ Собраній составляютъ:

а) избраніе Предсѣдателя Общаго Собранія, почетныхъ членовъ Общества, Предсѣдателя Правленія, Товарища Предсѣдателя, Членовъ Правленія и Ревизіонной Коммиссіи, а также кандидатовъ къ нимъ;

б) разсмотрѣніе годоваго отчета о суммахъ и дѣятельности Общества, смѣтъ на слѣдующій годъ и докладовъ по онымъ Ревизіонной Коммиссіи;

в) опредѣленіе предѣльнаго размѣра пособія, выдаваемаго въ случаѣ надобности, по личному распоряженію Предсѣдателя Правленія;

г) разсмотрѣніе вопросовъ объ образованіи запаснаго капитала или спеціальныхъ капиталовъ;

д) опредѣленіе размѣра суммы на покрытіе канцелярскихъ расходовъ;

е) разрѣшеніе вопросовъ объ измѣненіи или дополненіи устава;

ж) постановленіе о пріобрѣтеніи или отчужденіи недвижимыхъ имуществъ;

з) разсмотрѣніе предположеній объ устройствѣ учрежденій и предпріятій Общества, предусмотрѣнныхъ уставомъ;

и) утвержденіе инструкцій для Правленія, Ревизіонной Коммиссіи и отдѣльныхъ должностныхъ лицъ Общества;

і) исключеніе членовъ изъ состава Общества, если дѣятельность ихъ не соотвѣтствуетъ законнымъ интересамъ Общества, а равно принятіе исключенныхъ вновь въ составъ Общества;

к) разрѣшеніе вопроса о закрытіи Общества;

л) предварительное разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія Общества и его членовъ о разнаго рода предложеній, передаваемыхъ на обсужденіе Собранія Казанскимъ Губернаторомъ или Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и

м) разрѣшеніе всѣхъ вообще вопросовъ, предлагаемыхъ Правленіемъ, Ревизіонной Коммиссіей или отдѣльными членами Общества.

Примѣчаніе 1. Къ обсужденію въ Общихъ Собраніяхъ дозволяется лишь такіе предметы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Общества и о которыхъ заблаговременно доведено до свѣдѣнія Начальника Казанской полиціи.

Примѣчаніе 2. Упомянутыя въ пунктѣ л) этого параграфа жалобы и предложенія обсуждаются въ ближайшій, по возможности, срокъ въ очередномъ или экстренномъ собраніи, постановленія коего немедленно должны быть сообщены Казанскому Губернатору или чрезъ его посредство Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

54.

Ревизіонная Коммиссія состоитъ изъ трехъ членовъ, избираемыхъ ежегодно Общимъ Собраніемъ. Предсѣдатель Коммиссіи избирается членами оной изъ своей среды. На случай болѣзни, или досрочнаго выбытія кого-либо изъ членовъ Ревизіонной Коммиссіи, къ нимъ избирается тѣмъ же порядкомъ и на тотъ же срокъ 2 кандидата.

Примѣчаніе. Званія членовъ Правленія и Ревизіонной Коммиссіи не совмѣстимы.

55.

Городскія Управленія, Земства, Духовное Вѣдомство и другія учрежденія, оказывая Обществу постоянную матеріальную помощь, могутъ имѣть своихъ представителей въ Ревизіонной Коммиссіи.

56.

Ревизіонная Коммиссія дѣйствуетъ въ теченіе цѣлаго года постоянно провѣряетъ дѣйствія Правленія относительно правильности, своевременности исполненія постановленій Общаго Собранія, вникаетъ въ сущность и способы исполненія дѣлъ, во все ихъ направленіе, въ хозяйственныя и административныя распоряженія правленія, дѣлаетъ ему заявленія въ случаяхъ, когда она это признаетъ нужнымъ въ интересахъ дѣла.

57.

Что касается денежной отчетности, то Ревизіонная Коммиссія обязана ежемѣсячно контролировать суммы, имущество и книги Общества. На ея же обязанности лежитъ повѣрка годового отчета и смѣтъ Общества. Для сего Правленіе передаетъ Коммиссіи отчеты и смѣты не позднѣе, какъ за двѣ недѣли до Общаго Собранія, на которомъ они должны быть утверждены.

Примѣчаніе. Ревизіонная Коммиссія имѣетъ право дѣлать также и внезапныя ревизіи, по своему усмотрѣнію или письменному о томъ съ указаніемъ основаній, требованію $^1/_{10}$ членовъ общества.

58.

Ревизія производится Предсѣдателемъ Коммиссіи, въ присутствіи не менѣе, какъ одного изъ членовъ оной; о замѣченныхъ неисправностяхъ и неправильностяхъ въ ходѣ дѣлъ и о желательныхъ измѣненіяхъ въ оном Ревизіонная Коммиссія своевременно доводитъ до свѣдѣнія Общаго Собранія.

59.

Годовой отчетъ о результатахъ своей дѣятельности Ревизіонная Коммиссія представляетъ по истеченіи года Общему Собранію.

60.

О результатахъ ревизіи члены Коммиссіи дѣлаютъ отмѣтки въ обревизованныхъ книгахъ.

VI. Общія правила.

61.

Общество состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 444 и 445 Уст. общ. пр., т. XIII Св. Зак., изд. 18°2 г.

62.

Общество имѣетъ печать исключительно съ своимъ наименованіемъ.

Примѣчаніе. Печать Общества хранится у Предсѣдателя Правленія или его Товарища.

63.

Члены Общества могутъ получать отъ Правленія билеты или дипломы, удостовѣряющіе ихъ принадлежность къ Обществу.

64.

Общество имѣетъ право пріобрѣтать закономъ дозволенными способами недвижимыя имущества и отчуждать оныя, заключать всякаго рода договоры

и сдѣлки, а равно защищать свои интересы на судѣ чрезъ уполномоченныхъ.

65.

На измѣненіе или дополненіе настоящаго устава испрашивается каждый разъ надлежащее разрѣшеніе.

66.

Установленіе отличительныхъ для членовъ Общества значковъ или жетоновъ допускается не иначе, какъ по формамъ и условіямъ ношенія, утвержденнымъ Казанскимъ Губернаторомъ.

67.

Подробные годовые отчеты о суммахъ и дѣятельности Общества, по утвержденіи ихъ Общимъ Собраніемъ, представляются ежегодно въ двухъ экземплярахъ: одинъ для Казанскаго Губернатора, а другой чрезъ него въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ то-же Министерство и тѣмъ-же порядкомъ представляется пять печатныхъ экземпляровъ устава Общества. Независимо отъ сего въ Министерство, равнымъ образомъ чрезъ Казанскаго Губернатора, представляется по установленной формѣ краткая выборка изъ годовыхъ отчетовъ Общества. Непредставленіе Министерству въ теченіи двухъ лѣтъ по окончаніи отчетнаго года подобной выборки и отчетовъ можетъ служить основаніемъ къ закрытію Общества.

Примѣчаніе. Отчетный годъ считается съ 1 января.

VII. О закрытіи Общества.

68.

Если независимо отъ присвоеннаго Губернаторамъ по закону (321 ст., т. II Св. Зак., изд. 1892 года, общ. губ. учрежд.) права закрывать Общественныя Собранія при обнаруженіи въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку и общественнымъ безопасности и нравственности, Казанскій Губернаторъ признаетъ необходимымъ закрыть Общество по другимъ причинамъ, то онъ представляетъ объ этомъ на усмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

69.

Если по какимъ-либо обстоятельствамъ, Общество прекратитъ свою дѣятельность, то весь принадлежащій ему капиталъ и все имущество, могущіе оказаться по ликвидаціи свободными, получаютъ дальнѣйшее назначеніе лишь съ согласія Казанскаго Губернатора.

70.

О закрытіи Общества доводится до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ черезъ Казанскаго Губернатора.

Исп. об. Вице-Директора (подписалъ) *Крыжановскій.*
За начальника Отдѣленія (скрепилъ) *Ростиславовъ.*
Вѣрно: За Начальника Отдѣленія *Ростиславовъ.*

Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани за 1900 г.

Когда эта книжка была уже окончена, я познакомился съ „отчетомъ о дѣятельности Казанскаго „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“ за 1900-й годъ, т. е. за первый годъ его существованія. Опуская историческій очеркъ возникновенія общества, страдающій, къ сожалѣнію, крупными неточностями съ фактической стороны, отчетъ этотъ заключаетъ въ себѣ очень много интереснаго матеріала.

„Общество“ сразу же твердыми шагами пошло къ намѣченной цѣли, осуществляя свои задачи. За короткій годовой срокъ, имъ было сдѣлано очень не мало. Прежде всего „обществомъ“ былъ открытъ пріютъ, въ которомъ нашли себѣ помощь и убѣжище до 40 дѣвушекъ и женщинъ, пожелавшихъ бросить позорный промыселъ и заняться честнымъ трудомъ. Длинной печальной вереницей проходятъ они при чтеніи „скорбнаго листа“ призрѣваемыхъ въ пріютѣ. Вотъ, ребенокъ тринадцати лѣтъ, обольщенный об-

маномъ; вотъ, другая дѣвочка 14-ти лѣтъ, соблазненная обѣщаніемъ какого то фармацефта жениться на ней; далѣе—дѣвочка 15-ти лѣтъ, съ которой не постыдился вступить въ связь студентъ; еще дѣвочка, которую изнасиловалъ тоже какой-то студентъ. Затѣмъ, 12-ти лѣтняя дѣвочка, изнасилованная хозяиномъ у котораго состояла въ услуженіи; вотъ, дѣвочка была споена и въ такомъ видѣ отвезена въ публичный домъ... и еще, и еще... Все почти дѣти безпомощныя жалкія сироты, дѣти бѣдности, пьянства и горя.

Не менѣе дѣятельно проявило себя съ самаго начала и бюро общества. По мимо пріисканія мѣстъ не одной сотни нуждающихся женщинъ, учрежденная при бюро общества консультація изъ юристовъ выразила свою дѣятельность въ слѣдующемъ.

Отчетъ о дѣятельности бюро юрисконсультовъ.

1) Прошеній на Высочайшее Имя о выдачѣ отдѣльнаго вида на жительство 8
2) Прошеній въ благотворительныя учрежденія и проч. 7
3) Прошеній о пользованіи правомъ бѣдности при веденіи дѣлъ 10
4) Путемъ переписки подъ угрозой возбудить дѣло по 994 ст. было заключено соглашеній о выдачѣ ежемѣсячнаго пособія матери и ребенку. 6

5) Дѣлъ о жестокомъ обращеніи по 142 уст. о наказ. 3

5) Дѣлъ объ оскорбленіяхъ чести и цѣломудрія женщинъ 5

7) Дѣлъ объ истребованіи несовершеннолѣтнихъ изъ домовъ терпимости по просьбѣ ихъ родителей 2

Въ теченіе перваго года консультація, разумѣется, не могла развить свою дѣятельность до размѣровъ должнаго. Кругъ кліентовъ еще не вполнѣ опредѣлился. Не выяснился и родъ дѣлъ, на которыхъ въ будущемъ придется концетрировать свое вниманіе. Но уже и теперь, на основаніи весьма незначительнаго опыта, можно притти къ нѣкоторымъ выводамъ. Поражаетъ во первыхъ, полная юридическая безпомощность населенія. Сложное строго формальное право ему недоступно. Написать прошеніе, подать его въ срокъ—трудная задача для обывателя, дающая обильный заработокъ уличной адвокатурѣ. Поэтому въ большинствѣ случаевъ важна именно подача юридической помощи, а не представительство на судѣ, важна хорошая организація юрисконсульства, децентрализованная преимущественно на окраинахъ, потому что, сосредоточенная въ центрѣ, она никогда не удовлетворитъ наиболѣе нуждающуюся въ ней часть населенія. Останавливаетъ на себѣ вниманіе и приниженное положеніе женщины въ семьѣ. Мужъ, самодуръ, пьяница, часто живущій на крохи, заработываемыя женой, можетъ въ сущ-

ности дѣлать съ ней все, что угодно, подъ единственнымъ условіемъ не наносить ей тяжкихъ побоевъ, что дало бы право привлечь его по 1583 ст. Уст. о нак. Надъ женой всегда тяготѣетъ возможность для мужа потребовать ее черезъ судъ домой, гдѣ бы и въ какомъ положеніи она не находилась. Вся эта процедура съ судебнымъ приставомъ, насильственной доставкой дѣйствуетъ подъ часъ угнетающе на психическій міръ женщины.

Но приниженность женщины сливается съ полнымъ ея безправіемъ, когда она попадаетъ въ дома терпимости. Послѣдніе представляютъ изъ себя тѣсно сплоченную систему вертеповъ, разсылающихъ во всѣ стороны агентовъ въ поискахъ за живымъ товаромъ. При этомъ обыкновенно оффиціально открытый домъ является центромъ, вокругъ котораго группируется цѣлая сѣть частныхъ квартиръ, гдѣ живутъ запасныя проститутки, укрываются на случай полицейскаго обхода безпаспортныя, скрываются на первое время взятыя тайно изъ родительскаго дома. До чего трудно бываетъ отыскивать послѣднихъ, показываетъ дѣло С. 8 сентября крестьянка С. изъ Тетюшскаго уѣзда, заявила, что дочь ея, бывшая раньше проституткой, увезла изъ деревни вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, на самомъ дѣлѣ агентомъ, свою несовершеннолѣтнюю сестру и помѣстила ее въ домѣ терпимости. Усиленные розыски при помощи полиціи привели лишь къ тому, что было найдено мѣстопребываніе бѣглянокъ и только 1 числа

была задержана старшая сестра, показавшая, что сестру свою она уже успѣла переслать въ Вольскъ, гдѣ она до сихъ поръ и скрывается.

Только упорная борьба съ проституціей и въ частности съ существующимъ способомъ ея регламентаціи можетъ пролить лучъ свѣта въ это темное царство, отклонить упрекъ отъ нашей цивилизаціи, что до сихъ поръ мы еще допускаемъ, какъ нѣчто должное, торговлю человѣческимъ тѣломъ. Консультаты: *М. М. Хомяковъ* и *А. И. Елистратовъ* *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ о-во съумѣло привлечь на свою сторону мѣстную администрацію и въ первый день Пасхи 1900 года, г. Казанскимъ полиціймейстеромъ во всѣхъ публичныхъ домахъ было вывѣшено слѣдующее объявленіе:

Отъ Казанскаго Полиціймейстера.

Въ послѣднее время до свѣдѣнія моего неоднократно доходили слухи, что нѣкоторыя женщины, живущія въ домахъ терпимости, тяготятся развратною и пьяною жизнью, но, боясь выйти изъ этихъ притоновъ любодѣйнаго промысла—какъ бы имъ не пришлось хуже, попрежнему торгуютъ своимъ тѣломъ, хотя и сознаютъ, что такой промыселъ, имъ постылый и растлѣвающій ихъ душу и тѣло, онѣ получаютъ въ настоящемъ: столъ, квартиру соблазнительные наряды, веселье и позорную кличку, а

*) „Отчетъ“, стр. 62, 63 и 64.

въ будущемъ — больницу и искалѣченную жизнь. Между тѣмъ содержательницы ихъ, живя въ полное удовольствіе и называя эту торговлю чужимъ тѣломъ „честнымъ трудомъ“, не только что содержатъ себя и свои семьи, но пріобрѣтаютъ: дома и капиталы, обезпечивающіе достаточно, какъ свою жизнь, такъ и своей семьи, готовя и въ будущемъ себѣ покойную старость. Безъисходное положеніе по истинѣ несчастныхъ женщинъ,— рабынь, попадающихъ въ домъ разврата, объясняется послѣдствіемъ умышленнаго обмана ихъ содержательницами ради своей выгоды; обманутыя же женщины, по простотѣ своей и не зная законовъ, ограждающихъ ихъ отъ всякаго насилія, легко вѣрятъ, какъ въ истинную правду въ то, что говорятъ имъ хозяйки. А на самомъ то дѣлѣ тутъ одинъ злой обманъ. Такъ, напримѣръ, содержательницы, стараясь запугать, говорятъ: — „заплати долгъ, иначе не имѣешь права уйти, да все равно не выпущу!.. Одежду всю оберу! Паспорта не выдамъ. Куда это ты тогда пойдешь съ желтымъ то билетомъ да голая?.. Попробуй уйти—насидишься голодомъ, да и ночуешь то подъ заборомъ. Вѣдь не повѣрятъ, что сама ушла, а скажутъ: видно негодна, что и отсюда выгнали. А, попробуй-ка пойти въ пріютъ что въ Подлужной-то. Такъ коли не бывала подъ арестомъ — тамъ насидишься! Здѣсь не работала — была бѣлоручкой, пѣла да плясала, а тамъ — потаскай-ка дровъ, да пошей-ка соленые мѣшки; а по улицѣ-то, какъ арестантка будешь хо-

дить съ надзирательницей; наряды то не будешь носить, какъ дадутъ форму... Родныхъ-то тоже не увидишь!".—Вотъ такими пустыми розсказнями ихъ и запугиваютъ.

По закону за долги, вообще, задерживаютъ только по опредѣленію суда и то такихъ несостоятельныхъ, которые по торговлѣ товарами, т. е. купцы или купчихи, задолжали больше полутора тысячъ рублей (1500), что и указано въ ст. 479 Уставъ торговаго, а если же задержитъ сама содержательница, за какой бы то ни было долгъ, то на основаніи 142 ст. Уст. о Наказ. ее, самое, Мировой Судья посадитъ въ арестный домъ за самоуправство, равно какъ и за задержаніе живущей въ домѣ женщины, данной ей одежды, безъ которой нельзя, конечно обойтись; да и всякое насиліе, по ст. 609 X т. ч. I, пресѣкается тотъ-часъ же самою полиціей. Что касается до устава Общества защиты несчастныхъ женщинъ, то уставомъ завѣдующимъ пріютомъ указано принимать въ пріютъ только тѣхъ желающихъ, которыя намѣрены вести **честную** и **чистую** жизнь, и вовсе **не силою**, а по ихъ **доброй волѣ** и **искреннему желанію**. Въ пріютѣ даютъ помѣщеніе, если нужно, одежду и оказываютъ всякую помощь. Учатъ ремеслу, грамотѣ. Укажутъ возможность, какъ слѣдуетъ жить безъ пьянства и разврата. Даютъ читать книжки, а кто не пойметъ прочитанное, то объясняютъ. Работаютъ въ пріютѣ, что каждая по силамъ и умѣнью можетъ и только въ назначенные часы, а

не съ ранняго утра и до поздней ночи. Даютъ отдыхъ и развлеченіе. Живутъ тамъ столько времени, сколько пришедшія пожелаютъ. Конвоя въ пріютѣ нѣтъ и быть не можетъ, вѣдь пріютъ не арестантское отдѣленіе и выходъ изъ него совершенно **свободенъ**, слѣдуетъ только заявить завѣдующей пріютомъ (ст. Уст. пріюта 9-я). А что въ пріютѣ лучше, видно изъ того, что, во первыхъ, она не будетъ, по приказу содержательницъ, переходить изъ рукъ въ руки въ своихъ затхлыхъ клѣткахъ на потѣху пьяныхъ развратниковъ по нѣсколько разъ во время „танцевальныхъ вечеровъ“ и не будетъ напиваться до потери человѣческаго образа и не будетъ переносить всякаго рода издѣвательства надъ собой, которыя позволяютъ тѣ же „гости“, забавляясь такъ, какъ они не забавляются съ животными. Пусть подумаютъ всѣ живущія въ этихъ веселыхъ домахъ, что онѣ дѣлаютъ изъ себя и какъ къ нимъ относятся тѣ же „гости“? Развѣ они при встрѣчѣ, не въ домахъ терпимости, будутъ съ ними разговаривать? Нѣтъ, имъ это стыдно! Развѣ на нихъ смотрятъ не съ презрѣніемъ, допускаютъ ихъ въ порядочныя мѣста? Онѣ, какъ прокаженныя, отверженныя, ищутъ забвенія въ низкихъ удовольствіяхъ, теряя и совѣсть и стыдъ, данный Богомъ. Кому дѣлаютъ и говорятъ всякія гадости, называя самими позорными словами? Если и найдется добрый человѣкъ, который заступится, такъ ему говорятъ: „э, стоитъ за эту дрянь заступаться!“ Даже умираю-

щей не говорятъ „умираетъ“, а говорятъ „издыхаетъ“. Пусть подумаютъ, что ради нѣсколькихъ дней и даже мѣсяцевъ онѣ несутъ всѣ послѣдствія этой позорной, веселой жизни, не сознавая, что это—не веселая жизнь, а изъ **горькихъ горькая** и на эту то жизнь онѣ даютъ лучшіе свои годы, когда на скромную, честную дѣвушку пріятно смотрѣть и всѣ то къ ней относятся ласково, никто не смѣетъ назвать ее позорнымъ именемъ. Поселясь въ пріютѣ, онѣ сразу переходятъ отъ этой позорной жизни къ жизни покойной, разумной и никто ихъ не оскорбитъ, никто не напомнитъ имъ ихъ позорнаго прошлаго, тѣмъ болѣе, что „желтые билеты“—эти позорныя клейма, съ переходомъ въ пріютъ, будутъ уничтожены, а дадутся тѣ же паспорта, какъ и всякой честной женщинѣ. Живя въ пріютѣ хорошей жизнью, онѣ мало по малу будутъ сами забывать, **чѣмъ они были,** видя ласку и готовность помочь выбраться на честную дорогу, сдѣлаться порядочной трезвой и съ хорошими привычками женщиной, которой дорожатъ и которую цѣнятъ не только мужья и родные, но и всѣ хозяева, берущіе ихъ на службу. Въ пріютѣ желаютъ только одного—именно **искренняго желанія исправиться,** т. е. бросить всѣ позорныя привычки, пріобрѣтенныя въ этихъ помойныхъ ямахъ, называемыхъ „веселыми домами“, и вѣры въ то, что „Общество защиты женщинъ“, приходя къ нимъ на помощь, глубоко сожалѣетъ ихъ, понимая, что онѣ, грѣша противъ заповѣди Божіей, „не вѣдаютъ того,

что творятъ". Обративъ вниманіе на дома терпимости, я долженъ былъ обратить вниманіе и на одиночную проституцію. Она сильно распространяется, благодаря особенному участію любителей „любодѣйныхъ" дѣлъ и влечетъ за собою такія ужасающія послѣдствія, которыя очевидно показываютъ, что сводни и соблазнители, обыкновенно опекуны, попечители и разные съ виду „доброжелательные люди", зачастую являются растлителями юныхъ и невинныхъ дѣвушекъ, обильно забираемыхъ въ модныя мастерскія, въ пивныя, въ разные своеобразные хоры и проч., подталкивая ихъ на торную дорогу разврата, гдѣ въ этой трясинѣ онѣ, придя къ сознанію ужаса, своей жизни, нерѣдко отравляются, топятся или давятся, желая избавиться отъ опротивѣвшей жизни, что всѣмъ и извѣстно, проклиная своихъ соблазнителей, которые, пропитанные насквозь похотью сладострастія, обморачивали ихъ якобы истинной любовью и обѣщаніемъ жениться, а въ сущности они вели блудодѣйныя рѣчи и всячески соблазняли ихъ разными подарками, нарядами, деньгами и т. п. и въ концѣ концовъ добивались своего, взявъ ихъ въ любовницы, чтобы потомъ бросить, какъ какую негодную вещь. Имѣя все это въ виду, и съ точки зрѣнія полицейско-санитарной, и въ цѣляхъ защиты какихъ-бы то не было обманутыхъ женщинъ отъ послѣдствій такой порочной жизни, вызывающихъ къ нимъ, во всякомъ случаѣ, чувство глубокаго сожалѣнія, я пришелъ къ заклю-

ченію о необходимости составленія ясныхъ правилъ указаннаго вида имъ помощи, которыя и излагаются ниже.

Въ цѣляхъ врачебно-полицейскаго надзора, для пресѣченія распространенія сифилиса и вообще заразительныхъ болѣзней, а равно сводничества, или обольщенія дѣвушекъ и въ предупрежденіе въ домахъ терпимости притоновъ воровъ и мошенниковъ постановляется:

I.

1) Содержательницы домовъ должны быть не моложе 35 лѣтъ и не старѣе 55 лѣтъ и открываютъ, получивъ разрѣшеніе по осмотрѣ помѣщеній въ санитарныхъ и полицейскихъ цѣляхъ. Онѣ-же даютъ **подписку** въ исполненіи уже предписанныхъ и впредь постановленныхъ правилъ, согласно § 4 правилъ, утвержденныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 28 іюля 1861 года.

2) Онѣ не должны держать при себѣ ни дѣтей старше 4 лѣтъ, ни женщинъ, ни родственницъ, если послѣднія конечно **не состоятъ** въ числѣ **публичныхъ** женщинъ.

3) Онѣ и живущія у нихъ публичныя женщины могутъ вести между собою **разсчетныя** книжки, въ которую женщина, которой принадлежитъ книга, ежедневно записываетъ на одной страницѣ **всю сумму**, ею пріобрѣтенную, а на другой—**весь заборъ**,

сдѣланный у содержательницы. Безграмотныя разсчитываются чрезъ товарокъ. По истеченіи недѣли разсчеты свѣряются и подписываются.

4) Содержательницы, принимая къ себѣ женщину, представляютъ въ комитетъ, съ заявленіемъ, **оцѣнку** имущества, принесеннаго ею съ собою.

5) Въ заведеніяхъ своихъ онѣ отнюдь не допускаютъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ составу заведенія женщинъ.

6) Женщины моложе 16 лѣтъ въ домъ вовсе не допускаются и за ложный отзывъ о лѣтахъ привлекаются, какъ за подлогъ, по правиламъ устава уголовнаго суда. Свыше этого возраста онѣ могутъ ихъ взять тогда, когда несовершеннолѣтнія до 21 года по ст. С. Х. т. ч. 1-й имѣютъ согласіе отъ подлежащихъ лицъ, а безродныя отъ попечителей, надъ ними учрежденныхъ.

7) Содержательницы должны заявлять въ тотъ же день врачу и смотрителю участка о перемѣнѣ жительства живущей у ней женщины, а при пріемѣ имѣть въ своемъ распоряженіи ея видъ.

8) Содержательницы наблюдаютъ и отвѣчаютъ за здоровье женщинъ, страдающихъ отъ злоупотребленія любодѣйнымъ промысломъ, а тѣмъ паче за принужденіе ихъ къ тому, если бы посѣтители этого и потребовали.

9) Продажа вина и табаку подвергаютъ содержательницъ законной отвѣтственности по уст. питейному и улож. о наказаніяхъ.

10) Приходящихъ для пріема къ промыслу съ паспортами или видами онѣ обязуются сейчасъ-же представлять въ комитетъ.

11) Съ женщинами онѣ обязаны обходиться кротко и не причинять имъ ни притѣсненій, ни побоевъ.

12) **Женщина, пожелавшая обратиться къ честной жизни, можетъ тотчасъ-же выдти, если бы за нею и числился какой-бы то ни было долгъ.**

Въ цѣляхъ оказанія со стороны полиціи содѣйствія тѣмъ проституткамъ, которыя пожелали бы избрать болѣе соотвѣтствующій человѣческому достоинству образъ жизни, постановляется:

II.

1) О всякомъ насиліи или стѣсненіи правъ живущей въ проституціонномъ домѣ, или въ квартирахъ одиночки, по заявленію ихъ, полиція обязана немедленно составлять протоколы, на основ. 252 уст. уг., для начатія о семъ дѣла, а желающей перемѣнить образъ жизни оказать всевозможную помощь для ея защиты лично и съ содѣйствіемъ „Общества защиты женщинъ“ г. Казани.

2) Содержательницы, получивъ отъ кого либо изъ живущихъ въ домѣ такое заявленіе обязуются, **въ тотъ же день**, донести о томъ мнѣ въ мою канцелярію и съ тѣмъ вмѣстѣ дать знать въ Бюро, уч-

реженное при правленіи „Общества защиты женщинъ“, при чайной „Общества Трезвости“ (Булакъ, свой домъ), отъ 11 до 2 ч. дня, или прямо въ правленіе Общества.

3) Сами живущія въ домѣ, если грамотныя, во всякое время о своемъ желаніи выйти изъ состава проститутокъ могутъ написать въ мою канцелярію, или въ правленіе „Общества защиты женщинъ“, на заготовленныхъ для этой цѣли бланкахъ, которые вмѣстѣ съ конвертами онѣ могутъ потребовать отъ хозяйки, снабженной ими для этой цѣли по моему распоряженію.

4) Точно также каждой, живущей въ домѣ, въ случаѣ препятствія со стороны содержательницы, представляется право заявить кому указано выше или всякому полицейскому чину о своемъ желаніи перемѣнить образъ жизни, а равно и о сдѣланныхъ надъ ней насиліи или обманѣ. Такое заявленіе она можетъ сдѣлать и **лично** при посѣщеніи домовъ этихъ чинамъ полиціи, или членамъ „Общества защиты женщинъ“, которыми и будутъ, конечно, приняты немедленно мѣры къ освобожденію ихъ и къ наказанію виновныхъ.

5) Въ предупрежденіе отъ уклоненій къ преподаннымъ правиламъ (въ пунктахъ 3 и 4), каждая содержательница **снабжается** жалобною книгою (какъ и на желѣзныхъ дорогахъ), хранящейся на **видномъ** мѣстѣ за шнуромъ и печатью на столѣ подъ правилами, вывѣшенными въ передней комнатѣ, для

вписыванія въ этихъ книгахъ отъ имени живущихъ въ домѣ жалобъ на дѣлаемыя имъ стѣсненія, или насилія, каковы книги и просматриваются лицами, производящими осмотръ домовъ для сдѣланія, тутъ же отмѣтокъ о послѣдовавшихъ распоряженіяхъ.

6) Такъ какъ подъ видомъ прислуги въ домахъ терпимости, въ большинствѣ случаевъ, проживаютъ несовершеннолѣтнія, обычно лишенныя покровительства, или дѣвушки-сироты, являющіяся нерѣдко жертвами любодѣйныхъ дѣяній, то противъ содержательницы, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть возбуждено уголовное преслѣдованіе, какъ за сводничество, предусмотрѣнное въ ст. 44 уст. о наказаніяхъ, и даже за растленіе, или изнасилованіе, или обольщеніе по правиламъ уложенія о наказаніяхъ по ст. 1424, 1525 и, слѣд. подвергающимъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на сроки.

Особенно цѣннымъ и знаменательнымъ является то, что „О-во“ сразу-же коснулось такихъ общихъ вопросовъ, какъ о ссудо-сберегательной кассѣ для трудящихся женщинъ; о надзорѣ за ремесленными и фабричными заведеніями, гдѣ работаютъ дѣвушки и женщины: о наблюденіи за „контрактами“ разныхъ садовыхъ увеселителей, опутывающихъ беззащитныхъ и неопытныхъ дѣвушекъ; о не допущеніи въ домѣ терпимости дѣвушекъ моложе 20 лѣтъ; о закрытіи домовъ терпимости въ Казани и проч.

Оглавленіе.

Стр.

Отъ автора 3

Исторія возникновенія „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“. 5

Несчастныя 28

На ловлѣ 42

Маскарадъ. 62

Пробужденіе. 79

Краткій проектъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ“ 87

Заключеніе 97

Уставъ „Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани“. 122

Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ г. Казани за 1900 г 148

Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Цѣна 40 к.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ (приложеніе: уставъ Казанскаго О-ва защиты несчастн. женщинъ). Цѣна 40 коп.

Т. Барвенкова. Раздолье (повѣсть). На мели. По способу Коха (разсказы). Цѣна 80 коп.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономич. науки. 2-е изданіе, переработанное и дополненное. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой). Цѣна 80 к.

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей (съ 12 рис.) Цѣна 25 к.

Его-же. Божьи дѣти. Сборникъ. Цѣна 7 коп.

С. Н. Кривенко. На распутьи (культурные скиты и культурныя одиночки). Цѣна 80 коп.

А. Маликовъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго. Цѣна 80 к.

Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія тт. III и IV. Цѣна по 1 р. (I и II тт. вышли въ изд. К. Т. Солдатенкова).

Его-же. Святочные разсказы. Цѣна 60 к.

И. Озеровъ. Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправлен. Цѣна 2 р.

Ѳ. П. Павловъ (Ѳ. П.). За десять лѣтъ практики (воспоминанія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни). Цѣна 50 коп.

29 ДЕК 19

А. Погорѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Приуралья). Цѣна 80 к.

В. Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы. Цѣна 80 к.

Танъ. Чукотскіе разсказы (съ 12 рисунк.). Цѣна 1 р.

Его-же. Стихотворенія. Цѣна 80 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Цѣна 1 р.

Евг. Чириковъ. Инвалиды. Чужестранцы и др. разск. Цѣна 1 р.

Ол. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. *Ц. В.* Цѣна 25 к.

Готовятся къ печати:

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Переводъ съ нѣмецкаго. **Лоренцо Бенони.** Романъ (изъ жизни Италіи). **А. Быкова.** Очерки по исторіи Ирландіи. **Н. Тимковскій.** Повѣсти и разсказы кн. II.

Главный складъ: Москва, Моховая, 26, магазинъ **„Книжное Дѣло“.** Книгопродавцамъ — обычная скидка. Выписывающіе изъ склада на 2 р. и болѣе за пересылку не платятъ.

Всѣ означенныя изданія имѣются въ продажѣ въ провинціи, между прочимъ, въ магазинахъ: П. И. Макушина (въ Томскѣ и Иркутскѣ) г. Идзиковскаго (въ Кіевѣ), Юж. Русск. Общ-ва Печатн. дѣла (Одесса, Пушкин., 20). Книжн. Складъ Саратовск. Земства (Саратовъ). Кн. Скл. Вятскаго Земства (Вятка) Ю. Волковой (Ялта) Башмаковыхъ и Дубровина (Каза Петровской (Пермь), Шулятикова (Череповецъ).

2011109028